

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА»
САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЦИВИЛИСТИКИ

*Материалы всероссийской
научно-практической конференции*

(Улан-Удэ, 16 мая 2024 г.)

Научный редактор
С. В. Доржиева, канд. юр. наук, доц., зав. кафедрой ГПиП ИПЭ

Ответственный редактор
Р. А. Балдаева, канд. биол. наук, доц.

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2024

УДК 340 (082)
ББК 67.021я431
А 437

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
Протокол № 3 от 14.06.2024 г.

Редакционная коллегия

Р. А. Балдаева, канд. биол. наук, доц., **О. В. Исаенкова**, д-р юр. наук, проф., **Е. А. Мурзина**, канд. юр. наук, доц., **Ж. Т. Ламбаев**, канд. юр. наук, доц., **М. М. Налетова**, ст. преп.

Рецензенты

О. В. Хышиктуев, канд. юр. наук, доц., заслуженный юрист РФ
Е. В. Цыденова, судья Верховного суда РБ, канд. юр. наук

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru

А 437 **Актуальные вопросы цивилистики:** материалы всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 16 мая 2024 г.) / научный редактор С. В. Доржиева, ответственный редактор Р. А. Балдаева. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, 2024. – 142 с.
ISBN 978-5-9793-1937-7

В сборнике представлены материалы всероссийской научно-практической конференции, проведенной кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Бурятского государственного университета. Настоящий сборник содержит работы по актуальным проблемам частного права и гражданского судопроизводства.

Предназначено для научных и педагогических работников, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов, практических работников, а также всех, кого интересуют актуальные вопросы цивилистики.

Actual questions of civil law: materials of the regional scientific-practical conference (Ulan-Ude, May 16, 2024) / sci. ed. E. A. Murzina, resp. ed. R. A. Baldaeva. – Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing House, 2024. – 142 p. ISBN 978-5-9793-1937-7

The collection contains materials of the regional scientific-practical conference held by the Faculty of Civil Law and Process of the Buryat State University. This collection contains research of current issues of civil, family, labor and process legislation.

Is intended for researchers and teachers, graduate students, undergraduates, students of law schools and faculties, practitioners, as well as all who are interested in the current problems of civil law.

УДК 340 (082)
ББК 67.021я431

ISBN 978-5-9793-1937-7

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию материалы всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы цивилистики», которая была проведена 16 мая 2024 г. в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова.

Традиционно данное мероприятие в первую очередь было направлено на развитие молодежной студенческой науки. В этом году исследования были посвящены различным отраслям частного права и гражданского судопроизводства, в том числе и таким современным проблемам, как значение термина «космический объект» в космическом частном праве; врачебная тайна в правоотношениях суррогатного материнства; правовое регулирование труда спортивных тренеров; офсетный контракт как форма государственно-частного партнерства; искусственный интеллект в гражданском процессе; иностранный диплом о высшем образовании как подтверждение права представлять интересы граждан и юридических лиц в судах общей юрисдикции Российской Федерации и др.

Трибуна молодых исследователей поддержана соавторством научных руководителей, статьями аспирантов, а также судей Республики Бурятия, поделившихся своим профессиональным опытом применения как материальных, так и процессуальных норм при разрешении споров по существу.

Благодарим всех участников конференции за сотрудничество, научную и практическую значимость докладов и статей, которые вносят большой вклад в развитие частного права, а также гражданского судопроизводства. Особые слова благодарности за совместное проведение всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы цивилистики» выражаем кафедре гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии.

*Доржиева Светлана Владимировна,
канд. юр. наук, доц., зав. кафедрой
гражданского права и процесса
Института права и экономики
Бурятского госуниверситета
им. Д. Банзарова,
судья в почетной отставке,
заслуженный юрист РБ*

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.296

ПРОБЛЕМЫ НАДЗОРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

© **Алексеев Тимур Александрович**

студент 3-го курса,

Саратовская государственная юридическая академия

Российская Федерация, г. Саратов

timuralexeev2003@mail.ru

© **Латыпов Артур Асхатович**

студент 3-го курса,

Саратовская государственная юридическая академия

Российская Федерация, г. Саратов

arthur_latipov_05@mail.ru

В представленной статье авторы рассматривают проблемы надзорного производства в гражданском процессе Российской Федерации. Анализируются положения ФКЗ РФ «О Верховном суде», которыми закрепляется основная цель института надзорного производства. Исследуется влияние результатов надзорного пересмотра гражданских дел Президиумом ВС РФ на последующую судебную практику. В работе ставится вопрос о необходимости надзорного производства, представлены данные статистики официального сайта Президиума ВС РФ, систематизируются различные научные мнения по данному вопросу. Поднимается вопрос эффективности и актуальности действующего института надзорного производства, представлены самостоятельные выводы, рассмотрены возможные пути решения проблем, предлагаемые учеными. Особое внимание уделено целесообразности пересмотра дел в порядке надзорного производства, приведены некоторые доводы, свидетельствующие об отсутствии необходимости в данном институте.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, Гражданский процессуальный кодекс, надзорное производство, институт надзорного производства, надзорная инстанция, Президиум Верховного суда, статистика судебной практики, пересмотр судебных постановлений, кассационное обжалование, целесообразность надзорного производства.

В соответствии со ст. 7 Федерального конституционного закона «О Верховном суде» страны ключевой целью Президиума ВС РФ является ревизия правовых решений, уже обретших силу, с целью гарантирования законности в судебной системе [1, ст. 7]. Одним из составных элементов цели является «обеспечение единства судебной практики». Возникает закономерный вопрос «Может ли настоящая надзорная инстанция обеспечить единство судебной практики?». Ответ, кажется, очевиден, и вот почему.

Возможность пересмотра гражданского дела в порядке надзора становится все более ограниченной, что, конечно, является проблемой. В течение пяти последних лет было пересмотрено лишь пять судебных решений в порядке надзора, а в период с 2020 по 2023 г. Президиум Верховного суда РФ пересмотрел всего два гражданских спора, следуя по пути кассационного обжалования от Судебной коллегии по гражданским делам [2].

Основываясь на приведенной статистике и отвечая на вопрос, поставленный ранее, стоит отметить, что влияние надзорной инстанции на судебную практику незначительно. Это означает, что оно не выполняет цель, на которую направлено. Основываясь на этом утверждении, стоит поставить логически возникающий вопрос о необходимости и целесообразности данного института в гражданском процессе РФ.

Вопрос о целесообразности надзорного производства в гражданском процессе РФ был и остается достаточно обсуждаемым в научной литературе. Многие деятели науки высказываются против данного института. Так, ученый С. А. Халатов показывает явную проблему надзорного производства – Верховный суд РФ не загружен делами, рассматриваемыми в надзорном порядке, а надзорная инстанция не оказывает существенного влияния на практику [3, с. 38–40].

Думается, что сегодняшнее законодательство не смогло найти соответствующий баланс между исключительностью стадии пересмотра дел в порядке надзора, освобождением Верховного суда РФ от обыденной, не свойственной ему работы и тем объемом дел, который необходимо рассматривать. Полагаем, что для действительного повышения эффективности надзорного производства необходимо внести изменения в действующее процессуальное законодательство. Этот шаг хоть и кажется достаточно радикальным, является, по нашему мнению, наиболее действенным.

Однако намерений на изменение существующего законодательного регулирования в этой сфере не наблюдается. Гражданский процессуальный кодекс РФ и сложившаяся практика отдают явное предпочтение кассационному способу проверки в качестве окончательного.

В науке существуют предложения и о менее радикальных способах решения данной проблемы. Так, размышляя о возможности повышения эффективности надзорного производства, профессор В. М. Жуйков пишет: «представляется полезным избавить судебные коллегии Верховного суда РФ от кассационных полномочий (их вполне реализуют окружные суды). Тогда Верховный суд РФ смог бы более эффективно осуществлять свои надзорные полномочия» [4, с. 148].

Схожее мнение выражает и Д. О. Катаев. В своей работе он предлагает упразднить производство по пересмотру судебных постановлений, которые вступили в законную силу, в Верховном суде РФ в качестве суда кассационной инстанции, оставив за Верховным судом РФ лишь надзорное производство [5, с. 986–990].

Профессор В. А. Кашепов выражает мнение о необходимости развития и усовершенствования надзорного производства, отдавая предпочтение кассационному производству [6, с. 52–54].

И. Ю. Быкова подчеркивает, что кассационное производство в настоящее время включает в себя атрибуты, которые ранее были свойственны только надзорному производству, такие как разнообразие судебных инстанций, установленные сроки для обжалования и критерии для пересмотра судебных решений. Это подтверждает мнение о том, что для эффективной работы надзорного производства в российской системе гражданского судопроизводства требуются существенные изменения и реформы. Надзорное производство в Президиуме Верховного суда РФ, ранее имевшее значимость для проверки исполнения судебных актов, становится менее важным в судебной системе страны. Теперь его функции можно охарактеризовать как процесс обычной проверки законности решений судов [7, с. 53–59].

Действительно, стоит согласиться с вышеупомянутыми авторами и констатировать, что для нормального функционирования институт надзорного производства в российском гражданском процессе нуждается в реформировании. Более того, стоит согласиться с Л. А. Тереховой, которая справедливо отметила, что надзорное производство постепенно утрачивает значение и все большую роль будет играть именно кассационное производство [8, с. 74].

Исходя из проанализированных работ ученых, процессуального законодательства и судебной практики, возвращаясь к вопросу о необходимости надзорного производства, важно обратиться к следующим положениям.

Необходимо вспомнить, что создание института надзорного производства после Октябрьской революции связано в первую очередь с недостатком квалифицированных кадров в судебной системе, что могло повлечь большое количество судебных ошибок, поэтому существовала явная необходимость в судебном контроле. С тех пор надзорное производство претерпело существенное количество изменений, но так и не стало эффективным.

Также стоит отметить, что актуальность надзорной инстанции постепенно теряет свою значимость и в рамках современных юридических процедур. Во многих случаях становится явным, что именно кассационная инстанция является ключевым этапом для обращений, связанных с решениями мировых судей. Процесс надзорного обжалования, который применим не ко всем судебным решениям, предполагает возможность для исключительных ситуаций, когда ошибка все же может быть исправлена на высшем уровне в Верховном суде РФ, но такие случаи остаются скорее исключением, подчеркиваемым в соответствующих статьях Гражданского процессуального кодекса РФ.

Согласно положениям п. 3 ст. 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», перед тем как обратиться в Конституционный Суд РФ, необходимо пройти процедуру подачи кассационной жалобы в вышестоящий суд, который является последней инстанцией для определенного типа дел. Однако стоит отметить, что не каждый этап надзорного процесса требуется для исчерпания механизмов внутренней юридической защиты перед обращением в Конститу-

ционный Суд РФ. Например, решения, вынесенные мировыми судьями, редко подлежат пересмотру в Верховном суде РФ.

В случае, когда закон обязывает обращаться с жалобой прямо к Верховному суду Российской Федерации, необходимо придерживаться данных правил и воспользоваться этим правом, перед тем как направлять жалобу в Конституционный Суд РФ. К тому же сам Конституционный Суд РФ имеет полномочия признать внутригосударственные средства исчерпанными, если уже существует установленная судебная практика или же официальное толкование закона, подтверждающее единственно возможный способ его применения.

Исходя из текущей ситуации видно, что роль надзорного органа в судебной системе потеряла свою эффективность и значимость. Мы считаем, что заявленные амбиции надзорной инстанции, которые кажутся излишне утопическими, не находят отражения в реальности. Согласно постановлениям, принятым Конституционным Судом РФ в начале февраля 2007 г., надзорное производство должно стремиться к балансу между правом на честное рассмотрение дела в суде (это дает возможность исправлять ошибки, влияющие на результаты судебного процесса) и необходимостью в юридической уверенности. Однако реальные данные о рассмотрении гражданских дел Президиумом Верховного суда РФ показывают, что эти идеалы далеки от истины.

Выявленные в статье проблемы надзорного производства являются актуальными в настоящее время, исходя из вышеизложенного контекста становится ясным, что текущая законодательная схема не рассматривает надзорное производство как обязательный этап гражданского процесса. В нынешних условиях такой механизм оказывается неэффективным для достижения своих первоначальных целей.

После тщательного анализа текущего состояния надзорного процесса в гражданских делах и оценки мнений экспертов можно установить, что прекращение надзорной функции позволит судьям Верховного суда Российской Федерации более эффективно заниматься кассационным производством. В свете создания отдельных судов кассационной инстанции кассационное обжалование становится ключевым и окончательным этапом в процессуальном порядке рассмотрения жалоб. Полагаем, что такое изменение в системе гражданского судопроизводства улучшит общую эффективность рассмотрения гражданских дел и будет способствовать решению существующих на данном этапе проблем.

Литература

1. Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 550.
2. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном суде Российской Федерации в 2020, 2021, 2022, 2023 гг. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: https://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=11564

3. Халатов С. А. Значение реформы судебного надзора в гражданском процессе в 2018 г. // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11. С. 38–40.

4. Жуйков В. М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. 2017. № 8(248). С. 146–154. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-razvitiya-protsessualnogo-zakonodatelstva-i-zakonodatelstva-o-sudoustroystve>.

5. Катаев Д. О. К вопросу о необходимости реформирования надзорного производства в гражданском процессе // Эволюция российского права: материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 29–30 апреля 2021 г. / Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. юрид. ун-та, 2021. С. 986–990.

6. Кашепов В. П. Надзор за судебной деятельностью как конституционное начало организации судебной деятельности // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 52–54.

7. Быкова И. Ю. «Новая» реформа надзорного производства в свете перспективы единства процесса // Адвокат. 2015. № 4. С. 53–59.

8. Пересмотр судебных актов по гражданским и административным делам: проблемы нормативного регулирования, официального толкования и правоприменения: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 июня 2021 г. / составитель и редактор Л. В. Войтович. Санкт-Петербург, 2021. 344 с.

PROBLEMS OF SUPERVISORY PROCEEDINGS IN CIVIL PROCESS

Alekseev Timur Alexandrovich

3rd year student,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation,
timuralexeev2003@mail.ru

Latypov Artur Askhatovich

3rd year student,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation,
arthur_latipov_05@mail.ru

In this article the authors discuss the problems of supervisory proceedings in the civil process of the Russian Federation. The article analyses provisions of FCZ «About the Supreme Court», confirming the purpose of the institute of supervisory proceedings. The influence on the practice of supervisory review of cases in the Presidium of the Armed Forces has been considered. The work raises the question of the need for supervisory proceedings, presents the statistics of the official website of the Presidium of the Armed Forces of the Russian Federation, systematizes the opinions of scientists who have studied this issue. The question of the effectiveness and relevance of today's institution of supervisory proceedings is raised, independent conclusions are presented,

possible ways of solving the problem are considered, proposed by scientists. Particular attention is paid to the appropriateness of reviewing cases under the supervisory procedure, the arguments are given that there is no need for this institution.

Keywords: civil procedural law, the Code of Civil Procedure, supervisory proceedings, the institution of supervisory proceedings, the supervisory instance, the Presidium of the Supreme Court, judicial practice statistics, review of judicial decisions, cassation appeals, expediency of supervisory proceedings.

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СУДА КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

© **Буржимский Олег Александрович**
студент 3-го курса,
Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, г. Саратов
oleg.burzhimskiy@mail.ru

© **Кансыриев Артур Фларидович**
студент 3-го курса,
Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, г. Саратов
oleg.burzhimskiy@mail.ru

В статье рассматриваются противоречия в полномочиях суда кассационной инстанции, связанные с оценкой доказательств и фактических обстоятельств дела. С одной стороны, кассационному суду запрещено устанавливать новые обстоятельства или переоценивать доказательства, с другой стороны, он обязан проверять применение норм процессуального права, включая нормы о доказывании. Это приводит к разночтениям в судебной практике и отмене решений кассационных судов Верховным судом РФ. Для решения проблемы предлагается либо расширить полномочия кассационного суда, разрешив ему исследовать и оценивать доказательства, либо полностью исключить возможность проверки оценки доказательств в нижестоящих инстанциях. Автор склоняется к первому варианту, видя в нем путь к большей законности и укреплению гарантий права на судебную защиту.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, суд кассационной инстанции, кассационная инстанция, кассация, полномочия суда кассационной инстанции, гражданский процесс, кассационное производство, судебные инстанции, гражданское судопроизводство, судебная практика.

Кассационное производство подверглось масштабному реформированию в 2018–2019 гг. в Российской Федерации, создавшей современную независимую, сильную и автономную судебную инстанцию [1].

Однако, как показала практика, некоторые вопросы правового регулирования полномочий суда кассационной инстанции общей юрисдикции (первая кассация, далее – кассационный суд) остаются по-прежнему противоречивыми и вызывающими дискуссии. Одним из таких вопросов является регулирование действий кассационного суда с доказательствами.

Согласно ч. 3 ст. 390 ГПК РФ, «кассационный суд общей юрисдикции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказа-

тельств перед другими и определять, какое судебное постановление должно быть принято при новом рассмотрении дела. Дополнительные доказательства судом кассационной инстанции не принимаются» [2]. Исходя из данной нормы можно сделать вывод, что кассационный суд полностью лишен возможности действий с доказательствами, кроме как соглашаться с их трактовкой, которая была осуществлена судами нижестоящих инстанций, соответственно, принимать установленными те обстоятельства, которые вытекают из данной трактовки и были установлены судами нижестоящих инстанций.

Исследование доказательств в судах первой и апелляционной инстанции регулируется нормами гражданского процессуального права. На основании установленных в соответствии с гражданским процессуальным законодательством фактических обстоятельств дела суды принимают решение о том, какое материальное право применимо к данному правоотношению и как его следует применять.

Однако ч. 1 ст. 379.6 ГПК РФ устанавливает, что кассационный суд проверяет не только правильность применения норм материального права, но и правильность применения норм процессуального права без каких-либо оговорок [2]. Конкретизирует это положение ч. 3 ст. 379.7 ГПК РФ, которая устанавливает, что основанием для отмены или изменения обжалуемого судебного постановления кассационным судом является выявление такого нарушения или неправильного применения норм процессуального права, которое привело или могло привести к принятию неправильных судебных постановлений [2].

Таким образом, кассационный суд должен оценить факт нарушения норм процессуального права нижестоящими судами на предмет значимости такого нарушения для целей вынесения решения по делу. Оставляя за скобками факт того, что при такой конструкции нормы определение значимости нарушения попадает в зависимость от субъективной оценки и разные кассационные определения могут противоречить друг другу, не образуя единства судебной практики, следует признать, что это как раз является нормальным вариантом правового регулирования. Действительно, кому, если не вышестоящему суду, устанавливать значимость нарушения норм процессуального права? Отмена же всех судебных постановлений, где каким-либо образом было нарушено процессуальное право, приведет к дезорганизации деятельности судов нижестоящих инстанций. Касательно единообразия судебной практики, для России аксиоматично, что судьи не обязаны руководствоваться другими судебными решениями при вынесении своих судебных решений, это больше свойственно для англосаксонской правовой системы.

Вместе с тем вопрос о противоречии возникает в другом контексте. Если нормы процессуального права регулируют вопрос исследования и оценки доказательств, и установления фактических выводов по делу, а кассационному суду запрещено устанавливать какие-либо обстоятельства по делу и исследовать доказательства, то как кассационный суд должен исследовать обжалованное судебное постановление в части исследования доказательств и установления фактических обстоятельств? Немного ясно-

сти в данном вопросе дает постановление пленума Верховного суда РФ от 22.06.2021 г. № 17: «... если судами первой и (или) апелляционной инстанций допущены нарушения норм процессуального права при исследовании и оценке доказательств (например, судебное постановление в нарушение требований ст. 60 ГПК РФ основано на недопустимых доказательствах), кассационный суд общей юрисдикции учитывает эти обстоятельства при вынесении кассационного определения» [3]. То есть фактически кассационный суд должен оценить правильность исследования и оценки доказательств судами первой и апелляционной инстанции, не исследуя и не оценивая доказательства. Это является очевидным противоречием.

На наличие дискуссии в юридической науке по данному поводу указывает И. С. Чирьев. Он полагает, что дискуссии возникают из-за ограниченных полномочий кассационного суда в проверке фактологической части решения первой инстанции. Некоторые ученые также считают, что ограничиваться следует лишь проверкой законности, не выходя за пределы. Между тем проверка законности автоматически подразумевает также проверку обоснованности решения [4].

Судебная практика по изучаемому вопросу является не менее противоречивой. Например, определением Судебной коллегии по гражданским делам первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2019 г. № 88-1246/2019 было установлено, что суды нижестоящих инстанций не исследовали доказательства, которые следовало исследовать, и не дали им надлежащей оценки [5], что явилось значимым нарушением норм процессуального права (именно в «доказательственной» его части).

Однако почти аналогичное кассационное определение было отменено Верховным судом (Определение № 18-КГПР21-126-К4) в деле гражданки Б., когда «кассационный суд общей юрисдикции не согласился с выводами нижестоящих судов, отменил решение суда первой инстанции и апелляционное определение и, не передавая дело на новое рассмотрение, принял новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований. При этом суд кассационной инстанции исходил из того, что при рассмотрении дела договор страхования исследовался не в полном объеме и надлежащей правовой оценки не получил, юридически значимые обстоятельства в полной мере не учтены и не установлены». Как отметила Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, «кассационный суд общей юрисдикции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции» [6].

Выходом из приведенного противоречия послужила бы более детальная конкретизация полномочий кассационного суда по двум моделям. Первая модель предполагает законодательное закрепление возможности кассационного суда исследовать и оценивать доказательства по делу, без привлечения новых доказательств (далее – первая модель). Вторая модель предполагает законодательное исключение возможности проверять правильность исследования и оценки доказательств по делу в судах нижестоящей инстанции (далее – вторая модель).

Вторая модель более свойственна классическому суду кассационной инстанции, который зародился во Франции [7, с. 295], а также отражает позиции Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) в части исследования вопроса о принципе правовой определенности и недопустимости «второй апелляции». С другой стороны, в силу взятого нашим государством в недавнее время курса на российскую идентичность [8, с. 279–280] позиции ЕСПЧ не в полной мере соответствуют специфике отечественной правовой системы, и наделение кассационного суда возможностью касаться фактологических обстоятельств дела не только не вредит процессу, но и укрепляет законность и правовую определенность, о которой любит говорить ЕСПЧ (не вдаваясь в детали того, что к настоящему моменту Российская Федерация уже не обязана обращать внимание на решение ЕСПЧ). Недавно не вызывало сомнений право надзорной инстанции проверять обоснованность судебных актов. Двадцать лет назад отстаивалась полноценная проверка вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора по обеим характеристикам: законности и обоснованности. Сейчас часть ученых вынуждена защищать возможность оценки доказательств вышестоящими судами, противостоя тезису о ее завершении в суде первой инстанции [9, с. 319–341].

Защищая возможность кассационного суда обращаться к фактологическим обстоятельствам дела, Н. М. Кострова, С. А. Абдулаева, М. Б. Гамзатов пишут о том, что хотя ст. 379.7 ГПК РФ говорит лишь о проверке законности судебных постановлений, она также позволяет суду кассационной инстанции оценить верность установления фактических обстоятельств судом первой инстанции [10, с. 170–171].

Подводя итог, следует сказать, что, с одной стороны, кассационному суду запрещено устанавливать новые обстоятельства или переоценивать доказательства, с другой – он обязан проверять правильность применения норм процессуального права, включая нормы о доказывании. Это создает сложности на практике, когда выводы кассационных судов, касающиеся оценки доказательств, отменяются Верховным судом РФ. Для решения проблемы возможно предложить две модели: расширить полномочия кассационного суда, позволяя ему исследовать и оценивать доказательства, или же полностью исключить возможность проверки исследования и оценки доказательств в нижестоящих инстанциях. Более предпочтительным видится первый вариант, так как позволит обеспечить большую законность и правовую определенность, а также укрепит гарантии права на судебную защиту.

Литература

1. Наида Ш. Г. Эволюция института кассации в гражданском процессе России // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 160–164.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Постановление пленума Верховного суда РФ от 22.06.2021 г. № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законода-

тельства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2021. № 144.

4. Чирьев И. С. Основания к отмене или изменению судебного решения в кассационном порядке // Эпомен. 2021. № 64. С. 311–317.

5. Обобщение судебной практики по спорам о восстановлении на работе от 15 декабря 2020 г. // Первый кассационный суд общей юрисдикции. URL: https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=21 (дата обращения: 22.04.2024).

6. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2022) от 1 июня 2022 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/practice/?year=2022> (дата обращения: 22.04.2024).

7. Путренко А. Н., Пошивайлова А. В. Соотношение классического кассационного производства и современного кассационного производства в гражданском процессе Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2(206). С. 294–296.

8. Исаенкова О. В. Идентичность российского гражданского судопроизводства // Научные труды. РАЮН. Вып. 22. / ответственный редактор В. В. Гриб. Москва: Юрист, 2022. С. 279–283.

9. Князькин С. И. Проблемы реализации принципа правовой определенности в рамках проверочной судебной деятельности в гражданском процессе // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2020. № 2. С. 319–341.

10. Кострова Н. М., Абдулаева С. А., Гамзатов М. Б. Производство в кассационном суде общей юрисдикции (первая кассация) // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 169–172.

ON THE INCONSISTENCY OF THE LEGAL REGULATION OF THE POWERS OF THE COURT OF CASSATION INSTANCE OF GENERAL JURISDICTION IN CIVIL CASES

Oleg Alexandrovich Burzhimsky

3rd year student,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
oleg.burzhimskiy@mail.ru

Artur Flaridovich Cansyriev

3rd year student,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
oleg.burzhimskiy@mail.ru

The article discusses the contradictions in the powers of the court of cassation instance related to the assessment of evidence and factual circumstances of the case. On the one hand, the court of cassation is prohibited from establishing new circumstances or re-evaluating evidence, on the other hand, it is obliged to verify the application of the rules of procedural law, including the rules of evidence. This leads to discrepancies in judicial practice and reversal of decisions of cassation courts by the Supreme Court. To

solve the problem, it is proposed either to expand the powers of the court of cassation, allowing it to examine and evaluate evidence, or to completely exclude the possibility of checking the assessment of evidence in lower instances. The author is inclined to the first option, seeing in it a way to greater legality and strengthening the guarantees of the right to judicial protection.

Keywords: civil procedural law, court of cassation, cassation instance, cassation, powers of the court of cassation, civil procedure, cassation proceedings, judicial instances, civil proceedings, judicial practice.

УДК 347.2

**О ПРИЗНАНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА САМОВОЛЬНУЮ
ПОСТРОЙКУ, ВОЗВЕДЕННУЮ НА ЗЕМЕЛЬНОМ УЧАСТКЕ,
НАХОДЯЩЕМСЯ НА ПРАВЕ АРЕНДЫ**

© **Дондупова Сэсэгма Андреевна**

студент 4-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

dondupovasa@mail.ru

© **Балдаева Римма Александровна**

кандидат биологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

brimma72@mail.ru

Статья посвящена проблеме признания права собственности за лицом, на праве аренды которого находится земельный участок, на котором была воздвигнута постройка. В работе была исследована норма Гражданского кодекса РФ о самовольных постройках (ст. 222 ГК РФ), в результате которой были предложены дополнения. В п. 3 ст. 222 ГК РФ законодатель перечисляет конкретных лиц, за которыми самовольная постройка может быть признана, но не указывает арендатора земельного участка, на котором была воздвигнута постройка. С каждым годом судебная практика богата спорами по поводу определения права собственности на самовольную постройку за лицом, на праве аренды которого находится земельный участок, на котором сооружена постройка, вследствие чего требуется законодательное закрепление в норму Гражданского кодекса о признании права собственности на самовольную постройку за арендатором земельного участка.

Ключевые слова: арендатор, договор аренды, самовольное строительство, судебная практика, гражданско-правовой деликт.

Позиция Конституционного Суда РФ характеризует правовую сущность самовольных построек, согласно которой «самовольное строительство представляет собой нарушение норм, гражданско-правовой деликт, где затронуты интересы собственника земельного участка, на котором застройщиком был возведен объект без получения согласия первого¹» [1, с. 3]. Таким образом, самовольное сооружение построек является проти-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 03.06.2007 г. № 595-О-П «По запросу Сормовского районного суда г. Нижнего Новгорода о проверке конституционности абз. 2 п. 2 ст. 222 Гражданского кодекса РФ» // Сормовский районный суд г. Нижний Новгород. URL: <http://sormovsky.nnov.sudrf.ru> (дата обращения: 17.05.2024).

воправным деянием – правонарушением, предусмотренным административным законодательством¹.

Ранее мы отмечали, что во избежание проблем по поводу признания права собственности на самовольную постройку необходимо предусмотреть все существующие варианты способа приобретения права на земельный участок в ст. 222 ГК РФ и более детально указать обстоятельства, в связи с которыми застройщик может пользоваться, владеть и распоряжаться построенным объектом, не нарушая тем самым ни его интересы, ни интересы собственника земельного участка, ни публичные интересы государства² [5, с. 163].

Признание права собственности на самовольную постройку за лицом, на праве аренды которого находится земельный участок, предназначенный для строительства объектов недвижимого имущества, до сих пор остается весьма актуальной. В связи с этим для решения поставленной нами проблемы необходимо проанализировать постановления высших судебных органов Российской Федерации, а также судебную практику.

Новая редакция постановления пленума Верховного суда РФ № 10, пленума Высшего арбитражного суда РФ от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»³ (далее – ППВС РФ, ВАС РФ № 10/22) сохраняет основные положения, однако вносит дополнения об арендаторе земельного участка, на котором возведена самовольная постройка. Так, арендатор земельного участка ограничен «как правовым режимом земельного участка, так и условиями договора аренды, определяющими обязанность арендатора создать на участке объект», тем самым законодатель дополняет признак самовольного строительства и определяет, что «постройка, возведенная арендатором на земельном участке, условиями договора аренды которого не предусматривалась возможность создания соответствующего объекта, является самовольной». Также в пленуме содержится положение о том, что арендатор, который соорудил постройку на арендованном земельном участке, нахо-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. Ст. 7.1.

² Дондупова С. А. О некоторых вопросах признания права собственности на самовольную постройку // Актуальные вопросы цивилистики: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Народного комиссариата юстиции Бурят-Монгольской АССР и 30-летию Нотариальной палаты Республики Бурятия (Улан-Удэ. 12 мая 2023 г.) / научный редактор С. В. Доржиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2023. С. 160.

³ Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации № 10, пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2010. № 7. С. 9–14.

дящемся в публичной собственности, может обратиться в суд с иском заявлением о признании права собственности на самовольную постройку.

Рассмотрим пример из судебной практики. Решением суда первой инстанции – Арбитражного суда Республики Бурятия от 22.11.2023 г. были удовлетворены исковые требования арендатора земельного участка, предназначенного для строительства. Как отмечает суд, легализация самовольной постройки носит «исключительный характер» [2, с. 7], соответственно, применяется лишь в том случае, когда лицом, осуществившим постройку, были приняты все меры по введению объекта в гражданский оборот в соответствии с административными процедурами. В данном случае судом было установлено, что единственный признак для признания постройки самовольной был факт отсутствия разрешения на строительство, к получению которого лицо предпринимало всевозможные меры. Можно сделать вывод, что суд учел все обстоятельства, чтобы признать право собственности за арендатором земельного участка, на котором находится спорный объект, и по общему правилу применил п. 3 ст. 222 ГК РФ, в котором не указывается напрямую об арендаторе земельного участка, однако используется расширительное толкование данной нормы.

В целях правильного разрешения споров, связанных с правом собственности на самовольную постройку, возведенную на земельном участке, предоставленном застройщику в аренду, судам необходимо учитывать следующие ключевые моменты [6, с. 39]. Одним из критериев самовольной постройки в силу п. 1 ст. 222 ГК РФ является возведение недвижимого имущества на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными актами. При этом в соответствии с п. 3 данной статьи право собственности на самовольную постройку может быть признано судом, а в предусмотренных законом случаях в ином установленном законом порядке за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка. В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 40 и п. 1 ст. 41 ЗК РФ арендатор земельного участка имеет те же права, что и собственник, соответственно, арендатор вправе возводить жилые, производственные, культурно-бытовые и иные здания, строения, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-эпидемиологических, противопожарных норм и правил. Кроме того, возможность предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду предусмотрена ст. 30.1 ЗК РФ [3, с. 11].

Согласно ст. 615 ГК РФ «арендатор обязан использовать арендованный земельный участок в соответствии с условиями договора аренды либо, в иных случаях, с назначением имущества»¹. Кроме того, в постанов-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2). 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 615.

лении пленума Верховного суда РФ от 12.12.2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке»¹ (далее — ППВС № 44) указывается, что «при возведении объекта недвижимости арендатор земельного участка ограничен как правовым режимом земельного участка, так и условиями договора аренды, определяющими обязанность (возможность) арендатора создать, возвести на участке конкретный объект»² (п. 20 ППВС № 44).

Конституционный Суд Российской Федерации в своих Определениях от 29.01.2015 г. № 101-О и от 27.09.2016 г. № 1748-О указал, что п. 3 ст. 222 ГК РФ направлен на защиту прав граждан, а также на обеспечение баланса публичных и частных интересов и тем самым на реализацию ст. 17 (ч. 3) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, поэтому с учетом разъяснений, содержащихся в Обзоре от судебной практики от 19.03.2014, право собственности на самовольное строение, возведенное гражданином без необходимых разрешений на земельном участке, который предоставлен ему по договору аренды для строительства соответствующего объекта недвижимости, может быть признано судом, если строение создано без существенных нарушений градостроительных и строительных норм и правил и если сохранение этого строения не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, не создает угрозу жизни и здоровью граждан³.

По смыслу ст. 222 ГК РФ и приведенных разъяснений «право на самовольную постройку может быть сохранено за лицом, которому арендодатель предоставил земельный участок по договору аренды для возведения капитальных объектов, поэтому при рассмотрении споров такой категории необходимо учитывать условия договора аренды и волю собственника земли на возведение строений конкретного типа»⁴.

В Обзоре судебной практики сформулирована правовая позиция о возможности признания права собственности на самовольное строение, возведенное лицом на земельном участке, предоставленном ему по договору аренды для строительства соответствующего объекта недвижимости⁵.

Таким образом, право собственности на самовольную постройку, возведенную лицом без необходимых разрешений на земельном участке, который предоставлен ему по договору аренды для строительства объекта

¹ Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 12.12.2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2024. № 1. С. 5–14.

² Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 12.12.2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2024. № 1. С. 5–14.

³ Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2022. № 2. С. 23–30.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 28.

недвижимости, может быть признано, если такое строение создано без существенных нарушений градостроительных, строительных, противопожарных норм и правил и если его сохранение не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, а также если не создает угрозу жизни и здоровья граждан¹.

В соответствии с новой редакцией ППВС РФ № 44 в договоре аренды земельного участка сторонам необходимо подробно указать условия договора аренды, права и обязанности сторон, а также пределы допустимых действий на арендованном земельном участке согласно его целевому назначению и разрешенному использованию. Судебная практика также отмечает, что необходимо установить «волю собственника» земельного участка для возведения объектов недвижимости.

Так, решением Арбитражного суда Ставропольского края от 28.02.2024 г. № А63-11946/2022 первой инстанции был удовлетворен соответствующий иск. Спорный объект был завершен истцом в соответствии с градостроительными, строительными и санитарными нормами и правилами, однако получил отказ в дальнейшем предоставлении земельного участка в аренду [4, с. 3]. Суд справедливо обосновал позицию в пользу истца на основании приведенных норм, а также широко трактовал п. 3 ст. 222 ГК РФ. Суд установил, что «арендаторы наравне с собственниками земельных участков вправе возводить, реконструировать жилые, производственные, культурно-бытовые и иные здания, строения, сооружения в соответствии с целевым назначением земельного участка и его разрешенным использованием с соблюдением требований градостроительных регламентов²». Соответственно, согласно п. 20 ППВС РФ № 44, арендатор ограничен правовым режимом земельного участка, а потому «постройка, возведенная арендатором на земельном участке, условиями договора аренды которого не предусматривалась возможность создания соответствующего объекта, является самовольной».

Самовольное строительство является по своей природе гражданско-правовым деликтом, однако содержится в нормах Гражданского кодекса РФ и предусматривает в определенных случаях узаконение по решению суда. Полагается, что сегодня государство ослабило режим самовольного строительства и допускает легализацию самовольных построек, поскольку постройки, отвечающие всем техническим параметрам, нецелесообразно сносить в связи с частными и публичными интересами. Частный интерес заключается в том, чтобы предоставить лицу, воздвигшему самовольную постройку, право распоряжаться ею, совершать с ней гражданско-правовые сделки. Публичный интерес находит свое отражение в своевременной регистрации таких сооружений, которые хоть и не указаны в реестре недвижимости, но существуют на самом деле. Задача государства – регистрировать подобные постройки, которые отвечают всем

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2022. № 2. С. 27.

² Там же. С. 6.

градостроительным требованиям, для того чтобы в дальнейшем взимать налог с возведенного и уже узаконенного объекта недвижимости.

Исходя из всего вышеизложенного мы приходим к выводу, что законодательство все еще нуждается в дополнении п. 3 ст. 222 ГК РФ, поскольку суды по-своему толкуют данную норму, по смыслу – без прямого указания на текст ГК РФ. В таком случае законодательные и судебные акты о самовольном строительстве создают правовую коллизию по поводу признания права собственности на самовольную постройку за арендатором земельного участка.

Так, в соответствии с приведенными правовыми позициями судов и судебными актами считаем необходимым дополнить п. 3 ст. 222 ГК РФ и изложить в следующей редакции: «право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании, на праве аренды которого находится земельный участок, на котором осуществлена постройка».

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 03.06.2007 г. № 595-О-П «По запросу Сормовского районного суда г. Нижнего Новгорода о проверке конституционности абз. 2 п. 2 ст. 222 Гражданского кодекса РФ» // Сормовский районный суд г. Нижний Новгород. URL: <http://sormovsky.nnov.sudrf.ru/> (дата обращения: 17.05.2024 г.).
2. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 22.11.2023 г. № А10-3096/2023 // Банк решений арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 17.05.2024).
3. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 28.12.2023 г. № А32-44999/2021 // Банк решений арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 17.05.2024).
4. Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 28.02.2024 г. № А63-11946/2022 // Банк решений арбитражных судов Российской Федерации. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 17.05.2024).
5. Дондупова С. А. О некоторых вопросах признания права собственности на самовольную постройку // Актуальные вопросы цивилистики: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Народного комиссариата юстиции Бурят-Монгольской АССР и 30-летию Нотариальной палаты Республики Бурятия (Улан-Удэ. 12 мая 2023 г.) / научный редактор С. В. Доржиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2023. С. 163.
6. Тихомирова Л. В. Самовольное строительство: комментарии, судебная практика, официальные рекомендации. Москва: Изд. Тихомирова М. Ю. 2015. С. 39.

ON THE RECOGNITION OF OWNERSHIP OF AN UNAUTHORIZED
BUILDING ERECTED ON A LAND PLOT THAT IS UNDER LEASE

Dondupova Sesegma Andreevna

4th year student at the Institute of Law and Economics
Buryat State University named after Dorji Banzarova»
Russian Federation, Ulan-Ude
dondupovasa@mail.ru

Rimma Alexandrovna Baldaeva

Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Associate Professor
Buryat State University named after Dorji Banzarova
Russian Federation, Ulan-Ude
brimma72@mail.ru

The article is devoted to the problem of recognizing the right of ownership for the person whose lease right is the land plot on which the building was erected. The work investigated the norm of the Civil Code of the Russian Federation on unauthorized buildings (Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation), as a result of which additions were proposed. In paragraph 3 of Article 222 of the Civil Code of the Russian Federation, the legislator lists specific persons for whom an unauthorized building can be recognized, but does not specify the tenant of the land on which the building was erected. Every year, judicial practice is rich in disputes over the definition of ownership of an unauthorized building for a person whose lease right is the land plot on which the building is built, as a result of which legislative consolidation is required in the norm of the Civil Code on the recognition of ownership of an unauthorized building for the tenant of the land plot.

Keywords: tenant, lease agreement, unauthorized construction, judicial practice, civil tort.

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

© **Дробышев Данила Андреевич**
студент 4-го курса,
Саратовская государственная юридическая академия
Российская Федерация, г. Саратов
magistraven@mail.ru

В данной статье рассматриваются перспективы развития и применения технологии искусственного интеллекта в области гражданского судопроизводства. Для более объективной оценки потенциала цифровых технологий автором изучается феномен искусственного интеллекта и определяется его место в системе технологий цифровой трансформации. Изучаются общие направления электронизации судебной системы. Рассматриваются точки зрения ученых и законодателей относительно правосубъектности искусственного интеллекта, а также его возможной роли в гражданском судопроизводстве. Дается анализ современных российских правовых норм, затрагивающих тему возможности использования искусственного интеллекта в качестве судьи. Оценивается возможность наделения систем искусственного интеллекта при назначении судебных экспертиз в гражданском процессе правосубъектностью. Анализируются существующие подходы и потенциал искусственного интеллекта при проведении экспертиз. Рассматривается зарубежный опыт правоприменения технологии машинного разума в роли отправителя правосудия по различным категориям дел.

Ключевые слова: гражданский процесс, искусственный интеллект, правосубъектность, правосудие, искусственный судья, цифровизация судебной системы, исследование доказательств, судопроизводство, секретарь судебного заседания, судебная экспертиза.

Научно-технический прогресс является пусть и не единственным, но, безусловно, одним из важнейших факторов развития человеческой цивилизации и социального устройства нашего общества. Научные достижения и неизбежно следующие за ними технические новинки, принимаемые людьми в массовое использование, порождают необходимость формальной регламентации правил пользования: изобретение автомобиля и его последующая широкая доступность для населения стали причиной создания свода правил дорожной безопасности; в ходе развития атомной промышленности стало жизненной необходимостью наличие международных договоров и государственных правовых актов, регулирующих порядок деятельности на ядерных объектах, и т. д. В наши дни, в эпоху цифровых технологий, авангардом и движущей силой научного развития стал искусственный интеллект (далее – ИИ). Правовое положение ИИ находится сегодня в стадии формирования, в странах вырабатывается первая судебная практика касательно споров, тем или иным образом связанных с данной технологией. Помимо исследования практической стороны вопро-

са не менее актуальны и вопросы, затрагивающие правосубъектность и непосредственное применение технологии искусственного интеллекта при разрешении судебных споров, в частности – в гражданском процессе как отрасли права с наибольшей удельной исковой нагрузкой среди всех прочих юридических отраслей. Интерес научно-академического сообщества и актуальность исследования подтверждает количество исследований, посвященных данной тематике, примерно оцениваемое в 75 тысяч по всему миру на 2020 г. [1], а также активными дискуссиями относительно некоторых морально-этических аспектов использования ИИ как конкретно в гражданском судопроизводстве, так и при несении правосудия в целом.

На данный момент легального определения ИИ в российском законодательстве не представлено. Единственный нормативный акт Российской Федерации, где дается обобщенное понятие ИИ, это указ Президента России от 10 октября 2019 г. № 490, принятый в рамках реализации Национальной стратегии по развитию искусственного интеллекта в РФ до 2030 г. В указанном акте искусственный интеллект характеризуется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» [2]. В том же указе прописаны условия, без которых ИИ не может быть признан таковым: если данная технология находится не в цифровом формате, если в ней не заложено программного обеспечения самообучения, а также если в ней не имеется встроенных коммуникативных опций, автоматизированных процессов и сервисов для приема внешних данных и поиска решений. В научном сообществе содержание понятия «искусственный интеллект» окончательно не закрепились и интерпретируется по-разному. К. Р. Адещенко дает ИИ следующее определение: «Искусственный интеллект в научной литературе рассматривается как совокупность теорий и технологий, позволяющих имитировать в разной степени интеллект человека. Искусственный интеллект в общем смысле является цифровой программой, функционирующей и адаптирующейся на основе заданных алгоритмов, вырабатывающих машинное мышление» [3]. По мнению А. В. Понкина и А. И. Редькиной, искусственный интеллект является сложной кибернетической компьютерно-программно-аппаратной системой с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или переданными вычислительными мощностями [4]. П. М. Морхат, в свою очередь, выдвигает аналогичное определение: «искусственный интеллект — это полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая система» [5].

Вопрос правосубъектности ИИ весьма актуален и неоднозначен. На современном этапе наблюдается несколько концепций правосубъектности систем ИИ в гражданском праве. Например, И. Б. Данилов выделяет и исследует три концепции: частичной правосубъектности, ограничиваю-

щейся деликтоспособностью; признание деликтоспособности и частичной правоспособности; полной правосубъектности, включающей их дееспособность [6]. А. В. Афанасьевская видит систему концепций как приравненную к физическому лицу, юридическому лицу или как к вещи [7].

Вопрос участия ИИ в гражданском процессе, в частности, непосредственно в роли судьи, стал во многом актуален в связи с поиском решения проблемы оптимизации нагрузки на суды. Существует также мнение, согласно которому использование алгоритмов работы искусственного интеллекта в правосудии позволит навсегда исключить вероятность судебной ошибки при рассмотрении дел, а также привнесет абсолютную беспристрастность судебным решениям. Области внедрения ИИ в юриспруденцию в текущий момент находятся на стадии разработки, по итогам которой к 2024 г. будет сформирован окончательный перечень. Нельзя не согласиться с тем, что перед правовой наукой стоят фундаментальные задачи, связанные с осмыслением происходящих с правом трансформаций в условиях цифровой реальности [8]. Однако гарантировать место в системе судопроизводства машинному разуму не представляется возможным по стратегическим соображениям, несмотря на то, что правоведы активно участвуют и предлагают авторские концепты в заявленном научном направлении.

Можно говорить о различных вариантах использования ИИ в судах, например, об использовании ИИ в роли вспомогательного средства, отвечающего за ведение протокола судебного заседания, подготовку проектов процессуальных документов, которые в обязательном порядке будут проверяться судьей. Машинный разум мог бы содействовать в оперативном определении расчета убытков и неустойки; проверки подлинности предоставляемых документов; выявлении обстоятельств, указывающих на возможные процессуальные злоупотребления; установлении срока исковой давности; выдачи экспертных оценок в рамках судебной экспертизы или мнения специалиста; выявлении ложных показаний участников дела; прогнозировании исхода гражданского дела; автоматизированном подборе гражданских материальных, процессуальных норм, а также судебных позиций и прочее.

Искусственный интеллект может использоваться при коллегиальном рассмотрении дела, когда все остальные судьи – люди. Юридически в такой ситуации ИИ занимает равное положение с другими судьями, но фактически человеческий контроль за действиями программы все равно осуществляется. В целом ИИ может быть неотъемлемым элементом судов с расстановкой акцента на его ограниченном функционале, когда правила эксплуатации и зона действия будут четко обозначены. Сотрудничество с технологиями новейшего класса должно приводить к синергии при сохранении в таком партнерстве главенствующей роли человека [9]. Такой вариант со временем вполне может быть реализован в скором времени на практике.

Самый нереалистичный в обозримом будущем вариант использования ИИ в сфере гражданского судопроизводства – единолично рассматривающий все категории гражданских дел судья. Современное процессуаль-

ное законодательство ориентировано на то, что вершить правосудие способен лишь человек. Например, в ч. 1 ст. 67 ГПК РФ [10] говорится, что суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, что подразумевает наличие у судьи помимо сознания таких общечеловеческих категорий, как мораль, совесть, справедливость, гуманизм, разумность и добросовестность, ведь именно этими оценочно-ценностными критериями руководствуется суд при принятии решений. Все это нельзя занести в программный алгоритм, потому что понимание таких морально-этических категорий формируется у человека в процессе социализации и воспитания. Возможное применение искусственного интеллекта в роли единоличного судьи если и будет в принципе доступно, то, скорее всего, очень нескоро, ибо сама технология ИИ относительно молода и пока что не способна к воспроизведению всего спектра человеческих качеств и обретению самосознания.

Во всех вышеперечисленных вариантах ИИ непосредственно участвует в процессе рассмотрения дела и принятия решения по результатам его рассмотрения. С учетом нынешнего уровня развития технологий машинного разума наиболее вероятным в данный момент вариантом его применения в целях оптимизации работы судебной системы будет являться выполнение технических функций отдела делопроизводства суда: регистрация входящей и исходящей корреспонденции, ведение архива документов, выдача судебных дел и документов, а также автоматизация процесса осуществления устного и текстового перевода, ведение аудио-, видео- и текстового протоколирования судебного заседания и т.д.

По-настоящему широкий спектр применения искусственного разума в правосудии имеется в экспертно-исследовательской деятельности. Человеческие возможности уже не в состоянии обрабатывать значительные объемы информации, а практически ни одна экспертиза не проводится без специальных технологий. А в некоторых случаях сама технология может фактически подменять деятельность лица, проводившего исследование, и(или) существенным образом влиять на заключение эксперта. Яркими примерами, иллюстрирующими данные доводы, могут послужить использование ИИ в экспертизах давности документов, подписей, исследовании вещественных доказательств, их покрытий и материалов, физических и химических свойств, а также для истребования, аутентификации и оценки аудио- и видеодоказательств, поскольку такие доказательства можно анализировать и проверять на истинность с помощью компьютерных технологий. Использование ИИ позволяет за считанные минуты проверить наличие «склеек», искусственно созданных шумов на видеофайлах, корректировки на фотоматериалах, искажения голоса или добавления посторонних звуков на аудиодорожки. Предполагается, что такая проверка будет объективнее и в несколько раз быстрее. Например, при проверке подлинности квитанции или подписи почерковед тратит на проведение этой экспертизы несколько дней, и всегда будет небольшая вероятность ошибки, которая может стать решающей для последующего хода разбирательства и всего решения. С помощью ИИ сроки такой экспертизы будут зна-

чительно сокращены, а вероятность совершения ошибки может быть сведена к минимуму.

Сейчас в Российской Федерации на базе различных моделей ИИ ведется активная разработка автоматизированных судебно-правовых систем: «Электронное правосудие», «ГАС Правосудие», «Единая информационная система нотариата», «Банк данных исполнительных производств», а также сервис «Правосудие-онлайн» на портале «Госуслуг». Московские суды общей юрисдикции оснащены Единой информационной системой (КИС СОЮ), включающей в себя несколько подсистем: дата-центр, видеозаписи судебных заседаний, конференц-связь во время судебных заседаний, размещение информации о рассмотренных в судах делах, статистическая отчетность и так далее. Использование подобных автоматизированных систем позволило грамотно распределять судебные дела с учетом графика работы судов, их загруженности, а также специфики дел.

Если обращаться к зарубежной практике применения технологии искусственного интеллекта, то, по данным Европейской комиссии по эффективности правосудия системы, ИИ уже полноценно применяются в судах нескольких государств, в числе которых США, Великобритания, Франция, Китай и т. д.

Лидером по созданию и применению искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве является Китай, где с 2015 г. проводится реформа так называемых «умных судов», включающих в себя электронную регистрацию дел с возможностью распознавания текста, идентификации сторон по делу и автоматизированного оформления документов посредством использования централизованной информационной платформы «China Judgments Online» [11]. Кроме того, новшеством стало учреждение в 2017 г. интернет-судов, занимающихся рассмотрением гражданских дел, связанных с нарушением законодательства в сети Интернет, для отслеживания которых используются аналитические алгоритмы на основе ИИ. В том же году был принят План развития технологий искусственного интеллекта нового поколения, который должен собирать доказательства по делу, оценивать юридические документы и др. С началом пандемии COVID-19 Верховный суд КНР рекомендовал судам предлагать всем участникам споров «правосудие на кончиках пальцев» [12] – проводить все заседания преимущественно через интернет. Все суды в Китае подключены к платформе больших данных, куда автоматически передается информация о принятых решениях, доказательствах.

Верховный суд Бразилии, который использует систему искусственного интеллекта VICTOR. Бразильский суд ускорил принятие решений по жалобам с помощью системы VICTOR. За 2017 г. было вынесено 126 531 решение, а количество нерассмотренных дел снизилось до пятилетнего минимума. Система сокращает время на первоначальный анализ до пяти секунд.

В 2018 г. в Аргентине начали использовать робота-судью Prometea, который на основе релевантных судебных актов, анализируемых в течение 10 секунд, выносил и оформлял решения по ряду гражданских и ад-

министративных дел, которые в дальнейшем утверждались местными судьями. Аналогичные роботы-судьи используются или начинают использоваться в Эстонии, Франции, Сингапуре и других странах, как с целью принятия решений по спорам, вытекающим из договорных отношений, так и в качестве вспомогательного инструмента для анализа судебных документов [13].

Однако при анализе зарубежного опыта создания и внедрения программ искусственного интеллекта в гражданский процесс можно выделить ряд существенных недостатков. Юридическая практика часто связана с умением абстрактно мыслить для решения правовых неопределенностей, что несвойственно для искусственного разума в силу его зависимости от установленного алгоритма. Данное обстоятельство приводит к тому, что искусственный интеллект генерирует ошибочное решение из-за неверного толкования гражданско-правового деликта.

Например, в 2017 г. во Франции было испытано программное обеспечение «Forecasting of trials», которое предназначалось для прогнозирования исхода судебных процессов с помощью анализа решений по гражданским спорам, вынесенным всеми французскими апелляционными судами. В итоге были выявлены отклонения в работе программы, повлекшие неуместные результаты. Это произошло по причине путаницы между конкретными формулировками судебного обоснования и причинно-следственными связями, которые имели большое значение для вынесения решения суда [14].

С 2018 г. в Великобритании по делам о нарушении авторских прав применяется приложение «Shazam», которое при сопоставлении записанного звука с базой данных идентифицирует автора музыки и слов, исполнителя, дату и место первого обнародования фонограммы. Однако по техническим причинам данная программа допускает ошибки в 25% случаев. Следовательно, большинство судей не принимают результат работы данной системы в качестве достоверного доказательства и вынуждены запрашивать заключение музыковеда для вынесения объективного решения по гражданскому делу [15].

Резюмируя, необходимо сказать, что если в мире сохранятся современные тенденции по развитию ИИ-технологий, то их полноценное внедрение в гражданское судопроизводство останется вопросом времени. Однако широкое использование искусственного интеллекта в этой сфере станет возможным при соблюдении нескольких условий: создание нормативно-правовой базы, дающей возможность внедрить ИИ в работу системы правосудия, полный перевод российской системы правосудия на электронный документооборот, оцифровка всей базы решений, создание единой информационной базы с релевантной и достоверной информацией, которой может пользоваться искусственный интеллект.

Литература

1. Крайнова Е. Р., Кованов Е. С. Элементы искусственного интеллекта в организации судебного заседания в гражданском процессе // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 4(65). С. 54–59.

2. О развитии искусственного интеллекта в РФ: указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41.
3. Адещенко К. Р. Возможности искусственного интеллекта в гражданском процессе // Экономика. Информатика. 2023. Т. 50, № 3. С. 704–711.
4. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyu-intellekt-s-tochki-zreniya-prava> (дата обращения: 01.05.2024).
5. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. Москва: БукиВеди, 2017. 257 с
6. Данилов И. Б. Концепции правосубъектности систем искусственного интеллекта // ИНТЕРЭКСПО ГЕО-СИБИРЬ . 2022. Т. 5.
7. Афанасьевская А. В. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4(141).
8. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
9. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5(81). С. 188–191.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
11. Шереметьева Н. В. Особенности электронного правосудия в КНР // Право и практика. 2020. № 2. С. 159–163.
12. Уведомление Верховного народного суда «Об усилении и стандартизации онлайн-судопроизводства в условиях профилактики и контроля распространения эпидемии COVID-19». 18.02.2020.
13. Сикач А. С., Вронская М. В. Искусственный интеллект в гражданском процессе: перспективы и тенденции внедрения и использования // Аллея науки. 2023. Т. 1, № 6(81). С. 766–772.
14. Манохин В. В. Роботы в праве: искусственный интеллект в судопроизводстве // Фемида. 2021. № 2. С. 5–12.
15. Бедняков И. Л. Возможности применения искусственного интеллекта в судопроизводстве // Вестник СЮИФСИН. 2019. № 2. С. 11–14.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CIVIL PROCESS:
DEVELOPMENT PROSPECTS AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT

Drobyshev Danila Andreevich
4th year student,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation,
magistraven@mail.ru

This article discusses the prospects for the development and application of artificial intelligence technology in the field of civil proceedings. For the most objective assessment of the potential of digital technologies, the author studies the phenomenon of artificial intelligence and determines its place in the system of digital transformation technologies. The general directions of the electronic system of the judicial system are being studied. The points of view of scientists and legislators regarding the legal personality of AI, as well as its possible role in civil proceedings, are considered. The analysis of modern Russian legal norms concerning the possibility of using artificial intelligence as a judge is given. The possibility of endowing artificial intelligence systems with legal personality in the appointment of forensic examinations in civil proceedings is being evaluated. The existing approaches and the potential of artificial intelligence in conducting examinations are analyzed. The article considers the foreign experience of law enforcement of machine intelligence technology in the role of the sender of justice in various categories of cases.

Keywords: civil procedure, artificial intelligence, legal personality, justice, artificial judge, digitalization of the judicial system, investigation of evidence, judicial proceedings, secretary of the court session, forensic examination.

**СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ
И НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ СДЕЛОК
С НЕДВИЖИМОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ
УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА**

© **Кайгородов Антон Валерьевич**

магистрант 1-го курса,

Саратовская государственная юридическая академия

Российская Федерация, г. Саратов

antony-aston@yandex.ru

Издrevле недвижимое имущество имеет высокую социальную и экономическую ценность, что обуславливает особую регламентацию его оборота. Мировому юридическому опыту известно внесение записей о правах или о сделках с недвижимостями в специальные своды данных — реестры. Национальное законодательство придает внесению такой записи конститутивный характер, однако ключевым при этом является наличие действительного основания (сделки), в отсутствии которого право не возникнет. Исходя из этого, защита прав участников оборота недвижимости тесно связана с обеспечением прочности сделок с такими объектами. Конвенционально действительность сделок обеспечивается посредством их нотариального удостоверения, сопоставлению которого с государственной регистрацией прав и посвящена статья. Освещаются проблемы открытости и достоверности реестра. Отмечается необходимость сочетания процедур для создания комплексного механизма защиты прав участников оборота недвижимости.

Ключевые слова: государственная регистрация прав, нотариальное удостоверение сделок, недвижимость, открытость и достоверность реестра, добросовестный приобретатель.

Генезис категории «недвижимость», известной всем современным правопорядкам, проистекает из фундамента цивилистики — римского права. Исконно вещи, принимаемые за недвижимые (земля и связанное с ней), не обособлялись, а причислялись Законами XII таблиц к *res mancipi* — группе вещей, подверженных особому порядку отчуждения собственности: процедур манципации (*mancipatio*) или уступки вещи перед магистратом (*in iure cessio*) [1, с. 353]. Антитезой вещей манципируемых закономерно являлись вещи неманципируемые (*res nec mancipi*), не требующие усложненной процедуры передачи собственности. Кодексом Юстиниана рассмотренная классификация была упразднена, а взамен предложено привычное деление на недвижимые вещи (*res immobiles*) — недра земли, земельные участки и все то, что на них расположено по правилу *superficies solo cedit*, и на вещи движимые (*res mobiles*) — все остальное [2, с. 213]. Тем не менее выделение разряда манципируемых вещей свидетельствует о стремлении римской юрисдикции обеспечить стабильность их оборота путем установления формализованных процедур.

Современное российское законодательство также основывается на необходимости соблюдения специальной процедуры — государственной

регистрации прав на недвижимое имущество, а в ряде случаев и сделок с ним (например, договора аренды на срок более года). В частности, п. 2 ст. 8.1. Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3] прямо предусматривает, что для возникновения прав необходима соответствующая запись в реестре, а ст. 131 ГК РФ, в свою очередь, закрепляет императивное правило о государственной регистрации прав на недвижимые вещи. Из названных норм логически вытекает понятие государственной регистрации недвижимости, содержащееся в ч. 3 ст. 1 одноименного федерального закона — юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества [4]. Таким образом, от наличия записи в Едином государственном реестре недвижимости (далее — ЕГРН, реестр) действующее законодательство ставит в зависимость существование прав на такое имущество. Такая зависимость обусловлена прежде всего стремлением наделить сделку эффектом публичности — закрепить принадлежность прав на недвижимую вещь за определенным лицом, противопоставить эти права и результат сделки третьим лицам, тем самым проинформировав их о новом правообладателе вещи. Из этого следует основное предназначение реестра — информационное, в обеспечение которого ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон о регистрации) закрепляет доступность сведений реестра публике. В связи с этим любое лицо вправе получить сведения, содержащиеся в ЕГРН, в порядке ст. 62 Закона о регистрации в виде выписки. Между тем доступность реестра не носит абсолютного характера. Ограничения касаются главным образом персональных данных правообладателя, которые могут быть предоставлены третьим лицам только в том случае, если соответствующая запись внесена в ЕГРН по воле самого правообладателя (ст. 36.3. Закона о регистрации). Закрытие в этой части данных реестра затрудняет и осложняет оборот, поскольку для того, чтобы убедиться в действительности титула продавца, потенциальному покупателю придется запрашивать выписку из ЕГРН непосредственно от собственника. Тем самым осведомительные возможности покупателя ограничиваются добросовестностью продавца. В то же время примечательными являются положения Закона о регистрации, предусматривающие право нотариуса запрашивать такие сведения по заявлению заинтересованного лица, которому они необходимы для совершения сделки. В этом смысле нотариальное действие по удостоверению соответствующего факта самостоятельно или в составе нотариальной формы сделки нивелирует добросовестность продавца.

Поскольку ч. 2 ст. 1 Закона о регистрации указывает на достоверность ЕГРН, постольку третьи лица могут полагаться на его сведения. В принципе достоверности реестра проявляется его охранительная функция — лицо, добросовестно полагавшееся на сведения реестра при совершении сделки, должно быть защищено. Из такого утверждения усматривается непосредственная связь рассматриваемого принципа как с действиями уполномоченного органа по проверке законности оснований регистрации,

так и с институтом добросовестного приобретателя. Относительно первого аспекта необходимо сделать оговорку — проверка регистратора имеет преимущественно внешний характер и касается, как следует из п. 3 ч. 1 ст. 29 Закона о регистрации, правовой экспертизы документов, представленных для кадастрового учета и(или) регистрации. О формальном характере проверки свидетельствует и судебная практика. Так, позиция Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) в этом отношении ограничивает действия регистрирующего органа контролем за соответствием закону условий, помещенных в текст договора, но не законность сделки в целом [5, с. 121]. Верховный суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) вкладывает в процесс государственной регистрации значение формального условия, удостоверяющего со стороны государства юридическую силу соответствующих правоустанавливающих документов [6] и акцентирует внимание на полномочиях регистрирующего органа по проверке формы и содержания представленных документов [7]. Таким образом, судебная практика не признает за регистрационной экспертизой комплексного характера, ограничивая ее проверкой поданных документов.

Относительно второго аспекта, института добросовестного приобретателя, нельзя не указать на оценочный характер категории добросовестности. Как следует из п. 1 ст. 302 ГК РФ, приобретатель по возмездной сделке признается таковым в том случае, если он не знал и не мог знать о неуправомоченности отчуждателя. Возникает последовательный вопрос — возможно ли счесть приобретателя, полагавшегося на сведения ЕГРН, добросовестным? На это абз. 2 п. 38 постановления пленума ВС РФ и ВАС РФ 10/22 отмечает, что запись о праве собственности отчуждателя в реестре не является бесспорным доказательством добросовестности приобретателя [8]. Сверх того, позиция, изложенная Президиумом ВС РФ в Обзоре от 1 октября 2014 г., указывает на действия покупателя, свидетельствующие о доброй совести: ознакомление со всеми правоустанавливающими документами, выяснение оснований возникновения у продавца недвижимого имущества права собственности, непосредственный осмотр приобретаемого имущества [9]. Как исключение из такого образца поведения, правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации признает ознакомление лишь с реестровыми сведениями достаточным условием для признания добросовестности приобретателя имущества, находящегося в общей собственности супругов, при отсутствии в ЕГРН упоминания об этом [10, с. 37].

Из сказанного следует, что достоверность сведений реестра имеет шаткий характер, продиктованный как особенностями процедуры регистрационной проверки, так и завышенным стандартом добросовестного поведения, при котором среднестатистический покупатель вынужден совершать дополнительные действия для удостоверения в полномочиях продавца и юридической чистоте сделки. Особое значение это имеет в современных российских реалиях, где пороки в договорах купли-продажи недвижимости, совершаемых в простой письменной форме (ст. 550 ГК РФ), «не излечиваются» регистрацией перехода права в силу негативного

характера российской регистрационной системы — запись в реестре не порождает право в отсутствие действительной сделки-основания [5, с. 111]. При таких исходных данных, очевидно, усматривается, что защита прав участников оборота недвижимости тесно связана с обеспечением действительности сделок в отношении таких объектов. В частно-правовой сфере конвенционально такая функция возлагается на нотариат — специфический институт гражданского общества, наделенный государством публичными функциями по защите прав и законных интересов граждан и юридических лиц, посредством совершения нотариальных действий, предусмотренных законом. Прежде всего речь идет о процедуре нотариального удостоверения сделок, обязательная форма которых в отношении практически всех недвижимых вещей (за исключением договора пожизненного содержания с иждивением) была отменена Федеральным законом от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [11]. Взамен предлагалась простая письменная форма и вводился новый механизм — государственная регистрация договоров (например, купли-продажи жилого дома, квартиры или их частей), которая в действительности породила двойственность регистрационных действий: запись и о сделке, и о праве. В конечном счете это привело к отмене требования о государственной регистрации большинства договоров (за исключением, например, аренды на срок более года) и закреплении лишь требования о регистрации перехода права собственности [12]. Тем не менее необходимость в защите прав участников оборота никуда не делась и серией поправок в законодательство нотариальная форма вернулась в отношении ряда сделок (например, о продаже доли в праве общей собственности третьему лицу) [13]. Все это наглядно демонстрирует попытку замены процедуры нотариального удостоверения сделок их государственной регистрацией и одновременно показывает функциональную роль нотариата, полностью отказаться от которого не вышло. Более того, по своей правовой природе государственная регистрация и нотариальное удостоверение — разные, но отнюдь не противопоставимые явления. Сущность регистрации состоит в придании правовому результату сделки свойства публичности, а суть нотариального удостоверения, по смыслу п. 1 ст. 163 ГК РФ, — в проверке законности сделки и наличия права у каждой из сторон на ее совершение и тем самым в обеспечении ее действительности, а как следствие, достоверности данных в реестре. Таким образом, рассмотренные процедуры должны не подменять друг друга, а выступать комплексным механизмом защиты прав участников оборота недвижимости. Таково их соотношение.

Литература

1. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник / под общей редакцией В. С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 784 с.
2. Римское частное право: учебник / В. А. Краснокутский, И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский и др.; под редакцией И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. Москва: Юрист. 2004. 787 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 20.07.2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.
5. Введение в российское право недвижимости / Р. С. Бевзенко. Вып. 3. Государственная регистрация. Москва: Логос, 2021. 210 с.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 26.11.2019 г. № 5-КГ19-196. / Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда Российской Федерации от 18.02.2020 г. № 41-КА19-15. / Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
8. Постановление пленума Верховного суда РФ № 10, пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.
9. Обзор судебной практики по делам, связанным с истребованием жилых помещений от добросовестных приобретателей, по искам государственных органов и органов местного самоуправления (утв. Президиумом Верховного суда РФ 01.10.2014) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2015. № 2.
10. Ермакова А. В. Действие принципа публичной достоверности реестра прав на недвижимость при неправомерном отчуждении одним из бывших супругов недвижимой вещи, находившейся в их совместной собственности // *Ex iure*. 2022. № 4. С. 26–41. Утратил силу с 1 января 2020 г. в связи с изданием Федерального закона от 03.07.2016 г. № 361-ФЗ.
11. Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.
12. Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 391-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 04.01.2016. № 1 (ч. 1). Ст. 11.

THE RATIO OF STATE REGISTRATION OF RIGHTS
AND NOTARIZATION OF REAL ESTATE TRANSACTIONS
IN THE CONTEXT OF PROTECTING THE RIGHTS
OF PARTICIPANTS IN CIVIL TURNOVER

Kaigorodov Anton Valerievich
1st year master student,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation,
antony-aston@yandex.ru

Since ancient times, real estate has a high social and economic value, which determines the special regulation of its turnover. The world's legal experience is known for making records of rights or real estate transactions in special data sets — registries. National legislation gives the introduction of such a record a constitutive character, however, the key in this case is the presence of a valid basis (transaction), in the absence of which the right will not arise. Based on this, the protection of the rights of participants in the real estate turnover is closely related to ensuring the strength of transactions with such an object. Conventionally, the validity of transactions is ensured by their notarization, which is compared with the state registration of rights and the article is devoted to. The problems of openness and reliability of the registry are highlighted. It is noted that there is a need for a combination of procedures to create a comprehensive mechanism for protecting the rights of participants in the real estate turnover.

Keywords: state registration of rights, notarization of transactions, real estate, openness and reliability of the register, a bona fide acquirer.

**НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
КАК УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ**

© Михайлова Белла Сергеевна

аспирант,

Саратовская государственная юридическая академия

Российская Федерация, г. Саратов

bella-mix@yandex.ru

Статья содержит анализ положений законодательства, регламентирующих право некоммерческих организаций на предъявление исков о возмещении вреда, причиненного окружающей среде. Рассмотрены примеры из судебной практики, свидетельствующие о возникающих сложностях при судебной защите экологических прав граждан некоммерческими организациями, выявлены пробелы законодательства, формирующие противоречивую судебную практику. На основании комплексного исследования проблем участия некоммерческих организаций в судебной защите прав установлены предположительные причины, препятствующие развитию правоприменительной практики предъявления таких исков, предложены механизмы преодоления данных проблем. По результатам исследования выявлены способы усовершенствования механизма судебной защиты экологических прав некоммерческими организациями, предложены изменения законодательства и государственной политики в рассматриваемой области.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, участники гражданского судопроизводства, дела о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, некоммерческие организации.

Согласно положениям ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» под охраной окружающей среды понимается деятельность, в том числе общественных объединений и некоммерческих организаций, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий [1].

Одним из способов реализации права организаций принимать участие в охране окружающей среды согласно ст. 5–7 Федерального закона «Об охране окружающей среды» является предъявление исков о возмещении вреда, причиненного окружающей среде.

Несмотря на закрепленное за некоммерческими организациями право на обращение в суд, преимущественное большинство исков о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, предъявляются в арбитражные суды и суды общей юрисдикции государственными органами, в частности Росприроднадзором и прокуратурой, на основании данных, полученных ими в результате проведенных проверок. Нельзя отрицать эффективность такого метода реализации судебной защиты в связи со спецификой дея-

тельности указанных органов. Кроме того, зачастую иски предъявляются после рассмотрения дел о совершении административного правонарушения, в результате рассмотрения которых уже установлен факт совершения нарушения в области охраны окружающей среды, а также причинно-следственная связь между причиненным вредом и совершенным нарушением. Таким образом, государственные органы имеют значительное преимущество в этой сфере.

Вместе с тем в участии некоммерческих организаций в деятельности по судебной защите видится значительный потенциал в связи с возможностью снизить нагрузку на государственные органы, а также ускорить процесс обращения за защитой права. Положительное влияние вовлеченности некоммерческих объединений и общественных организаций заключается также в обеспечении грамотного и быстрого взаимодействия в цепочке граждане – некоммерческие организации – государственные органы. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации общественные объединения и некоммерческие организации наделяются правом обращаться в суд в защиту чужих интересов по экологическим спорам, тогда как граждане таким правом не наделяются. Конституционный Суд Российской Федерации обосновывает это различие особенностями нормативного содержания экологических прав граждан, которые реализуются в данной сфере во взаимодействии с публичными субъектами в силу наличия общего интереса в предотвращении негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидации его последствий [2].

Деятельность некоммерческих организаций, как независимых структур, позволяет обратить внимание на актуальные проблемы, которые остаются вне поля зрения государственных органов, и представить интересы общества, в том числе посредством реализации права на предъявление иска. Таким образом, необходимость вовлеченности некоммерческих организаций в гражданское судопроизводство по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде теоретически и практически обоснована.

Вместе с тем существует ряд проблемных аспектов, затормаживающих развитие данной сферы. В первую очередь неразвитость механизма защиты прав некоммерческими организациями и структуры данных учреждений в нашей стране. Несмотря на большое число природоохранных организаций, их деятельность часто носит декларативный или проектный характер, она не направлена на судебную защиту прав граждан и окружающей среды. Данный факт связан с недостатком финансирования организаций и практикой признания их иностранными агентами. Указанные обстоятельства препятствуют развитию и становлению системы природоохранных организаций [6, с. 164].

В связи с этим логичной и обоснованной представляется позиция Е. А. Боголюбова, утверждающего необходимость стимулирования деятельности некоммерческих организаций и общественных объединений в сфере охраны окружающей среды [4, с. 43].

Уровень доверия граждан к деятельности некоммерческих организаций также находится на низком уровне. По мнению П. А. Трескина, это связано с малой информированностью о деятельности общественных организаций, механизмах и инструментах их работы, широким освещением в СМИ негативных примеров их работы [6, с. 165]. Например, преподнесение их деятельности в качестве имиджевой [7].

Еще одним недостатком является отсутствие должного уровня знаний и компетенций у специалистов экологических некоммерческих организаций. В связи с этим интерес представляет немецкий подход к участию некоммерческих организаций в защите прав, который предполагает обязательное их соответствие ряду критериев, проверяемое федеральным министерством и дающее право на совершение ряда значимых действий. А. Ф. Васильева полагает, что отсутствие аналогичного механизма в Российской Федерации негативно отражается на качестве защиты экологических прав. Кроме того, нельзя не согласиться с ее утверждением о том, что на данный момент законодательством предусмотрено лишь право на обращение в суд, но не реальные условия его реализации [5, с. 305].

Вместе с тем полагаем, что излишне строгая регламентация деятельности некоммерческих организаций в части соответствия квалификационным требованиям на данном уровне их развития может быть губительной. Более перспективной представляется деятельность по повышению уровня компетенции данных организаций. Примером такой деятельности может служить проект Фонда дикой природы, реализуемый при поддержке гранта Президента Российской Федерации [8].

Рассмотренные проблемы отражают общее состояние общественной жизни в нашей стране. Их разрешение представляется глобальной, трудоемкой задачей. Но лишь после их разрешения возможно увеличение числа обращений в суд некоммерческими организациями, что позволит выявить проблемные аспекты, возникающие непосредственно в ходе судопроизводства, и выработать новые подходы к их решению.

Несмотря на немногочисленную практику, на данный момент уже были обнаружены пробелы в законодательном регулировании. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации подчеркнута недопустимость формального подхода к определению круга лиц, обладающих правом на обращение в суд. Отмечено, что не является верным прекращение производства по иску некоммерческой организации о нарушении санитарно-эпидемиологических правил и нормативов в связи с тем, что Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» не наделяет общественные организации правом на обращение в суд в интересах неопределенного круга лиц. В соответствии с правовой позицией Верховного суда Российской Федерации для рассмотрения дела по существу достаточно того, что а) в качестве одной из целей деятельности организации-заявителя, согласно ее уставу, является охрана окружающей среды, б) требования истца направлены на защиту окружающей среды [3].

Исходя из вышеизложенных примеров, представляется возможным понять, что даже немногочисленные обращения в суд некоммерческих

организаций сопровождаются трудностями толкования закона и правовыми пробелами, которые на данный момент могут быть устранены путем разъяснений, данных высшими судебными инстанциями, но перспектива роста числа таких обращений обусловит необходимость внесения изменений в законодательство.

Логичным представляется закрепление изложенной правовой позиции Верховного суда Российской Федерации в ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об охране окружающей среды» путем дополнения абз. 13. Предлагаем изложить его в следующей редакции: «предъявлять в суд иски о возмещении вреда, причиненного окружающей среде вследствие нарушений обязательных требований, а также иные иски, направленные на охрану окружающей среды и обеспечение права граждан на благоприятную окружающую среду». Данная формулировка позволит избежать произвольного ограничения судами прав общественных организаций на обращение в суд.

В целях стимулирования деятельности общественных организаций по обращению в суд представляется возможным освободить данные субъекты от оплаты госпошлины путем дополнения в соответствующей части ст. 333.36, 333.37 НК РФ.

Таким образом, проблема участия некоммерческих объединений и общественных организаций в судопроизводстве по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, носит комплексный характер и требует разрешения как с помощью внесения изменений и дополнений в законодательство, так и изменения политики государства в отношении указанных субъектов.

Литература

1. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №2. Ст. 133; 2024. № 1 (ч. 1). Ст. 58.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 г. № 1003-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кузнецова Валентина Николаевича, Муртазина Загита Асхатовича и Олейник Натальи Георгиевны на нарушение их конституционных прав ст. 11 и 12 Федерального закона «Об охране окружающей среды». Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-100. Доступ из справ.-правовой системы Консультант Плюс.
4. Боголюбов Е. А. Участие экологических правозащитных организаций в судебной защите экологических прав // Пролог: журнал о праве. 2017. № 4. С. 38–43.
5. Васильева А. Ф. Административные иски общественных объединений в защиту чужих интересов // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2018. № 3. С. 291–309.
6. Трескин П. А. Уровень доверия населения Байкальского региона к деятельности общественных организаций // Социология. 2019. № 1. С. 163–166.

7. Правительство просит не паниковать // Коммерсантъ. 2022. 22 сент.

8. Развитие потенциала экологических некоммерческих организаций в реализации правовых методов природоохранной деятельности. URL: <https://wwf.ru/what-we-do/ekoregulirovanie/legalmethods/> (дата обращения: 27.11.2022).

NON-PROFIT ORGANIZATIONS AS PARTICIPANTS
IN CIVIL PROCEEDINGS IN CASES OF COMPENSATION
FOR DAMAGE CAUSED TO THE ENVIRONMENT

Mikhailova Bella Sergeevna
Graduate student,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
bella-mix@yandex.ru

The article contains an analysis of the provisions of legislation regulating the right of non-profit organizations to file claims for compensation for damage caused to the environment. Examples of judicial practice are considered, indicating the difficulties that arise in the judicial protection of environmental rights of citizens by non-profit organizations, legislative gaps that form contradictory judicial practice are identified. Based on a comprehensive study of the problems of participation of non-profit organizations in the judicial protection of rights, the alleged reasons that hinder the development of law enforcement practice of filing such claims have been identified, and mechanisms for overcoming these problems have been proposed. According to the results of the research, ways to improve the mechanism of judicial protection of environmental rights by non-profit organizations have been identified, changes in legislation and state policy in the field under consideration have been proposed.

Keywords: civil proceedings, participants in civil proceedings, cases on compensation for damage caused to the environment, non-profit organizations.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ О ВОССТАНОВЛЕНИИ НА РАБОТЕ

© Мурзина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Вопросы исполнения исполнительных документов о восстановлении на работе до настоящего времени остаются достаточно актуальными, поскольку разные работодатели по-разному толкуют действующие правовые нормы, регулирующие данные вопросы. Соответственно, действия работодателей по исполнению судебных решений о восстановлении на работе, подлежащие немедленному исполнению в силу закона, не всегда соответствуют предъявляемым требованиям. В данной статье проведен анализ действующих нормативных правовых норм, регулирующих вопросы исполнения исполнительных документов о восстановлении на работе. Выявлены имеющиеся недостатки и пробелы в правовом регулировании данного вопроса. Предложено авторское видение о совершенствовании действующего законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: исполнительное производство, решение суда о восстановлении на работе, исполнительные документы о восстановлении на работе.

Вопросы защиты трудовых прав работников всегда остаются во главе угла государственной защиты, при этом такая защита осуществляется также и через реализацию исполнительных документов в сфере трудовых отношений, особенно это касается вопросов восстановления на работе работников, незаконно уволенных с работы.

Следует иметь в виду, что требования о восстановлении на работе относятся к требованиям неимущественного характера. Сопутствующие этим требованиям исковые требования о взыскании заработной платы за дни вынужденного прогула и компенсации морального вреда, в свою очередь, относятся к требованиям имущественного характера, соответственно, их исполнение осуществляется несколько в ином порядке.

Порядок принудительного исполнения требований неимущественного характера, вытекающих из разрешения спора о восстановлении на работе, закреплен ст. 106 Федерального закона «Об исполнительном производстве»¹ (далее по тексту – Федеральный закон об исполнительном производстве).

Выявляя особенности исполнения исполнительных документов о восстановлении на работе, следует подчеркнуть, что они тесно взаимосвязаны с особенностями рассмотрения индивидуальных трудовых споров о

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об исполнительном производстве». Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс.

признании увольнения либо перевода на другую работу незаконным и восстановлении на прежнем месте работы.

В соответствии с положениями ст. 391 Трудового кодекса Российской Федерации¹ такие индивидуальные трудовые споры подлежат рассмотрению только федеральными судами. При удовлетворении основных исковых требований о признании увольнения или перевода на другую работу незаконными суд в силу положений ст. 394 Трудового кодекса РФ одновременно разрешает заявленные и сопутствующие основному требованию о взыскании заработной платы за дни вынужденного прогула либо разницы в зарплате за все время выполнения нижеоплачиваемой работы, а также компенсации морального вреда.

По результатам рассмотрения дела о восстановлении на работе федеральный суд общей юрисдикции, к компетенции которого отнесены все виды индивидуальных трудовых споров, выносит решение. Если основные исковые требования о признании незаконным увольнения или перевода и восстановлении на прежнем месте работы суд удовлетворяет, то на основании этого решения выдаются соответствующие исполнительные листы – исполнительные документы. При этом по сопутствующим основному требованию исковым требованиям о взыскании заработной платы за дни вынужденного прогула и компенсации морального вреда выдаются отдельные исполнительные листы, поскольку эти требования носят имущественный характер и, как отмечено ранее, их исполнение производится в другом порядке.

Как особенность исполнения исполнительных документов о восстановлении на работе следует отметить то, что в силу положений ст. 211 Гражданского процессуального кодекса РФ² решение суда о восстановлении на работе подлежит немедленному исполнению.

Это положение означает, что работодатель, который обязан неукоснительно выполнять судебное решение о восстановлении на работе, должен в добровольном порядке не позднее следующего дня за днем вынесения судебного решения отменить признанный незаконным приказ об увольнении либо о переводе и допустить работника к фактическому исполнению его трудовых обязанностей в соответствии с условиями заключенного ранее с ним трудового договора. В случае если работодатель в добровольном порядке не исполнит решение суда, восстановленный на прежнем месте работы работник (по исполнительному документу он является взыскателем) вправе просить выдать исполнительный лист в целях передачи его на принудительное исполнение в Службу судебных приставов-исполнителей.

Правовой смысл восстановления работника на работе заключается в отмене правовых последствий увольнения и возвращения сторон в то положение, которое имело место до незаконного прекращения трудового

¹ Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

² Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

договора. Работодатель обязан не просто предоставить работнику возможность выполнения тех же обязанностей, что и до увольнения, но и в целом обеспечить исполнение всех тех условий трудового договора, которые действовали на момент его прекращения [1].

При этом фактический допуск работника к выполнению прежних трудовых обязанностей включает в себя все меры по соблюдению условий допуска к работе по должностям, при назначении на которые гражданам оформляется допуск к государственной тайне, или к работам, при выполнении которых работники проходят обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры, и т. п.¹

Верховный суд Российской Федерации в Обзоре законодательства и судебной практики за второй квартал 2010 г. прямо указал на то, что «смысл процедуры восстановления на работе заключается именно в отмене правовых последствий увольнения путем отмены приказа об увольнении»².

Таким образом, работодатели не имеют права во исполнение решения суда о восстановлении работника на работе заключать с работником новый трудовой договор и на его основе издавать новый приказ о приеме на работу. Более того, в силу положений ч. 2 ст. 106 Федерального закона об исполнительном производстве в случае неисполнения работодателем (должником по исполнительному листу) решения суда о восстановлении на работе уволенного или переведенного работника последний имеет право обратиться в суд с требованием о взыскании заработной платы за время вынужденного прогула или разницы в заработке за все время со дня вынесения решения суда о восстановлении на работе по день исполнения исполнительного документа³.

Особенность исполнения исполнительных документов о восстановлении на работе заключается также в том, что при поступлении исполнительного листа в подразделение судебных приставов он должен быть немедленно передан судебному приставу-исполнителю, который в течение одних суток с момента поступления документа и заявления взыскателя обязан решить вопрос о возбуждении исполнительного производства. В таком случае судебный пристав-исполнитель при возбуждении исполнительного производства не предоставляет должнику срок для добровольного исполнения указанного требования на основании п. 5 ст. 34 Федерального закона об исполнительном производстве. Возбуждая исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель предлагает должнику неза-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 13.02.2023 г. № 26-КГ22-4-К5. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

² Обзор законодательства и судебной практики Верховного суда Российской Федерации за второй квартал 2010 г., п. 6 (утв. постановлением президиума Верховного суда РФ от 15.09.2010 г.). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

³ Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об исполнительном производстве». Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

медлительно исполнить требования исполнительного листа, то есть не позднее первого рабочего дня со дня поступления исполнительного документа в подразделение судебных приставов¹.

Как пробел в законодательстве, регулирующем вопросы исполнения такого рода исполнительных документов, следует отметить, что законом не урегулирован вопрос, каким образом судебный пристав-исполнитель в целях немедленного исполнения решения суда должен вручить должнику копию постановления о возбуждении исполнительного производства о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного работника для незамедлительного исполнения. Устранение данного пробела возможно посредством дополнения ст. 36 Федерального закона об исполнительном производстве положением о том, что постановление о возбуждении исполнительного производства должно быть передано работодателю-должнику посредством электронного документооборота.

Тем более, что в п. 4 ст. 36 Федерального закона об исполнительном производстве закреплено, что содержащиеся в исполнительном документе требования о восстановлении на работе незаконно уволенного или переведенного работника должны быть исполнены не позднее первого рабочего дня после дня поступления исполнительного документа в подразделение судебных приставов². При этом в приведенной правовой норме в отличие от правовых норм, закрепленных в том числе и в Гражданском процессуальном кодексе РФ, регулирующих вопросы электронного документооборота, отсутствует указание на возможность такого электронного документооборота.

Еще одна особенность принудительного исполнения требований о восстановлении на работе заключается в установленном п. 3 ч. 3 ст. 35 Федерального закона об исполнительном производстве запрете на совершение исполнительных действий в ночное время (с 22 часов до 06 часов) и в выходные, праздничные дни³.

Следует согласиться с мнением В. В. Яркова о том, что законодательство остается неразрешенной ситуацией, когда работник подлежит восстановлению на прежней работе в соответствии с графиком сменности или в режиме гибкого рабочего времени (работа в службе охраны, скорой медицинской помощи, службе спасения, газовой службе и проч.) и выход на работу обязан быть в ночное время или в нерабочий день [2].

Эти обстоятельства, по мнению автора, требуют внесения дополнений в названную ст. 35 Федерального закона об исполнительном производстве, которые были бы направлены на уточнение вопросов, касающихся восстановлению на прежнем месте работников, работающих по графику сменности или в режиме гибкого рабочего времени.

¹ Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об исполнительном производстве». Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс.

² Там же.

³ Там же.

Как уже отмечалось, решение суда о восстановлении работника на прежнем месте работы будет считаться исполненным, если работник допущен именно к выполнению прежней своей трудовой функции (ранее занимаемой должности, профессии, специальности), а также при принятии работодателем мер, необходимых для фактического допуска работника к выполнению прежних трудовых обязанностей, включая меры по соблюдению всех условий допуска к работе по должности, при назначении на которые гражданам оформляется пропуск работнику на территорию организации с пропускным режимом деятельности; допуск работника к оргтехнике, программному обеспечению; к государственной тайне или к работам, при выполнении которых работники проходят обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры; обеспечение всеми необходимыми материалами и т. п.¹

С учетом указанных требований в целях наиболее полного исполнения своих обязанностей по принудительному исполнению решения суда о восстановлении на работе судебному приставу-исполнителю необходимо выяснить, какую именно трудовую функцию работник выполнял до увольнения или перевода. Для этого требуется более детальная формулировка резолютивной части решения, которая и излагается в исполнительном листе. К сожалению, в резолютивной части судебных решений в части указания прежнего места работы указывается только должность, которую занимал незаконно уволенный или переведенный работник, и конкретный ответчик-должник, то есть работодатель. Указанное обстоятельство не способствует деятельности судебных приставов-исполнителей по установлению обстоятельств о фактическом допуске работника к ранее исполняемым трудовым обязанностям.

К особенностям исполнения решения суда о восстановлении на работе относится также то, что судебному приставу-исполнителю необходимо проверять внесение изменений в штатное расписание относительно восстановленного работника, если таковые были внесены в связи с увольнением работника и занимаемая им должность была исключена из штатного расписания. Кроме того, в состав фактического допуска восстановленного работника к исполнению своих прежних трудовых обязанностей входит включение этого работника в график предоставления очередных отпусков, в табель учета рабочего времени, внесение изменений в трудовую книжку этого работника независимо от того, каким образом она заполняется: на бумажном носителе или в электронном виде. Все перечисленные обстоятельства судебный пристав-исполнитель также должен проверить.

Дополнительными гарантиями прав взыскателя в случаях неисполнения работодателем-должником решения суда о восстановлении на работе выступают положения законодательства об ответственности за неиспол-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 28.08.2023 г. № 18-КГ23-90-К4 «О признании незаконным приказа об объявлении простоя по вине работодателя, взыскании невыплаченной заработной платы, компенсации за задержку выплаты заработной платы, компенсации морального вреда. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

нение судебного акта (ст. 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве», ст. 17.5 КоАП Российской Федерации¹, ст. 315 Уголовного кодекса Российской Федерации²)³.

Литература

1. Маматов М. В., Кремнева Е. В. Применение прокурором механизма судебной защиты прав уволенных лиц // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2022. № 7. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

2. Исполнительное производство: учебник / под общей редакцией В. В. Яркова. Москва: Статут, 2020.

FEATURES OF EXECUTION OF EXECUTIVE DOCUMENTS ABOUT REINSTATEMENT

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure
Buryat State University named after Dorji Banzarova
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The issues of execution of executive documents on reinstatement at work remain quite relevant to this day, since different employers have different interpretations of the current legal norms governing these issues. Accordingly, the actions of employers to enforce court decisions on reinstatement, which are subject to immediate execution by force of law, do not always meet the requirements. This article analyzes the current regulatory legal norms governing the execution of executive documents on reinstatement. The existing shortcomings and gaps in the legal regulation of this issue have been identified. The author's vision of improving the current legislation in the area under study is proposed.

Keywords: enforcement proceedings, court decision on reinstatement, executive documents on reinstatement at work.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации от 28.08.2023 г. № 18-КГ23-90-К4 «О признании незаконным приказа об объявлении простоя по вине работодателя, взыскании невыплаченной заработной платы, компенсации за задержку выплаты заработной платы, компенсации морального вреда. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

© Позняк Анастасия Валерьевна

студент 2-го курса,

Саратовская государственная юридическая академия

Российская Федерация, г. Саратов

poznyak_a@internet.ru

В статье рассматривается несколько определений доказывания, а также его предмет, который является ключевым аспектом в судебном процессе. Обосновано значение предмета доказывания, а также его роль при классификации доказательств. В статье подробно раскрываются этапы судебного доказывания, которые обеспечивают справедливое разрешение споров. В дополнение к выделенным М. К. Треушниковым объективному и субъективному критериям общеизвестности юридических фактов, входящих в предмет доказывания по гражданским делам, в работе обосновывается необходимость выделения третьего фактора — политико-культурного, соответствующего информационной политике государства на конкретное время рассмотрения и разрешения дела. Кроме того, О. А. Кузнецова выделяет зависимость доказательственных презумпций между доказательствами. На основе этого в работе приводится пример по делу об установлении алиментов, который подтверждает данное мнение. Указывается, что доказывание играет важную роль в процессе разрешения споров и конфликтов, поэтому сбор, исследование и оценка доказательств требуют особой тщательности и анализа новых подходов на предмет их соответствия традиционной гражданской процессуальной форме и современных способов получения доказательственного материала.

Ключевые слова: доказывание, судебное разбирательство, суд, классификация доказательств, бремя доказывания, преюдиция, общеизвестные факты, гражданский процесс, решение суда.

Существует множество определений доказывания. М. А. Фокина считает, что это «урегулированный нормами процессуального права путь (переход) от вероятных суждений к истинному знанию, обеспечивающему вынесение обоснованных и законных судебных решений как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах» [14, с. 478–559]. Это значит, что при вынесении решения суд руководствуется законом, а не личным желанием.

В Юридическом энциклопедическом словаре понятие «доказывание» указывается как «деятельность суда и участвующих в гражданском судопроизводстве лиц, направленная на установление с помощью судебных доказательств фактов, от которых зависит разрешение спора по существу» [8, с. 1054].

Исходя из вышеизложенного можно выявить, что судебное доказывание основывается на процессуальных действиях по анализу утверждений сторон и иных заинтересованных лиц относительно доказательственных фактов, по указаниям на доказательства, их представлению, собиранию,

исследованию, предварительной и окончательной оценке.

Важную роль в судебном доказывании играет его предмет, т.к. он является ключевым аспектом в любом судебном процессе. К. С. Юдельсон утверждал, что «в предмете доказывания усматриваются различные группы фактов» [7, с. 128–136], т.е. когда предмет доказывания ясно определен, становится понятно, какие доказательства могут быть представлены в суде и какие из них имеют релевантность для дела (определяемую через стремление доказать или опровергнуть факт дела). Исходя из этого, суд принимает решения и обеспечивает справедливость в процессе правосудия. Для того чтобы определить предмет доказывания, нужно правильно квалифицировать обстоятельства дела, т.е. необходимо провести тщательный и всесторонний анализ материалов дела, определить все существенные факты и обстоятельства, с ним связанные. Это требует участия компетентных юристов, экспертов и других специалистов, чтобы гарантировать правильное определение предмета доказывания.

Итак, значение предмета доказывания в судебном процессе не может быть недооценено. Правильное его определение оптимизирует весь процесс правосудия, делая его организованным и плодотворным. Точное определение предмета доказывания позволяет суду принимать верные решения, классифицировать доказательства и обеспечивать справедливость правосудия. Вместе с тем в действующем гражданском процессуальном законодательстве термин «предмет доказывания» не указан. В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой из сторон они подлежат доказыванию, ставит их на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались [2].

Определение предмета доказывания помогает провести классификацию доказательств, что предполагает систематическое разделение доказательств на определенные группы или категории в зависимости от их характеристик. М. К. Треушников считает, что она нужна «в целях более глубокого познания этого института» [13, с. 35].

Можно сделать вывод, что доказательства являются средствами, которые использует суд для установления фактических обстоятельств дела. Стоит отметить, что классификация судебных доказательств в разных странах неординарна. Например, в Латинской Америке есть доказательства посредством присяги или записи разговоров [12, с. 437–512].

Судебное доказывание состоит из различных элементов и предполагает судебную деятельность, поэтому она делится на стадии. В. В. Котлярова на основе обобщения выделяет следующие: определение круга фактов, подлежащих доказыванию; выявление и собирание доказательств по делу; исследование доказательств; оценка доказательств [5, с. 80].

Рассмотрим каждый этап подробнее. Определение круга фактов, подлежащих доказыванию, раскрывается В. В. Котляровой как возможность определения предмета доказывания по гражданскому делу, которое рассматривается в суде. Выявление доказательств — это деятельность лиц, которые участвуют в суде, для установления доказательств, которые могут подтвердить или опровергнуть факты, входящие в предмет доказывания.

Обращаясь к мнению Р. А. Чомаева, выделим определение собирания доказательств – оно «представляет собой практическую правовую деятельность по изъятию, закреплению и оценке фактов, доказательств, как вещественных (материальных), так и фактических (косвенных или устных показаний лиц)» [15, с. 383–385]. Автор отмечает, что собирание доказательств всегда проводится в стадии подготовки дела и осуществляется сторонами или другими лицами, участвующими в деле, и иногда при необходимости судьей. Например, ст. 81 ГПК РФ регулирует порядок получения образцов почерка для сравнительного исследования документа и подписи на документе, а для того чтобы оспорить подлинность подписи на документе, суд вправе получить образцы почерка для последующего сравнительного исследования.

И. В. Решетниковой описываются следующие способы собирания доказательств: представление их сторонами, другими участвующими в деле лицами и их представителями; истребование их судом от лиц и организаций, у которых они находятся; выдача лицам, ходатайствующим об истребовании письменных или вещественных доказательств, запросов на право их получения и представления в суд; вызов в суд в качестве свидетеля; назначение экспертизы; направление судебных поручений по собиранию доказательств в другие суды. [11, с. 127–129]

В. В. Котлярова следующим этапом доказывания, в процессе которого из доказательственного материала извлекается имеющая значение для разрешения дела информация, называет исследование судебных доказательств [5, с. 30]. По своей сути исследование доказательств – это всесторонний анализ доказательств с целью выяснения их достоверности. ГПК РФ предполагает установление определенных правил и процедур, которые обязательно соблюдаются при сборе и исследовании доказательств в суде. В ходе исследования могут использоваться разные способы: заслушивание заинтересованных в достижении цели судебного доказывания лиц, допрос свидетелей; осмотр доказательств как в зале судебного заседания, так и в месте их нахождения, просмотр с помощью технических средств (телефона, компьютера и т. п.). Что касается этапа оценки доказательств, то современный судья является независимым и оценивает представленные доказательства на основе внутреннего убеждения, основанного на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Еще одним ключевым аспектом института доказывания являются основания освобождения от судебного доказывания отдельных фактов. К ним относят общеизвестные и преюдициальные факты.

М. К. Треушников выделял два критерия общеизвестности: объективный и субъективный [3, с. 29–30], однако полагаем, что к ним следует добавить также политико-культурный, соответствующий информационной политике государства на конкретное время рассмотрения и разрешения дела. Этот фактор необходим с учетом соответствия известности отдельных фактов культурной политике в стране.

А. И. Ворсина указывает, что преюдициальные факты — это «факты, установленные ранее вынесенным решением или приговором суда и не

подлежащие повторному доказыванию» [1, с. 177–179]. Согласно мнению И. В. Решетниковой, данные факт имеют два предела [10, с. 216]. Опираясь на приведенные суждения, можно сделать вывод, что преюдиция тесно связана с процедурой доказывания в судебном процессе, а также является одним из оснований освобождения участников дела от доказывания. Выделим значение института преюдиции в судебном процессе: во-первых, наличие преюдиционных правил облегчает рассмотрение того или иного дела за счет экономии времени, во-вторых, преюдиция нужна для предотвращения конфликта судебных актов, т.е. она исключает вынесение противоречащих решений. В-третьих, она способствует последовательности рассмотрения дела.

Для обеспечения справедливости в распределении обязанности по доказыванию в процессуальной теории и судебной практике используется термин «бремя доказывания». М. М. Позняк определяет бремя доказывания как «процессуальное явление, выраженное в сочетании прав лица, участвующего в деле, и обязанности выдвигать и доказывать основания своих требований и возражений» [9, с. 53–56]. Если опираться на положения ГПК РФ, то прежде всего сторона в судебном разбирательстве должна доказать те обстоятельства, на которые она опирается как на основные требования или возражения.

Существуют также последствия невыполнения сторонами обязанности по доказыванию, за исключением установленных законом презумпций. О. А. Кузнецова в доказательственных презумпциях предполагает зависимость не только между доказательствами как с фактами, подлежащими установлению, т.е. входящими в предмет доказывания [6, с. 303]. Например, если в деле по установлению размера алиментов ответчик говорит: «да, я состоял в браке, но не являюсь отцом ребенка, то первый факт не нужно доказывать, т.к. его признает сам ответчик, а второй факт не доказывается истцом в силу презумпции отцовства.

Заметим, что роль суда в процессе доказывания не сводится исключительно к обеспечению возможности доказывания обстоятельств дела для участников процесса. Действительно, суд информирует о времени и месте судебного разбирательства, а также о процессуальных действиях, связанных со сбором доказательств, разъясняет процессуальные права и обязанности, устанавливает порядок исследования доказательств и т. п. Именно суд имеет самые широкие полномочия по установлению обстоятельств дела, исследованию доказательств и их оценке. Однако роль суда ограничена принципом состязательности. Участники процесса обязаны определить и доказать свои требования и возражения, а суд должен анализировать и оценивать представленные доказательства. Принцип состязательности определяет обязанности участников по доказыванию и регулирует поведение суда и сторон.

Вместе с тем активность суда в некоторых ситуациях ограничивается. Например, судьи не должны при подготовке дела предлагать какой-либо из сторон представлять доказательства или давать объяснения, которые связаны с пропуском срока исковой давности, т.к. применение правил исковой давности зависят только от воли заинтересованной стороны. В слу-

чае если заинтересованная сторона все-таки ссылается на пропуск срока исковой давности, судья вправе в порядке подготовки дела к судебному разбирательству в целях обеспечения его своевременного и правильного разрешения предложить каждой из сторон представить по данному вопросу соответствующие доказательства.

По мнению М. К. Треушникова, в современных условиях у суда общей юрисдикции функция по собиранию доказательств ограничена [3, с. 541]. Однако реальные границы деятельности суда в процессе доказывания неопределенны. Это может приводить к пассивности суда, ограничивающегося представленными сторонами доказательствами.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что доказывание играет важную роль в процессе разрешения споров и конфликтов, поэтому сбор, исследование и оценка доказательств требуют особой тщательности и анализа новых подходов на предмет их соответствия традиционной гражданской процессуальной форме, необходимость трепетного отношения к которой подчеркивают правоведаы [4, с. 14], и современных способов получения доказательственного материала.

Литература

1. Ворсина А. И., Вязов А. Л. Проблемы применения преюдициальных фактов в гражданском и арбитражном процессе // Молодой ученый. 2020. № 43(333). С. 177–179.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
3. Гражданский процесс: учебник / под редакцией М. К. Треушникова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Городец. Статут, 2014. 687 с.
4. Исаенкова О. В. Трепетное отношение к гражданской процессуальной форме — фильтр недавних и предполагаемых изменений гражданского процессуального права // Права человека и их защита: теория, реальность и тенденции развития: материалы V Евразийского форума по правам человека (г. Астана, 1 декабря 2023 г.) / под редакцией З. Х. Баймолдиной. Астана: Изд-во Академии правосудия при Верховном суде Республики Казахстан, 2024. С. 14–18.
5. Котлярова В. В. Судебное доказывание по гражданским и административным делам: учебное пособие / под редакцией А. В. Юдина. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2021. 88 с.
6. Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург, 2004. 349 с.
7. Курс доказательственного права / под редакцией М. А. Фокиной. Москва, 2014. 496 с.
8. Малько А. В., Нырков В. В., Игнатенкова К. Е. Юридический энциклопедический словарь. Изд. 2-е. Москва: Проспект, 2021. 1054 с.
9. Позняк М. М. Некоторые вопросы распределения бремени доказывания по гражданским делам // Право: история, теория, практика: материалы V Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.). Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. С. 53–56.

10. Решетникова И. В. Судебное доказывание и доказательства // Гражданский процесс: учебник / ответственный редактор В. В. Ярков. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Волтерс Клувер, 2004. 416 с.
11. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе: учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2014. 527 с.
12. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / под редакцией О. А. Жидкова, перевод В. И. Лафитского. Москва: Прогресс, Универс, 1993. 768 с.
13. Треушников М. К. Судебные доказательства: монография. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Городец, 2004. 268 с.
14. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам. Москва, 2010. 621 с.
15. Чомаев Р. А. Собираение доказательств: понятие, содержание и место в структуре доказывания // Молодой ученый. 2022. № 18(413). 413 с.

FEATURES OF JUDICIAL EVIDENCE IN THE CIVIL PROCESS

Poznyak Anastasia Valeryevna
2nd year student,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
poznyak_a@internet.ru

The paper examines several definitions of evidence, as well as its subject matter, which is a key aspect in the judicial process. The significance of the subject of proof and its role in determining the classification are substantiated. The article describes in detail each stage of judicial evidence, which ensures a fair resolution of disputes. In addition to the dedicated M. Sc. According to Treushnikov's objective and subjective criteria for the well-known legal facts included in the subject of evidence in civil cases, the paper substantiates the need to identify a third factor - political and cultural, corresponding to the information policy of the state for a specific time of consideration and resolution of the case. In addition, O. A. Kuznetsova highlights the dependence of evidentiary presumptions between evidence. Based on this, the paper provides an example in the case of establishing alimony, which confirms this opinion. It is pointed out that evidence plays an important role in the process of resolving disputes and conflicts, therefore, the collection, research and evaluation of evidence requires special care and analysis of new approaches for their compliance with the traditional civil procedural form and modern methods of obtaining evidentiary material.

Keywords: proof, trial, court, lassification of evidence, burden of proof, prejudice, well-known facts, civil procedure, court decision.

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «КОСМИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ» В КОСМИЧЕСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

© **Чулков Иван Константинович**

аспирант 3-го года обучения,

Саратовская государственная юридическая академия

Российская Федерация, г. Саратов

ivanchul@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности и недостатки терминологического аппарата космического частного права. Особое внимание уделяется термину «космический объект» и его неопределенности. Раскрываются разные подходы к определению содержания и значения рассматриваемого понятия. Выявляются сходства и различия позиций различных ученых, отражавших свои мнения по данному вопросу в собственных работах. Обозначается взаимосвязь между рассматриваемым термином и термином «небесное тело». Анализируются обоснованность, полнота, эффективность, оправданность и недостатки существующих подходов. Автор описывает собственное представление о причинах возникновения проблем терминологического аппарата космического частного права. В дальнейшем в статье раскрывается способ избавления от неопределенности термина «космический объект». Обозначаются преимущества разработанного подхода и его необходимость на современном этапе развития космического частного права.

Ключевые слова: космическое право, космическое частное право, терминологический аппарат, космический объект, небесное тело, космическое тело, космический корабль, космическая техника, космическое средство, Договор о космосе.

В настоящее время процесс всестороннего изучения космоса уже стал одной из интенсивно развивающихся областей человеческой активности. С нынешними темпами научно-технического прогресса всестороннее освоение космического пространства и небесных тел не представляется столь отдаленной перспективой. Дистанционное зондирование Земли, телевидение, навигация, туризм – вот далеко неполный перечень видов деятельности человека в космическом пространстве. Названная деятельность, как и любая другая, осуществляемая в том числе частными лицами, в своей основе содержит ряд базовых терминов и подходов, позволяющих сформировать общее представление об ее ключевых аспектах.

Уже в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, заключенном 27 января 1967 г. [4] (далее – Договор о космосе), можно встретить не менее десятка терминов, которым не представляется какой-либо дефиниции. Среди них «космическое пространство», «небесное тело», «космонавт», «космический объект», «космический корабль», «внеземное вещество» и др. Аналогичная ситуация наблюдается и в отечественном законодательстве. Например, в Законе Российской Федерации «О космической деятельности» [5] (далее – Закон

РФ «О космической деятельности»). А. Г. Мельников, приводя перечень коллизий и пробелов современного космического законодательства, включает туда отсутствие четкой терминологии, указывая на то, что данный недостаток юридической техники в космическом праве приводит к повсеместному смешению понятий и, соответственно, к неизбежным коллизиям [8, с. 40]. Одним из подобных терминов является «космический объект», единого мнения о содержании которого не сложилось ни в международных соглашениях, ни в науке до сих пор.

В Договоре о космосе лишь дважды используется само словосочетание «космический объект». В качестве его синонимов договаривающиеся стороны употребляли слово «объект», дополнительно указывая либо на его взаимодействие с космическим пространством путем запуска с установок или территории государства, либо на то, что объект обладает статусом запущенного, т.е. уже находящегося в космическом пространстве.

В последующих международных соглашениях подобная несогласованность в формулировках была устранена и словосочетание «космический объект» устоялось как самостоятельный термин. Наиболее часто он используется как компонент следующих словесных конструкций: «запуск космического объекта в космическое пространство», «регистрация космического объекта», «космический объект и его составные части». Таким образом, на основе приведенной информации можно сделать вывод, что во всех пяти международных соглашениях в сфере космического права договаривающиеся стороны подразумевали под космическим объектом искусственно созданный человеком объект, нацеленный на его использование в космическом пространстве.

На первый взгляд, подобная позиция представляется довольно очевидной и придающей термину «космический объект» достаточную определенность. С другой стороны, словарь космических терминов, размещенный на сайте государственной корпорации «Роскосмос», предлагает формулировку, указанную в дополнение к термину «космическое пространство»: «В нем движутся космические объекты – галактики, звезды, туманности, планеты и т.д.» [11]. Следовательно, планеты, звезды и т.д. являются космическими объектами.

Безусловно, данный материал, размещенный на сайте, нельзя назвать научной работой. Однако в соответствии с Федеральным законом «О государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”» [12], государственная корпорация «Роскосмос» является органом, уполномоченным от имени Российской Федерации осуществлять нормативно-правовое регулирование в области исследования, освоения и использования космического пространства, что придает данной информации вес в соответствующей сфере, а также свидетельствует об отсутствии в среде практиков единого понимания сущности и объема основополагающих терминов космического частного права.

В подтверждение данного утверждения можно представить позиции двух российских авторов. В своей статье С. П. Гришаев пишет: «Следует отметить, что сам термин «космический объект» страдает юридической неопределенностью. В частности, к космическим объектам могут быть

отнесены любые небесные тела как естественного, так и искусственного происхождения» [2, с. 26]. Не согласившись с утверждением данного автора, Ю. О. Вербицкая пишет: «Вышеизложенное не позволяет согласиться с мнением С. П. Гришаева, который отмечает, что термин «космический объект» является неопределенным. Во-первых, как уже упоминалось, Закон РФ «О космической деятельности», не давая точного определения, все же говорит о космических объектах как о летательных аппаратах. Во-вторых, расширенное толкование термина «космический объект», данное С. П. Гришаевым, приводит к абсурдной ситуации, когда небесные тела признаются недвижимым имуществом» [1]. Представленные цитаты свидетельствуют об отсутствии единого понимания термина «космический объект».

Для продолжения исследования термина «космический объект» необходимо обратить внимание на определения, предлагаемые в юридической доктрине и для термина «небесное тело», смешение с которым наиболее вероятно в сложившихся условиях. В. С. Киченина описывает целый ряд дефиниций [6, с. 20–21]. Д. Гал полагал, что это Луна и планеты, их луны, астероиды (или планетоиды) нашей Солнечной системы, которые пригодны для посадки космических кораблей с экипажем или без, имеют естественное происхождение и не могут быть сдвинуты со своей небесной орбиты. Также интересно определение Международного института космического права: небесные тела — это все естественные объекты в космическом пространстве в пределах Солнечной системы, изменение естественных орбит которых или их поглощение недопустимы. Г. П. Жуков отмечает, что под небесными телами имеются в виду естественные космические тела определенной величины с твердой поверхностью. Э. Г. Василевская считает, что небесные тела – это естественные необитаемые космические тела, используемые исключительно в мирных целях. С точки зрения С. П. Малкова, под небесным телом понимается пригодный для освоения и использования естественный объект природного происхождения, находящийся в космическом пространстве на орбите вокруг Солнца, либо на орбите вокруг иного, большего по размерам небесного тела, обладающий достаточной гравитацией, необходимой для оборудования на данном природном объекте или его орбите обитаемой космической станции. М. Ляхс отмечал, что небесное тело — это часть космического пространства, и считал такое понятие всеобъемлющим определением для многих твердых тел в космическом пространстве.

Все авторы единогласно подчеркнули естественность (природность) происхождения данных объектов. Таким образом, прослеживается разница между небесными телами и космическими объектами как естественными и искусственными объектами в космическом пространстве.

Однако в другом источнике, изданном под редакцией Г. П. Жукова, можно обнаружить следующую информацию: «Естественные космические объекты (например, Луна, планеты, метеориты) охватываются в международно-правовых документах понятием «небесные тела» [7, с. 71]. В данном случае происходит соотнесение терминов «небесное тело» и «космический объект» как части и целого, что противоречит утвержде-

нию, сформулированному ранее. Представляется, что указанная ситуация, помимо отсутствия нормативно закреплённого определения, может обуславливаться и иными причинами.

Во-первых, различные ученые, пытаясь предложить собственное определение термина «небесное тело», фактически имеют следующий выбор. Либо автор заявляет, что небесное тело – это космическое тело, что некорректно, т. к. термин «космическое тело» тоже не имеет однозначно признанной дефиниции в космическом частном праве, а также часто используется в качестве синонима термина «небесное тело». Либо автору в той или иной формулировке приходится заявлять о том, что небесное тело – это объект, расположенный в космическом пространстве, что по своей сути и звучанию слишком очевидно отсылает к термину «космический объект» и провоцирует смешение данных понятий. При условии отсутствия их нормативно закреплённых дефиниций мы не можем утверждать, что данная интуитивно прослеживаемая связь является ложной и не соответствует действительности.

Во-вторых, из-за слабой определенности всего терминологического аппарата космического частного права государства нередко использовали иные словосочетания, предоставляя им статус самостоятельных терминов и не указывая на их соотношение с термином «космический объект». Например, уже в Договоре о космосе в одном ряду с термином «космический объект» стоит словосочетание «космический корабль», определения которому не дается. В Законе РФ «О космической деятельности» космический объект утрачивает свою самостоятельность и вместе с космической инфраструктурой становится частью термина «космическая техника». Протокол по вопросам, касающимся космических средств, к конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования [10] и вовсе не применяет термин «космический объект», а устанавливает содержательно схожий с ним термин «космическое средство», которое включает в себя космический аппарат, полезную нагрузку и компонент космического аппарата. Можно предположить, что разработчики данного документа, намереваясь урегулировать именно международные частно-правовые вопросы, попытались отстраниться от термина, активно используемого в публично-правовых отношениях. Подтверждением данной позиции выступает факт замены термина «небесное тело» на термин «космическое тело», который, как указывалось ранее, фактически является его синонимом, однако не используется в основных международных соглашениях в области космического права. Аналогичное мнение можно проследить в научных трудах, посвященных изучению данного документа [3, с. 53].

Появление множества сопутствующих терминов приводит к ситуации, что даже среди ученых, однозначно относящих к космическим объектам лишь искусственно созданные человеком объекты, нацеленные на использование в космическом пространстве, нет единого представления об объеме данного термина. Так, в учебнике, изданном под редакцией Г. П. Жукова, указано: «Ряд юристов полагает, что такой (космический) мусор не должен рассматриваться в качестве космических объектов или их частей.

Большинство юристов считают, что космический мусор должен охватываться понятием космических объектов и их частей» [7, с. 76].

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо отметить, что в большинстве существующих положений космического частного права под космическим объектом действительно подразумевается нечто, искусственно созданное человеком. В противовес этому существуют лишь обстоятельства, раскрытые ранее, а именно сложность формулирования определения термина «небесное тело» и интуитивно прослеживаемая связь между небесным телом как объектом, находящимся в космическом пространстве, и собственно космическим объектом. Таким образом, отказ от признания небесных тел одним из видов космических объектов кажется довольно очевидным. Однако, несмотря на это, небесные тела необходимо признать космическими объектами по следующим причинам.

Во-первых, изначальное использование словосочетания, обладающего наиболее общим лексическим значением и способного обозначить все объекты, находящиеся в космическом пространстве, для обозначения лишь отдельной группы искусственно созданных объектов является необоснованным решением государств. Данный подход породил разрыв между лексическими и юридическими нормами, что приводит к тяжело устранимым проблемам в юридической технике. Во-вторых, не нуждается в доказывании тот факт, что большей части человечества намного ближе лексические, а не юридические нормы. В связи с этим для людей, не углублявшихся в изучение терминологии космического права, в том числе и среди специалистов в сфере юриспруденции, значение термина «космический объект» становится менее ясным и очевидным. В-третьих, науке и законодательству необходим наиболее общий термин, который выступит своеобразным инструментом при создании терминологической базы, описывающей отдельные объекты, находящиеся в космическом пространстве. В-четвертых, как было указано ранее, невозможно запустить небесное тело в космическое пространство и невозможно им управлять как, например, пилотируемым космическим кораблем. Это утверждение верно, если не изучать ее под призмой времени. Уже в наше время учеными, работающими в сфере технических наук, разрабатываются концепции изменения траектории движения астероидов [7].

Таким образом, представляется разумным признание термина «космический объект» обобщающим понятием для всех овеществленных объектов, которые находятся в космическом пространстве и возникли как естественным, так и искусственным путем. Следовательно, все искусственно созданные человеком с целью использования в космическом пространстве объекты стоит включить в уже существующий термин «космическая техника», а термин «небесные тела» необходимо признать одним из видов космических объектов.

Литература

1. Вербицкая Ю. О. Космические объекты как объекты гражданского оборота // Статут. 2007. URL: <https://center-bereg.ru/k2296.html> (дата обращения: 12.04.2024).

2. Гришаев С. П. Морские, воздушные суда, суда внутреннего плавания и космические объекты как разновидность недвижимости // Цивилист. 2006. № 2. С. 23–28.
3. Десятов А. А., Волынская О. А. Последствия принятия Берлинского протокола по космическому имуществу 2012 г. // Российский внешне-экономический вестник. 2012. № 9. С. 49–58.
4. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (заключена в г. Москве, Вашингтоне, Лондоне 27 января 1967 г.) // Ведомости ВС СССР. 1967. № 44. Ст. 588.
5. Закон РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // Российская газета. 1993. № 186; 2021. № 133.
6. Киченина В. С. Правовое понятие небесного тела как основной категории международного космического права // Международное публичное и частное право. 2016. № 2. С. 19–21.
7. Международное космическое право: учебник для вузов / Г. П. Жуков [и др.]; под редакцией Г. П. Жукова, А. Х. Абашидзе. 2-е изд., стер. Москва: Юрайт, 2021. 528 с.
8. Мельников А. Г. Коллизии и пробелы современного космического законодательства (теоретико-правовые и практические вопросы современного космического права) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2018. № 3. С. 37–48.
9. Полуэктов Р. М., Скроб М. В. Гравитационное буксирование астероидов космическими аппаратами с солнечным парусом в качестве движительной установки // Инженерный журнал: наука и инновации. 2020. № 3. URL: <http://engjournal.ru/articles/1968/eng/1968.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).
10. Протокол по вопросам, касающимся космических средств, к конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования (подписан в г. Берлине, 9 марта 2012 г.). URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/07/Space-Protocol_Russian.pdf (дата обращения: 10.04.2024).
11. Словарь космических терминов. URL: <https://www.roscosmos.ru/dictionary/224> (дата обращения: 11.04.2024).
12. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 215-ФЗ «О государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”» (в ред. от 11 июня 2021 г.) // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4341; 2021. № 24 (ч. 1). Ст. 4226.

THE MEANING OF THE TERM «SPACE OBJECT»
IN SPACE PRIVATE LAW

Ivan Konstantinovich Chulkov

Postgraduate student of 3 years of study,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
ivanchul@yandex.ru

The article discusses the features and disadvantages of the terminological apparatus of private space law. Special attention is paid to the term «space object» and its ambiguity. Different approaches to determining the content and meaning of the concept under consideration are revealed. The similarities and differences of the positions of various scientists who reflected their opinions on this issue in their own works are revealed. The relationship between the term in question and the term «celestial body» is indicated. The validity, completeness, effectiveness, justification and disadvantages of existing approaches are analyzed. The author describes his own understanding of the causes of the problems of the terminological apparatus of space private law. Further, the article reveals a way to get rid of the uncertainty of the term «space object». The advantages of the developed approach and its necessity at the present stage of the development of space private law are outlined.

Keywords: space law, space private law, terminological apparatus, space object, celestial body, space body, spacecraft, space technology, space vehicle, space treaty.

**ИНОСТРАННЫЙ ДИПЛОМ
О ВЫСШЕМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
КАК ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВА ПРЕДСТАВЛЯТЬ ИНТЕРЕСЫ
ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В СУДАХ ОБЩЕЙ
ЮРИСДИКЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ
ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

© Шананин Илья Александрович
индивидуальный предприниматель,
Российская Федерация, г. Саратов
shananin2001@bk.ru

В представленной статье анализируется право лица с дипломом о высшем юридическом образовании иностранного государства представлять интересы граждан и юридических лиц в судах общей юрисдикции. Раскрывается процесс признания иностранного образования и(или) квалификации в Российской Федерации. Указываются основные проблемы из-за факта обучения предполагаемого представителя в другом государстве ввиду явных отличий правовых систем в той или иной стране и ставятся соответствующие вопросы, требующие разрешения в рамках данной темы. Проводится сравнительный анализ государств, схожих по правовой системе с Российской Федерацией и в корне отличающихся от нее. Отмечается наличие вопроса о компетенции представителя с иностранным образованием и его правовых знаниях в рамках российского законодательства, а также возможное оказание юридических услуг ненадлежащего качества. В заключение предлагаются изменения в действующее законодательство Российской Федерации, способные разрешить все указанные в работе проблемы.

Ключевые слова: адвокат, гражданское судопроизводство, иностранец, иностранный диплом, критерии, международный договор, перечень, представитель, юридическое образование, юрист.

В настоящее время институт представительства в гражданском судопроизводстве находится в центре внимания ученых-юристов, практиков и всей российской общественности ввиду его реформирования в течение последних пяти лет для повсеместного введения профессионального представительства. На основании ч. 2 ст. 49 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) представлять интересы граждан и юридических лиц в суде могут адвокаты и другие лица, которые оказывают юридическую помощь, имеют высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности [2], за исключением случаев законного и уставного представительства.

Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 за 2019 г. указывает на то, что профессиональным представителем считается лицо, которое предоставило в суд один из следующих документов: диплом бакалавра, диплом специалиста, диплом магистра, диплом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) по юридической специальности, диплом кандидата или доктора наук [5].

В 2022 г. в постановлении пленума Верховного суда РФ № 32 был внесен в Государственную думу Федерального Собрания РФ проект федерального закона № 235526-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В нем предложено повсеместное введение обязательного высшего юридического образования для судебного представителя вне зависимости от суда и инстанции, в котором он представляет интересы лица [7].

Однако в данном направлении имеется немало вопросов, которые, несмотря на тенденцию, направленную на внедрение высшего образования на всех уровнях представления интересов в суде, не разрешены. Одним из таких является возможное наличие у представителя в гражданском судопроизводстве диплома о высшем образовании иностранного государства. При столкновении с такой ситуацией возникают проблемы, связанные с тем, что правовые системы, материальное и процессуальное право разных стран отличаются. Как и по каким критериям признаются дипломы иностранных государств в Российской Федерации? Требуется ли доработки в гражданском процессуальном законодательстве касательно допуска представителей в суде с дипломом иностранного государства? Все эти вопросы необходимо разъяснить в рамках настоящей работы.

Отвечая на вышеуказанные вопросы, необходимо обратиться к общим положениям, которые касаются признания диплома о высшем образовании в Российской Федерации. В соответствии со ст. 107 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» признание в России образования и(или) квалификации, которые получены за границей, осуществляется на основании международных договоров и соглашений, регулирующих вопрос признания и установления соответствия иностранного образования или квалификации и законодательством РФ. Кроме того, существуют определенные критерии, порядок и перечень образовательных организаций зарубежных стран, все они утверждаются правительством Российской Федерации. Также существует и оговорка на случай, если образование и(или) квалификация не соответствует вышеуказанным условиям, в этой ситуации признание диплома осуществляется федеральным органом исполнительной власти по контролю и надзору в сфере образования на основании заявления о признании. При данных обстоятельствах проводится экспертиза оценки уровня полученного лицом образования и присвоенной ему квалификации и их соотношения с российскими стандартами в области образования, в том числе и высшего [12].

Как указывалось ранее, в признании иностранного диплома важным критерием является наличие международного договора с тем государством, откуда прибыло лицо, желающее быть представителем в суде. Существует официальный перечень, в котором указаны действующие договоры о признании Российской Федерацией и одного из иностранных государств дипломов и иных документов, подтверждающих получение образования, в который входит большое количество соглашений и протоколов, регулирующих взаимоотношения между государствами в образовательной сфере [4]. Также существуют перечень иностранных образовательных и научных организаций, полученные образование, квалификация, ученая

степень и звания, которые признаются на территории нашего государства. В нем указаны образовательные организации, а также уровни образования, которые признаются в Российской Федерации [9]. Кроме того, есть положения, касающиеся критериев включения иностранных образовательных и научных организаций, а также образования и ученых степеней, полученных в них. Также указано, что одним из критериев признания диплома является то, что иностранная образовательная или научная организация входит в текущем году в одну из первых пятисот позиций не менее чем в три из пяти международных рейтингов одновременно. Действуют и правила включения иностранных образовательных и научных организаций в перечень признающихся на территории России [6].

Однако возникает вопрос о том, как признание образования в рамках существующих критериев, перечня и возможности проведения специальной экспертизы в рамках действующего законодательства может повлиять непосредственно на диплом о высшем юридическом образовании или ученой степени по юридической специальности? Ведь правовые системы двух разных государств порой в корне противоположны друг другу и соответственно будут иметь место совершенно разные знания в процессе получения высшего образования. В данном случае необходимо более глубоко рассмотреть данный вопрос и на основании существующих международных договоров сравнить правовые системы России и того государства, с которым этот договор был заключен.

Первым примером может послужить схожие правовые системы стран бывшего СССР в рамках Соглашения между правительством Республики Беларусь, правительством Республики Казахстан, правительством Кыргызской Республики, правительством РФ и правительством Республики Таджикистан от 24.11.1998 (ред. от 26.02.2002) «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях». В нем указано, что дипломы стран участниц данного договора о высшем образовании на основании ст. 9 признаются и идентичны при продолжении образования, в том числе в аспирантуре, и при поступлении на работу в соответствии с указанными в них специальностью и квалификацией, если учреждения образования, которые выдали их, отвечают критериям, установленным органом по взаимному признанию дипломов о получении образования [10]. Далее стоит сравнить гражданское процессуальное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь. В первом государстве действует Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ, во втором — Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 г. № 238-З [1]. Обращаясь к данным нормативным актам, можно увидеть схожесть понятий, процедур, стадий и порядка судопроизводства в судах общей юрисдикции. Таким образом, признание диплома в рамках этого соглашения не нанесет большого урона институту представительства, ведь представитель будет обладать всеми необходимыми знаниями для защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Однако существуют государства с совершенно иным построением судопроизводства, но с существующим соглашением между ними и Россией-

ской Федерации, признающие любое гуманитарное образование, куда входит и юриспруденция, являющаяся особенной среди остальных видов образования, ведь юристы в отличие от врача или агронома способны адаптироваться и работать с полученными знаниями исключительно в той правовой системе, которую они изучали или схожей с ней. Таким примером может послужить Протокол между Союзом Советских Социалистических Республик и Исламской Республикой Пакистан об эквивалентности документов об образовании и ученых степеней от 4 июня 1979 г., который действует и в настоящее время, в ст. 4 которого указано, что дипломы о высшем образовании СССР и дипломы, выдаваемые в Исламской Республике Пакистан, эквивалентны и во время приема на работу признаются в обеих государствах в соответствии со степенью и квалификацией, указанными в дипломе об окончании образования [8]. Однако, несмотря на взаимное признание дипломов о высшем образовании в общем, а значит, и дипломов о высшем юридическом образовании, необходимо обратить внимание на то, что в Республике Пакистан смешанная правовая система, а именно английское общее право и мусульманское право [3]. Таким образом, их система права и судопроизводство в том числе в корне отличается от гражданского процесса Российской Федерации. Это один из многих примеров соглашений и договоров со странами, право которых имеет иной вид в сравнении с отечественной правовой системой.

Наличие ряда соглашений с зарубежными государствами, которые имеют полностью противоположное право и отдельные его институты, ставит под вопрос компетенцию представителя и его правовые знания в области российского материального и процессуального права, следовательно, подрывается и тенденция профессионализации института представительства ввиду повсеместного введения обязательного высшего образования или ученой степени по юридической специальности. Самой опасной в этой ситуации является проблема возможной ненадлежащей защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц представителем.

Решением данной проблемы может являться введение обязательной переподготовки для лиц, которые желают быть представителями в суде с иностранным дипломом. Соответственно, кроме непосредственно подтверждения диплома, в виде его признания и перевода на русский язык, будущий представитель сможет подтвердить свою квалификацию и пройти дополнительную подготовку в рамках уже исключительно российского законодательства. Кроме того, объективным решением проблемы является введение определенных ограничений для представителей с дипломом иностранного государства по аналогии с адвокатами. Так, в соответствии с положениями ч. 5 и 6 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокаты иностранного государства на территории Российской Федерации имеют право оказывать юридическую помощь по вопросам права данного иностранного государства, кроме того, они не допускаются к оказанию юридической помощи, если она как-либо связана с раскрытием государственной тайны Россий-

ской Федерации. Также адвокаты, имеющие зарубежное юридическое образование, подлежат регистрации в федеральном органе исполнительной власти в области юстиции, а также подлежат записи в реестр, без регистрации в котором осуществление деятельности в области права адвокату иностранного государства на территории России запрещается [11].

Соответственно необходимо предложить введение схожего с адвокатами реестра лиц, имеющих иностранный диплом о высшем юридическом образовании или ученую степень по юридической специальности, которые желают осуществлять деятельность представителя на территории Российской Федерации и прошли соответствующие этапы допуска, которые будут предложены далее в качестве поправок в гражданское процессуальное законодательство. Резюмируя все вышесказанное, видится возможным предложение о поправках в положения ст. 49 ГПК РФ «Лица, которые могут быть представителями в суде», где необходимо указать специальные положения о допуске к представлению интересов в суде лиц с иностранным дипломом о высшем юридическом образовании. А именно предлагается дополнить ч. 2 данной статьи, которая будет указывать на критерии допуска такого представителя до гражданского судопроизводства и иметь такую трактовку: «Представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, полученные на территории Российской Федерации. При наличии диплома о высшем образовании либо ученой степени по юридической специальности иностранного государства лицо, оказывающее юридическую помощь, должно иметь диплом, признанный на территории Российской Федерации в соответствии со ст. 107 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ, пройти профессиональную переподготовку по юридической специальности и находиться в специальном реестре представителей, имеющих диплом или ученую степень иностранного государства».

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З (ред. от 17.07.2023) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238> (дата обращения: 17.04.2024).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Исламская Республика Пакистан. URL: <https://gtmarket.ru/countries/pakistan?ysclid=lv3lrzw4lw738434387> (дата обращения: 17.04.2024).
4. Международные договоры о взаимном признании документов об образовании. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217181 (дата обращения: 17.04.2024).

5. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного суда РФ 25 декабря 2019) // Бюллетень Верховного суда РФ. 2020. № 7.

6. Постановление Правительства РФ от 5 марта 2021 г. № 326 (ред. от 28.08.2023) «О порядке включения иностранных образовательных и научных организаций в перечень иностранных образовательных и научных организаций, полученные образование и (или) квалификации, ученые степени и ученые звания в которых признаются в Российской Федерации» (вместе с «Правилами включения иностранных образовательных и научных организаций в перечень иностранных образовательных и научных организаций, полученные образование и (или) квалификации, ученые степени и ученые звания в которых признаются в Российской Федерации»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_379091/?ysclid=lv3kiezmla690559114 (дата обращения: 17.04.2024).

7. Постановление пленума Верховного суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 32. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31745> (дата обращения: 17.04.2024).

8. Протокол между Союзом Советских Социалистических Республик и Исламской Республикой Пакистан об эквивалентности документов об образовании и ученых степеней от 4 июня 1979 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/49260/ (дата обращения: 17.04.2024).

9. Распоряжение Правительства РФ от 30 января 2023 г. № 186-р (ред. от 22.01.2024) «Об утверждении перечня иностранных образовательных организаций, полученные образование и (или) квалификации, ученые степени и ученые звания в которых признаются в Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438955/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=lv3kas0i59467323862 (дата обращения: 17.04.2024).

10. Соглашение между правительством Республики Беларусь, правительством Республики Казахстан, правительством Кыргызской Республики, правительством РФ и правительством Республики Таджикистан от 24 ноября 1998 (ред. от 26.02.2002) «О взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22578/?ysclid=lv3lmalb40915879461 (дата обращения: 17.04.2024).

11. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

12. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

FOREIGN DIPLOMA OF HIGHER LEGAL EDUCATION
AS CONFIRMATION OF THE RIGHT TO REPRESENT
THE INTERESTS OF CITIZENS AND LEGAL ENTITIES
IN THE COURTS OF GENERAL JURISDICTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION WITHIN CIVIL PROCEEDINGS

Shananin Ilya Alexandrovich
Individual entrepreneur
Russian Federation, Saratov
shananin2001@bk.ru

The presented material analyzes the right of a person with a diploma of higher legal education from a foreign state to represent the interests of citizens and legal entities in courts of general jurisdiction. The process of recognition of foreign education and (or) qualifications in the Russian Federation is revealed. The main problems arising from the fact of training a prospective representative in another state are indicated, due to the obvious differences in legal systems in one country or another, and relevant questions are raised that require resolution within the framework of this topic. A comparative analysis of states that are similar in legal system to the Russian Federation and fundamentally different from it is carried out. It is indicated that there is a question of the competence of a representative with a foreign education and his legal knowledge within the framework of Russian legislation. The possible provision of legal services of inadequate quality is also noted. In conclusion, changes to the current legislation of the Russian Federation are proposed that can resolve all the problems mentioned in the work.

Keywords: advocate, civil proceedings, foreigner, foreign diploma, criteria, international treaty, scroll, representative, legal education, lawyer.

**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ДОСУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК УРЕГУЛИРОВАНИЯ
СПОРОВ КАК УСЛОВНЫЙ ВИД ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ
В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

© Широкова Дарья Олеговна

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

yungamisan@gmail.com

© Балдаева Римма Александровна

кандидат биологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

brimma72@mail.ru

Данная статья посвящена изучению института условной подведомственности и обязательному досудебному урегулированию гражданско-правовых споров в судах общей юрисдикции Российской Федерации и арбитражных судах Российской Федерации. В статье устанавливается тождественность понятий «условная подведомственность» и «досудебное урегулирование споров», выделяются и изучаются виды обязательного досудебного урегулирования спора, рассматриваются наиболее распространенные проблемы и противоречия, существующие в современном законодательстве, связанные с условной подведомственностью (обязательным досудебным урегулированием споров). Изучение института подведомственности в целом и условной подведомственности (обязательного досудебного урегулирования споров) в частности позволит найти наиболее эффективные способы разрешения возникающих споров. Посредством предоставления возможности обязательного мирного урегулирования спора законодатель позволит снизить нагрузку на судебные органы, что впоследствии приведет к более качественному разрешению споров арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Ключевые слова: досудебный порядок, подведомственность, современные проблемы, условная подведомственность, обязательный досудебный порядок урегулирования споров, юрисдикция, компетенция, судопроизводство, гражданский процесс, суд общей юрисдикции, арбитражный суд, медиация, административный порядок разрешения споров.

Институт подведомственности в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации является одним из двух основных институтов, позволяющих разграничить компетенцию различных юрисдикционных органов, эффективно распределить работу по разрешению гражданско-правовых споров, достичь целей и задач гражданского судопроизводства.

Одним из часто используемых видов подведомственности является условная подведомственность, под которой в доктрине гражданского процессуального права понимают порядок рассмотрения дела, при котором является обязательным соблюдение заинтересованным лицом опре-

деленного досудебного порядка урегулирования спора [1, с. 57]. На данный момент законодатель не предложил легального определения термина «условная подведомственность», но внимательный анализ законодательных актов и постановлений пленума Верховного суда Российской Федерации позволяет сделать вывод, что тождественными понятиями являются термины «обязательный досудебный порядок», «обязательное досудебное урегулирование».

Так, под обязательным досудебным урегулированием следует понимать обязательную деятельность сторон спора до обращения в арбитражный суд или суд общей юрисдикции, осуществляемую ими самостоятельно либо с привлечением третьих лиц, а также посредством обращения к уполномоченному органу публичной власти для разрешения спора в административном порядке. Сравнивая и анализируя два определения, можно увидеть, что они различаются лишь степенью обобщения, фактически обозначая одно и то же правовое явление.

Одной из проблем, возникающих при изучении условной подведомственности (обязательного досудебного урегулирования), является проблема выявления круга обязательных действий сторон, которые необходимо выполнить для последующего обращения за защитой прав и законных интересов в суд. Так, например, законодатель указывает, что «заявление подается в суд после соблюдения претензионного или иного досудебного порядка урегулирования спора, если это предусмотрено федеральным законом для данной категории споров» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ)¹, при этом не определяя четкий круг необходимых действий. Для выделения круга обязательных действий необходимо обратиться к современному гражданскому процессуальному законодательству и, в частности, к постановлению пленума Верховного суда РФ от 22.06.2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства».

Изучив постановление пленума Верховного суда, можно выделить несколько видов обязательного досудебного урегулирования спора (условной подведомственности) и действия, которые необходимо предпринять для разрешения спора:

1. Деятельность сторон спора, осуществляемая ими самостоятельно. К такой деятельности относятся переговоры, направление предложения об изменении или о расторжении договора и претензионный порядок разрешения спора.

Переговоры — это способ разрешения гражданско-правового спора посредством коммуникации между сторонами в целях примирения. Данный способ разрешения спора установлен ст. 153.4 (ГПК РФ). Также следует обратить внимание на то, что переговоры как способ обязательного досудебного разрешения спора чаще всего присущ арбитражному процессу и по спорам между юридическими лицами и индивидуальными пред-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

принимателями. Под претензионным порядком понимается направление претензии, жалобы в адрес стороны, нарушившей право. Претензионный порядок используется чаще и охватывает большее количество спорных ситуаций, в связи с чем является доминирующим. Обязанность сторон провести переговоры и направление предложения об изменении или о расторжении договора в подавляющем большинстве случаев предусмотрены договором, в то время как претензионный порядок разрешения спора может быть установлен как законом, так и договором.

2. Деятельность сторон спора, осуществляемая с привлечением третьих лиц. В данном случае обязательное досудебное урегулирование происходит с привлечением медиаторов или финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг в зависимости от категории спора. Обязательное досудебное разрешение спора с участием данных лиц возможно лишь в случае, когда данная обязанность установлена договором и не противоречит федеральным законам.

3. Деятельность сторон спора, осуществляемая ими в административном порядке. Так, стороны спора до обращения в суд с иском обязаны обратиться в орган, уполномоченный разрешать данную категорию споров. Административный порядок разрешения споров непосредственно установлен п. 2 ст. 11 ГК РФ и представляет собой обращение в уполномоченный орган за разрешением гражданского правового спора. Совместно с претензионным порядком разрешения спора является одним из наиболее используемых.

Помимо приведенной классификации можно выделить иную классификацию условной подведомственности в зависимости от акта, в котором содержится указание на соблюдение досудебного урегулирования возникшего спора о праве. Так, действия, обязательные для выполнения сторонами на этапе досудебного урегулирования споров, могут устанавливаться двумя способами:

1. Обязательный досудебный порядок установлен законом. Так, административный порядок и привлечение к разрешению спора финансового уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг устанавливаются различными федеральными законами.

2. Обязательный досудебный порядок установлен договором. Так, договором могут устанавливаться обязательные переговоры, проведение обязательной медиации.

3. Обязательный досудебный порядок установлен законом или договором. Так, претензионный порядок может быть установлен законом, например Федеральным законом «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10.01.2003 г. № 18-ФЗ или договором.

Исследовав классификации видов условной подведомственности и способов их закрепления, можно прийти к выводу, что законодателю необходимо при указании на досудебный порядок разрешения спора указывать их, поскольку это позволит как гражданам, так и уполномоченным органам лучше ориентироваться в законодательстве и разрешать споры быстрее и эффективнее.

Исследуя условный вид подведомственности, следует обратить внимание на ряд противоречий. Например, в гражданском судопроизводстве досудебный порядок урегулирования спора является обязательным только в случаях, предусмотренных федеральным законом [2], что фактически является несоблюдением важнейшего из принципов гражданского права — принципа свободы договора, в то время как в арбитражном судопроизводстве этого не происходит и обязательный досудебный порядок урегулирования спора является обязательным в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором. Изучая проблему с иной стороны, можно предположить, что законодатель сознательно ввел данную норму, защищая таким образом право сторон на судебную защиту в разумные сроки.

Говоря об обязательном досудебном урегулировании посредством медиации, следует учесть, что она может быть установлена только в случае, если стороны заключили соглашение о применении процедуры медиации и в течение оговоренного для ее проведения срока обязались не обращаться в суд или заменили предусмотренную федеральным законом процедуру досудебного урегулирования спора на медиацию при условии, что соответствующий федеральный закон позволяет изменить порядок такого урегулирования договором. Главной проблемой данного вида разрешения спора является малая осведомленность граждан и сравнительно небольшое количество медиаторов в населенных пунктах. Поэтому для значительной части граждан нашей страны данный способ разрешения споров практически недоступен.

Исследовав условную подведомственность (обязательное досудебное урегулирование спора) и проблемы, присущие данному институту, законодателю следует обратить внимание на проблему отсутствия единообразия в гражданском и арбитражном судопроизводстве, уточнить круг обязательных действий сторон по разрешению гражданско-правовых споров в досудебном порядке. Также законодателю, на наш взгляд, следует внедрить возможность установления обязательного досудебного урегулирования спора посредством договора, поскольку это позволит сторонам чаще и эффективнее прибегать к таким способам разрешения спора, как переговоры и медиация, уменьшить нагрузку на суды и укрепить принцип свободы договора. Также законодателю следует предпринять меры для осведомления общества о возможности использования различных способов разрешения гражданско-правовых споров.

Литература

1. Гражданский процесс (гражданское процессуальное право) России: учебник / ответственный редактор А. А. Мохов. Москва, 2017. 384 с.
2. Постановление пленума Верховного суда РФ от 22.06.2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388236 (дата обращения: 28.04.2024).

MANDATORY PRE-TRIAL DISPUTE RESOLUTION
PROCEDURE AS A CONDITIONAL TYPE OF JURISDICTION
IN CIVIL PROCEEDINGS

Shirokova Darya Olegovna

1st year master student,
Buryat State University named after Dorji Banzarova
Russian Federation, Ulan-Ude
yungamisan@gmail.com

Rimma Alexandrovna Baldaeva

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor
Buryat State University named after Dorji Banzarova
Russian Federation, Ulan-Ude
brimma72@mail.ru

This article is devoted to the study of the institution of conditional jurisdiction and mandatory pre-trial settlement of civil disputes in courts of general jurisdiction of the Russian Federation and arbitration courts of the Russian Federation. The article establishes the identity of the concepts of “conditional jurisdiction” and “pre-trial settlement of disputes”, identifies and studies the types of mandatory pre-trial settlement of disputes, examines the most common problems and contradictions that exist in modern legislation related to conditional jurisdiction (mandatory pre-trial settlement of disputes). Studying the institution of jurisdiction in general and conditional jurisdiction (mandatory pre-trial dispute resolution) in particular will allow us to find the most effective ways to resolve emerging disputes. By providing the possibility of mandatory peaceful settlement of a dispute, the legislator will reduce the burden on the judiciary, which will subsequently lead to better resolution of disputes by arbitration courts and courts of general jurisdiction.

Keywords: pre-trial procedure, jurisdiction, modern problems, conditional jurisdiction, mandatory pre-trial procedure for resolving disputes, jurisdiction, competence, legal proceedings, civil procedure, court of general jurisdiction, arbitration court, mediation, administrative procedure for resolving disputes.

ТРУДОВОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 343.534

ВРАЧЕБНАЯ ТАЙНА В ПРАВООТНОШЕНИЯХ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

© **Аббасова Карина Агаевна**

студентка 4-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

karina-abbasova24@mail.ru

© **Налетова Марина Михайловна**

старший преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

marina.naletova.68@mail.ru

В статье отмечается значимость института суррогатного материнства как способа реализации репродуктивной функции семьи, а также проанализированы проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с его применением на практике. Особое внимание уделяется вопросам врачебной тайны института суррогатного материнства, а также необходимости разработки четких законодательных норм для защиты прав и интересов всех участников процесса. Кроме того, обсуждается специфика информационного обмена между потенциальными родителями и суррогатной матерью, включая сбор данных о здоровье и медицинской истории течения беременности и др.

Ключевые слова: семья, врачебная тайна, суррогатное материнство, правовая защита, генетические родители, метод лечения бесплодия, информационный обмен, право на медицинскую тайну.

В современном мире суррогатное материнство играет все более значимую роль, поэтому необходимо адаптировать этот институт с точки зрения морали и права в Российской Федерации. Особенно важно изучать, как в процессе суррогатного материнства возможно обеспечить сохранение конфиденциальности медицинских сведений.

Семья является фундаментальной единицей общества, ключевыми задачами которой являются воспроизводство населения, экономическое обеспечение, передача накопленного опыта и знаний. Важнейшую роль в семейных взаимодействиях играет способность пары к воспроизводству.

Однако ухудшение здоровья становится препятствием для осуществления этой функции, и в таких случаях у людей есть альтернатива: возможность использовать метод суррогатного материнства, что дает шанс на рождение ребенка, вынашиваемого чужим для семейной пары челове-

ком, который в то же время будет являться для потенциальных родителей генетически родным.

Введение суррогатного материнства в практику лечения бесплодия приводит к фундаментальным изменениям в традиционных взглядах на личность, происхождение и предназначение человека. Эта новаторская и уникальная сфера правоотношений требует активного развития законодательства и заполнения пробелов, чтобы обеспечить защиту прав и законных интересов всех заинтересованных сторон. С ростом популярности этой услуги также увеличивается число проблем, связанных с правовым регулированием, особенно в отношениях между генетическими родителями и женщиной, вынашивающей для них родного им ребенка.

В России программа суррогатного материнства пользуется спросом, однако этот метод рождения детей вызывает множество споров. Мнения о суррогатном материнстве варьируются, и это касается как правовой стороны вопроса, так и этической. С точки зрения права суррогатное материнство вызывает дискуссии относительно прав и обязанностей сторон, участвующих в этом процессе. Этическая сторона вопроса поднимает моральные дилеммы, связанные с эксплуатацией женщин, коммерциализацией деторождения и влиянием на психологическое состояние суррогатных матерей. Также одни видят в процедуре суррогатного материнства шанс для семей, испытывающих трудности с зачатием, воплотить мечту о родительстве в реальность. В то же время другие критикуют суррогатное материнство за то, что оно, по их мнению, стирает границы между живыми людьми и потребительскими товарами, преобразовывает процесс материнства в коммерческую деятельность [4, с. 153].

Особенности взаимодействия участников института суррогатного материнства обуславливают достижение поставленных целей. Центральное значение имеет взаимная передача друг другу информации между потенциальными родителями и женщиной, берущей на себя роль суррогатной матери. Важно отметить, что данный обмен сведениями означает предоставление какой-либо информации о себе и своем здоровье со стороны суррогатной матери.

Будущие родители собирают различные сведения о суррогатной матери, зачастую руководствуясь своими личными предпочтениям, а также основываются на предписаниях законодательства. Нередко объем запрашиваемой информации выходит за рамки минимальных требований закона, поскольку потенциальные родители хотят максимально подробно изучить состояние здоровья суррогатной матери, в то время как законодательство ограничено абстрактными требованиями предоставления медицинского заключения без конкретизации. Если суррогатная мать отказывается предоставить определенные медицинские сведения, ее кандидатура может быть отклонена. Практика проведения дополнительных медицинских процедур суррогатными матерями широко распространена во всем мире.

На протяжении осуществления программы суррогатного материнства потенциальные родители имеют доступ к личному ознакомлению с информацией о состоянии здоровья суррогатной матери, что должно вклю-

чаться в условия договора о суррогатном материнстве. Это дает им возможность быть осведомленными обо всем, что касается здоровья суррогатной матери. Таким образом, возникает вопрос о юридических аспектах, которые определяют, как и в каком объеме должна предоставляться информация о здоровье суррогатной матери [5, с. 59].

В России действуют определенные законодательные нормы, которые регулируют практику суррогатного материнства. Такими актами являются: Семейный кодекс Российской Федерации (далее — Семейный кодекс РФ, СК РФ), Федеральный закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — ФЗ №323), приказ Министерства здравоохранения России от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (далее — приказ Минздрава № 803н, порядок) и др.

В соответствии со ст. 55 Федерального закона № 323 вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе, с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов), а также суррогатное материнство [2].

Принимая во внимание все вышесказанное, можно сделать вывод, что суррогатное материнство представляет собой один из методов преодоления такой проблемы, как бесплодие, а также обязательное взаимодействие между тремя ключевыми участниками процесса: биологическими родителями, женщиной, согласившейся выносить ребенка, и специалистами из области медицины. В сфере здравоохранения существует концепция конфиденциальности, именуемая «врачебной тайной», которая играет важную роль. Однако в рамках института суррогатного материнства эта концепция становится не совсем ясной, требуется ее конкретизация.

Закон четко определяет, что каждый человек имеет право на сохранение врачебной тайны, ее разглашение строго запрещено. Это право закреплено в п. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Сведения о факте обращения гражданина за медицинской помощью, состоянии его здоровья, диагнозе и другие данные, полученные в ходе обследования и лечения, олицетворяют собой врачебную тайну. Эти сведения нельзя разглашать ни при каких обстоятельствах, даже после смерти человека, что непосредственно указано в законе [6, с. 224].

Согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан», сведения о состоянии здоровья суррогатной матери относятся к категории медицинской тайны. В то же время семейная пара, которая обращается в медицинскую организацию, приобретает статус пациентов и, следовательно, могут претендовать на соблюдение врачебной тайны. Если рассматривать отношения суррогатного материнства через призму расширительного толкования закона, то становится очевидно, что режим со-

блюдения врачебной тайны для всех участников этих отношений индивидуален, направлен лично на него и обособлен от остальных.

По мнению А. М. Магамадовой, такой формальный подход идет вразрез с глубинной сутью суррогатного материнства. В период вынашивания ребенка мать и дитя приобретают особую связь, и различные трансформации оказывают определенное воздействие на обоих. Состояние здоровья матери прямо влияет на ребенка в ее утробе, и наоборот, ухудшение его самочувствия может также повлиять на состояние женщины [5, с. 60].

Таким образом, предполагаемые родители стремятся окружить заботой суррогатную мать и создать оптимальные условия для полноценного развития своего ребенка, включая предоставление необходимой медицинской помощи. А для этого им необходимо обладать информацией о состоянии здоровья суррогатной матери.

Учитывая изложенное, можно заключить, что при осуществлении программы суррогатного материнства сам процесс протекает максимально гладко и удобно для всех участников только тогда, когда между ними происходит постоянное и обоюдное информирование, а также предоставление тех сведений, которые представляют собой врачебную тайну и защищены законодательством.

В ч. 4 ст. 13 Закона об основах охраны здоровья перечислены случаи, когда лица, имеющие доступ к врачебной тайне, могут ее разгласить. Однако поскольку этот список является завершающим и не предполагает иных трактовок, то, невзирая на наличие договорных отношений, отсутствуют легальные основания для передачи генетическим родителям данных об изменениях в состоянии здоровья суррогатной матери.

При этом ч. 3 ст. 13 Закона об основах охраны здоровья разрешает раскрывать врачебную тайну третьим лицам с письменного согласия гражданина или его законного представителя. То есть закон все-таки разрешает генетическим родителям получить доступ к медицинской тайне суррогатной матери, однако это возможно лишь при условии ее согласия. Тем не менее наличие правовых отношений между суррогатной матерью и биологическими родителями само по себе может служить веской причиной для предоставления последним доступа к медицинской тайне.

Суррогатное материнство представляет собой наиболее востребованную методику преодоления проблемы бесплодия, вследствие чего женщина, предоставляющая свои возможности для вынашивания ребенка, выступает в роли связующего звена, а не того, кто непосредственно нуждается в медицинской помощи. В контексте суррогатного материнства именно пара генетических родителей может являться «пациентом», который нуждается в помощи по рождению генетически родного ребенка. В данном случае беременность женщины, выступающей в роли суррогатной матери, выходит за рамки обыденного состояния беременности и становится значимым этапом в процессе лечения бесплодия пары, предоставившей свои генетические материалы. Таким образом, раскрытие врачебной тайны суррогатной матери должно быть контролируемым; обязательным; адекватным [6, с. 225].

В контексте закона «контролируемым» означает предоставление доступа к информации, составляющей врачебную тайну, только строго ограниченному кругу лиц. Перечень лиц строго регламентирован и в него входят только те, кто имеет право знать данные сведения.

«Обязательным», то есть использование такого метода лечения бесплодия, как суррогатное материнство, невозможно без информирования о состоянии здоровья женщины, вынашивающей ребенка, будущих родителей. Это ключевой элемент, обеспечивающий успешное выполнение программы суррогатного материнства и соблюдение прав всех участников процесса.

«Адекватным», то есть ограничиваться рамками, необходимыми для реализации правоотношений. Это означает, что информация раскрывается только в том объеме, который требуется для достижения целей программы суррогатного материнства и защиты интересов всех сторон.

Опираясь на ст. 55 ФЗ № 323 и п. 2 Порядка использования ВРТ, утвержденного приказом Министерства здравоохранения № 803н, можно сделать вывод, что вспомогательные репродуктивные технологии являются эффективными инструментами в борьбе с бесплодием.

Анализируя нормативную базу, мы можем рассматривать лечение как комплекс медицинских процедур, предписываемых врачом. Подобные медицинские манипуляции предназначены для того, чтобы избавить пациента от болезни или хотя бы облегчить ее течение, а также восстановить здоровье, работоспособность и улучшить качество жизни больного.

Пациентом может считаться физическое лицо, которому предоставляется медицинское обслуживание или который обратился за предоставлением медицинских услуг, вне зависимости от того, страдает ли он каким-либо заболеванием и каково его самочувствие.

Мы приходим к выводу, что пациентом считается физическое лицо, которому предоставляется медицинская помощь. Тем не менее суррогатное материнство представляет собой исключительный случай, когда однозначно определить пациента в единственном лице не всегда возможно. Принимая во внимание главную цель суррогатного материнства, можно сказать, что пациентами здесь могут выступать оба родителя, то есть семейная пара.

К несчастью, в законодательстве отсутствует понятие пациента с множественными лицами, поэтому с точки зрения закона пара генетических родителей не может рассматриваться как пациент, что в данной ситуации неверно [6, с. 226].

Мы полагаем, что при процедуре суррогатного материнства оба генетических родителя должны выступать в роли пациента, поскольку они являются непосредственными участниками процесса, направленного на преодоление бесплодия и создание полноценной семьи. Важно понимать, что суррогатное материнство — это не просто медицинская процедура, но и сложный социально-правовой акт, требующий тщательного юридического оформления и соблюдения всех необходимых условий.

Оба генетических родителя имеют право на сохранение врачебной тайны, а также на защиту своих интересов в рамках законодательства. Это

подчеркивает важность их участия в процессе и необходимость признания их статуса как пациентов.

Таким образом, вопрос о врачебной тайне в контексте суррогатного материнства остается неоднозначным. В семейной паре оба родителя, так как они могут являться пациентами, имеют возможность запрашивать информацию о каких-либо изменениях в состоянии здоровья суррогатной матери, которые могут повлиять на развитие плода.

Суррогатная мать, как и все, имеющая прерогативу на врачебную тайну, фактически теряет ее в пользу потенциальных родителей, что обеспечивает полное осуществление их прав на лечение бесплодия через программу суррогатного материнства. Но в результате генетические родители становятся единым субъектом в процессе лечения бесплодия через суррогатное материнство, что размывает понятие медицинской тайны. Важно найти баланс между защитой прав на врачебную тайну и обеспечением обмена информацией, необходимой для здоровья и благополучия всех сторон.

Развитие законодательства и регулирование обмена информацией в сфере суррогатного материнства, неоспоримо, играет значительную роль в обеспечении защиты прав и интересов всех сторон, участвующих в этом процессе, а также способствует достижению прозрачности и открытости в данной сфере.

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982 (дата обращения: 16.05.2024).
2. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895 (дата обращения: 16.05.2024).
3. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 г. № 60457). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365474 (дата обращения: 16.05.2024).
4. Демина И. А. Правовые проблемы суррогатного материнства // Наука. Общество. Государство. 2020. № 2(30). С. 152–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-surrogatnogo-materinstva> (дата обращения: 16.05.2024).
5. Магамадова А. М. Особенности правовой политики врачебной тайны в отношениях суррогатного материнства // Экономика. Право. Общество. 2021. № 3(27). С. 57–64. URL: https://epo.rea.ru/jour?locale=ru_RU (дата обращения: 16.05.2024).
6. Федорова Г. Ю. Врачебная тайна в правоотношениях суррогатного материнства // Молодой ученый. 2017. № 23(157). С. 223–226. URL: <https://moluch.ru/archive/157/44451> (дата обращения: 16.05.2024).

DOCTOR'S CONFIDENTIALITY
IN SURROGACY LEGAL RELATIONS

Abbasova Karina Agaevna

4th year student,

Buryat State University named after Dorji Banzarova

Russian Federation, Ulan-Ude

karina-abbasova24@mail.ru

Naletova Marina Mikhailovna

Senior Lecturer,

Buryat State University named after Dorji Banzarova

Russian Federation, Ulan-Ude

marina.naletova.68@mail.ru

The article notes the importance of the institute of surrogate motherhood as a way to realize the reproductive function of the family, and also analyzes the problems of legal regulation of relations arising in connection with its application in practice. Special attention is paid to the issues of medical secrecy of the institute of surrogacy, as well as the need to develop clear legislative norms to protect the rights and interests of all participants in the process. In addition, the specifics of information exchange between potential parents and a surrogate mother are discussed, including the collection of data on the health and medical history of pregnancy.

Keywords: family; doctor's confidentiality; surrogacy; legal protection; genetic parents; infertility treatment method; information exchange; right to medical confidentiality.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

© **Баертуева Елизавета Анатольевна**

магистрант 2-го курса,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
morganashadom@mail.ru

© **Мурзина Елена Александровна**

кандидат юридических наук, доцент,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, г. Улан-Удэ
elena.murzina.57@mail.ru

Статья посвящена вопросам правового регулирования персональных данных в трудовых отношениях. В статье предпринят анализ действующего трудового и иного законодательства Российской Федерации, регламентирующего данные правоотношения участников трудового процесса. Автор отмечает, что недостаточная регламентация в законодательстве перечня информации, необходимой для трудоустройства, и недостаточная регламентация юридической ответственности позволяют уходить от ответственности многим работодателям. В статье автор указывает, что основные проблемы работы с персональными данными связаны с их сбором и обработкой. Несмотря на то, что правовое регулирование персональных данных работников урегулировано, однако существуют, по мнению автора, определенные пробелы, которые требуют совершенствования. Сделан вывод о том, что персональные данные соискателей остаются за рамками правового регулирования трудового законодательства. Представляется необходимым урегулировать в Трудовом кодексе Российской Федерации вопросы обработки персональных данных соискателей.

Ключевые слова: трудовые отношения, информационная безопасность, защита данных, персональные данные, персональные данные работников, персональные данные соискателей, защита персональных данных работников, трудоустройство, использование персональных данных работников, согласие работника на обработку персональных данных.

В связи с активным развитием цифровых технологий и все большим количеством информации, обрабатываемой в электронном виде, проблемы безопасности персональных данных становятся актуальными. Согласно данным отчета экспертно-аналитического центра InfoWatch «Россия: утечки информации ограниченного доступа, 2022–2023 гг.», в 2023 г. произошел резкий рост количества утекших персональных данных — их объем составил 1,12 млрд записей, что почти на 60% выше уровня 2022 г. (тогда было скомпрометировано 702 млн записей). Причем истинный масштаб ущерба может быть существенно недооценен, поскольку более чем в 35% прошлых годов утечек персональных данных объем украденных данных остался неизвестен. Если говорить о количестве инцидентов, то в 2023 г. оно сократилось на 15% и составило 656 эпизодов [5].

В трудовом праве остро стоит вопрос защиты персональных данных работников. Защита персональных данных работника обеспечивается главой 14 Трудового кодекса РФ¹ (далее — ТК РФ) и Федеральным законом «О персональных данных»².

В ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» уточняется, что под персональными данными понимается информация, напрямую или косвенно ассоциируемая с конкретным человеком, который является субъектом этих данных. К такой информации могут относиться фамилия, имя, отчество, адрес проживания, дата и место рождения, паспортные данные, номер телефона, семейный статус, религиозные и политические взгляды, доходы и другие аналогичные сведения.

Важно отметить, что персональные данные делятся на два типа: номинативные и иные. Номинативные данные представляют собой информацию, которая позволяет однозначно идентифицировать конкретное лицо. К этой категории относятся биометрические данные, такие как отпечатки пальцев или скан сетчатки глаза, которые уникальны для каждого человека и могут использоваться для точной идентификации.

К иной информации относятся данные о доходах, месте работы, политических убеждениях, медицинских записях, наличии судимости и подобные сведения. Эти данные, хотя и могут содержать информацию о личности, не всегда позволяют однозначно идентифицировать субъекта персональных данных.

Современное российское законодательство постоянно расширяет перечень сведений, которые могут быть признаны персональными данными. Важным критерием здесь является возможность идентификации лица по предоставленной информации.

Институт персональных данных продолжает развиваться в России, и современное законодательство подвергается реформам, особенно в связи с развитием информационных технологий. Эти реформы включают в себя добавление сетевых идентификаторов, таких как пароли, пользовательские имена и другие, в понятие персональных данных. Таким образом, законодательство широко подходит к определению персональных данных, учитывая разнообразие информации, которая может быть связана с личностью человека [2, с. 25].

Также при приеме на работу часто работодатель требует предоставить персональные данные в большем объеме, чем это необходимо для осуществления трудовых обязанностей. Так, работодатели часто пытаются узнать, если ли маленькие дети у будущего работника, есть ли бабушки и дедушки на случай того, если ребенок заболит и его необходимо будет с кем-то оставить. Работодатели не хотят, чтобы новый сотрудник уходил на больничные. Также есть случаи, когда работодатели интересуются такими личными данными работника, как наличие ипотеки, кредитов с той

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

² Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

целью, чтобы иметь возможность понять, можно ли установить работнику зарплату меньше планируемой, а также для того чтобы понять, будет ли такой работник «держаться» за работу.

Работодатели при приеме на работу на должности без вредных условий работы часто незаконно запрашивают у сотрудника медицинские справки с более полным перечнем информации о здоровье. Так, работодатели не хотят брать на работу сотрудника, который будет слабым и утомляемым.

Стоит отметить, что работодатель обязан ознакомить работника с уровнем защиты и условиями обеспечения информационной безопасности его персональных данных, но это на практике не делается. Между тем часто анкеты просят заполнить заранее на сайте организации. На сайте просят загрузить даже фото, хотя работник должен иметь право отказаться от этого. При этом часто стоит условие заполнения всех полей анкеты. Незаполнение хотя бы одного поля приведет к невозможности ее отправки. Стоит заметить, что при любом сбое в системе безопасности все заполненные и отправленные данные по сети Интернет будут в открытом доступе [4, с. 135].

Недостаточная регламентация в законодательстве перечня информации, необходимой для трудоустройства, и недостаточная регламентация юридической ответственности позволяют уходить от ответственности многим работодателям [6, с. 183].

Работодатель в целях обеспечения своей информационной безопасности должен принять меры для установления контроля за сохранностью информации и ее обращением. С организационной точки зрения необходимо ввести четкие ограничения, регламентирующие временной, пространственный и режимный доступ к информации. С технической стороны следует задействовать соответствующие программные и технические средства защиты. Также необходимо установить и соблюдать правовые меры, которые урегулируют взаимоотношения между работодателем и сотрудниками в аспектах конфиденциальности. Без этого работники, имеющие доступ к персональным данным, не будут иметь юридической обязанности предотвращать утечку или порчу данных. Обязанность за свой счет осуществлять защиту персональных данных работников от неправомерного их использования или утраты возложена на работодателя п. 6 ст. 86 ТК РФ.

Трудовое законодательство формулирует только один дисциплинарный проступок, совершенный в связи с нарушением правил обращения с информацией ограниченного доступа, — разглашение охраняемой законом тайны или персональных данных другого работника, но относит его к грубым и позволяет работодателю применить за его совершение к работнику такую меру дисциплинарной ответственности, как увольнение (подп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ) [3, с. 223].

Одна из основных проблем работы с персональными данными связана с их сбором и обработкой. Предприятия и организации, собирающие персональную информацию о своих сотрудниках, должны обеспечить ее безопасность и конфиденциальность. Для этого необходимо принять ряд

технических и организационных мер, соблюдение которых обязательно и контролируется государственными органами.

Одной из главных технических проблем сбора и обработки персональной информации является уязвимость компьютерных систем, в которых хранятся эти данные. Злоумышленники могут получить несанкционированный доступ к системам и похитить персональные данные, что может привести к значимым последствиям для граждан. Для защиты от таких атак необходимо использовать современные механизмы защиты информации, такие как фаерволы, антивирусы, шифрование данных и т. д.

Однако даже при использовании всех современных средств защиты возможность несанкционированного доступа к персональным данным не полностью исключена. Поэтому большое внимание следует уделять организационным аспектам работы с персональной информацией. Сотрудники, имеющие доступ к персональным данным, должны быть осведомлены о необходимости и способах их защиты.

Законодательство Российской Федерации определяет ряд требований к организационным мерам защиты информации. В частности, предприятиям и организациям необходимо разработать и утвердить политику обработки персональных данных, проводить регулярные проверки эффективности мер защиты, а также уведомлять граждан о сборе и обработке их персональных данных.

Работа с персональными данными в Российской Федерации является актуальной проблемой, требующей обеспечения безопасности и конфиденциальности информации. Для этого необходимо применять современные технические средства защиты, а также разрабатывать и осуществлять организационные меры безопасности. Соблюдение требований законодательства в данной области является обязательным.

Для минимизации рисков и угроз безопасности данных необходимо реализовывать меры безопасности, предусмотренные законодательством. На первом этапе необходимо провести анализ и оценку уязвимостей информационной системы. Это позволит выявить слабые места в системе и принять необходимые меры для повышения уровня защиты. Затем следует разработать и внедрить политику безопасности, которая будет включать в себя правила и процедуры обработки и защиты персональных данных.

Одним из основных способов минимизации рисков является обеспечение уровня защиты, соответствующего категории важности персональных данных. Государственные органы и организации, обрабатывающие особо крупные и конфиденциальные персональные данные, должны использовать высокотехнологичные системы защиты, такие как многофакторная аутентификация, шифрование данных и защита от внешних атак [1, с. 167].

Для обеспечения безопасности данных и соблюдения конфиденциальности компании следует принять комплексные меры организационного, технического и правового характера. Важно регулярно проводить тренинги для персонала, на которых сотрудники могут ознакомиться с политикой и процедурой безопасности. В результате это повысит их осведомленность и ответственность за обработку персональных данных.

Организационные проблемы связаны с недостаточным уровнем организации обработки персональных данных в организациях и на предприятиях, которые не располагают для этого финансовыми средствами.

Защита персональных данных в России обеспечивается рядом технических и организационных мер. Хотя Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает общие технические требования к безопасности данных, их эффективность сильно зависит от грамотно организованной системы их исполнения. Активная работа в этом направлении необходима для обеспечения надежного уровня защиты данных.

ТК РФ регулирует защиту данных только работников, однако организации собирают информацию и о соискателях: их персональные данные, резюме, результаты проведения собеседования, заключение психологического тестирования и так далее. Также п. 4 ст. 86 ТК РФ закрепляет необходимость получения согласия работника на обработку их персональных данных, но не соискателей. Следовательно, персональные данные соискателей остаются за рамками правового регулирования трудового законодательства. Представляется необходимым урегулировать в ТК РФ вопросы обработки персональных данных соискателей.

Также стоит обратить внимание на то, что зачастую граждане дают согласие на обработку их персональных данных, не осознавая последствий. Это свидетельствует о правовой неграмотности населения в области обработки персональных данных. Для решения данной проблемы нужно повысить заинтересованность граждан в защите их же данных, повысить правовую грамотность населения.

Литература

1. Бабина Д. А. Актуальные проблемы работы с персональными данными в Российской Федерации // *Инновационная наука*. 2024. № 3–2. С. 165–169.
2. Балдынова А. Персональные данные // *Административное право*. 2020. № 4. С. 23–27.
3. Пугачева Н. В. Обеспечение права работодателя на защиту информации: проблемы правового регулирования // *Ежегодник трудового права*. 2024. № 14. С. 219–230.
4. Трошина С. М., Павловская А. В. Проблемы совершенствования мер защиты персональных данных // *Вестник Томского государственного университета. Сер. Право*. 2017. № 23. С. 131–143.
5. Утечки данных в России. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 20.04.2024).
6. Янбаев С. Г., Ларинбаева И. И. Меры защиты и ограничения при получении доступа к информации и к персональным данным в Российской Федерации // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 2–3(89). С. 181–185.

PERSONAL DATA IN EMPLOYMENT RELATIONS

Elizabeth Baertueva Anatolievna

2nd year master student,
Buryat State University named after Dorji Banzarova
Russian Federation, Ulan-Ude
morganashadom@mail.ru

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate
Buryat State University named after Dorji Banzarova
Russian Federation, Ulan-Ude
elena.murzina.57@mail.ru

The article is devoted to the issues of legal regulation of personal data in labor relations. The article undertakes an analysis of the current labor and other legislation of the Russian Federation regulating these legal relations of participants in the labor process. The author notes that insufficient regulation in legislation of the list of information necessary for employment and insufficient regulation of legal liability allow many employers to evade responsibility. In the article, the author points out that the main problems of working with personal data are related to their collection and processing. Despite the fact that the legal regulation of personal data of employees has been regulated, there are, in the author's opinion, certain gaps that require improvement. It is concluded that the personal data of applicants remains outside the scope of legal regulation of labor legislation. It seems necessary to regulate the processing of personal data of applicants in the Labor Code of the Russian Federation.

Keywords: labor relations, information security, data protection, personal data, personal data of employees, personal data of applicants, protection of personal data of employees, employment, use of personal data of employees, employee consent to the processing of personal data.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ТРЕНЕРОВ

© Балдаев Дмитрий Иванович

студент 3-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

baldaev.d@mail.ru

В данной статье рассматриваются особенности регулирования труда тренеров по российскому трудовому законодательству. Дается краткая оценка существующим положениям в законе, а именно некоторым условиям заключения и расторжения трудового договора. Автор вносит предложения, стимулирующие более ответственное отношение тренеров к работе путем внесения некоторых дополнений в Трудовой кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовое законодательство, тренер, профессиональный спорт, договор, права и обязанности.

Работа тренера заключается в руководстве и проведении учебно-тренировочных процессов, это является его основной функцией в трудовой деятельности [3, с. 291]. Цель, которая стоит перед ним, – это подготовка и выполнение тренировочного процесса спортсменами, чтобы те, в свою очередь, добивались качественных результатов на соревнованиях. Но, как и всем, чтобы приступить к своей деятельности, будущим тренерам необходимо заключить трудовой договор с работодателем.

Регулирование трудовых отношений в профессиональном спорте осуществляется главой 54.1 Трудового кодекса Российской Федерации¹ (далее по тексту — ТК РФ) «Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров», которая была введена Федеральным законом от 28 февраля 2008 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»². Для того чтобы тренер мог приступить к своим обязанностям, между ним и работодателем заключается либо срочный трудовой договор, либо договор на неопределенный срок (ст. 348.2 ТК РФ). Также законодатель дает разъяснение, в каких случаях контракт, может быть расторгнут, а именно по собственному желанию, предупредив об этом не позднее, чем за один месяц, за исключением, когда трудовой договор заключен на срок не более четырех месяцев (ст. 348.12 ТК РФ). Также в данной статье говорится о том, что если нормами, которые утверждены спортивными федерациями, установлены ограничения пере-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 2001 г. № 2563. 1 дек.

² Федеральный закон от 28 февраля 2008 г. № 13-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 9. Ст. 812. 3 марта.

хода в другие спортивные клубы, тренеры должны предупреждать в срок, превышающий один месяц. Помимо этого есть дополнительные основания расторжения договора, когда тренером нарушены общероссийские антидопинговые правила и антидопинговые правила, утвержденные международными антидопинговыми организациями (ст. 348.11-1 ТК РФ).

В трудовой договор между работодателем и тренером должны быть включены следующие обязательные условия: обязанность тренера соблюдать общероссийские антидопинговые правила и антидопинговые правила, утвержденные международными антидопинговыми организациями, принимать меры по предупреждению нарушения указанных антидопинговых правил спортсменом; использовать в рабочее время спортивную экипировку, соблюдать положения о спортивных соревнованиях в той части, которая непосредственно к ним относится; предупреждать о расторжении договора по их инициативе (по собственному желанию) в установленный договором срок; работодатель обязан обеспечить проведение тренировочных мероприятий. Дополнительно могут быть включены условия, не ухудшающие положение работника по сравнению с установленным трудовым законодательством [1, с. 101–103].

Помимо этого Трудовой кодекс Российской Федерации содержит в себе положения о дополнительных компенсациях и гарантиях, указанные в ст. 348.10 ТК РФ. Так, работодатель должен предоставлять ежегодный оплачиваемый отпуск; за счет собственных средств обеспечить тренеров спортивной экипировкой, оборудованием, инвентарем и другими материально-техническими средствами, а также поддерживать в состоянии, пригодном для использования [1, с. 99].

Еще одной из особенностей является направление тренеров в спортивные сборные команды Российской Федерации. Так, в ст. 348.6 ТК РФ говорится, что по вызовам спортивных федераций работодатель обязан направить тренеров в спортивные сборные с их письменного согласия, с сохранением места работы и среднего заработка.

Проанализировав данные положения, можно сделать вывод о том, что законодатель отнесся к регулированию отношений в сфере труда тренеров очень внимательно, стараясь не вводить положения, которые могли навредить или ограничить в своих правах, но также не забывая про императивные нормы, не позволяющие выходить за рамки действующих положений трудового закона. Однако некоторые моменты законодатель упустил. Ранее мы упоминали, что не только спортсмены должны проходить обязательное медицинское обследование перед заключением контракта – не реже раза в год, но и тренеры тоже. Это связано с тем, что плохая физическая подготовка мешает вести полноценный учебно-тренировочный процесс, а также подает плохой пример самим спортсменам. В дополнение к этому добавить в ст. 348.10 ТК РФ положение о гарантии заработной платы не менее пяти минимальных размеров оплаты труда. Данное условие послужит стимулом для ответственной работы, привлечет более квалифицированных тренеров, а также позволит избежать коррупционные составляющие, которые нередко распространены в российском профессиональном спорте [2, с. 268].

Характер труда тренеров в сфере спорта определяется, в частности, повышенными физическими и психологическими нагрузками, испытываемыми работниками¹, а также такими специфическими признаками, как необходимость личного участия в тренировочном процессе и в связи с этим риск получения различных травм и иного причинения вреда здоровью, считаем, что необходимо предусмотреть подп. 1 п. 5 ст. 348.10 «Дополнительные гарантии и компенсации спортсменам, тренерам» коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовыми договорами, условия о дополнительных гарантиях не только для спортсменов, но и для тренеров. Таким образом, изложить данный подпункт в следующей редакции: «о проведении восстановительных мероприятий в целях улучшения здоровья спортсмена и тренера».

Литература

1. Приказ Федеральной службы по труду и занятости от 11 ноября 2022 г. № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства».
2. Балдаев Д. И. Тенденции и возможности совершенствования российского законодательства в сфере регулирования труда спортсменов и тренеров // Парадигма права на современном этапе развития общества: от теории к практике: сборник статей: в 4 томах / под общей редакцией А. В. Сладковой. Москва: Изд-во Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. Т. 2. С. 266–268.
3. Соломченко М. А., Прохоров Р. А. Содержание деятельности тренера и основные принципы работы со спортсменами // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 5(68). С. 291–294.

ON SOME ISSUES OF REGULATING THE WORK OF TRAINERS

Baldaev Dmitry Ivanovich

3rd year student,

Buryat State University named after Dorji Banzarova

Russian Federation, Ulan-Ude

baldaev.d@mail.ru

This article discusses the specifics of regulating the work of trainers according to Russian labor legislation. A brief assessment is given of the existing provisions in the law, namely, some conditions for concluding and terminating an employment contract. The author makes proposals to stimulate a more responsible attitude of trainers to work by making some additions to the Labor Code of the Russian Federation

Keywords: labor legislation, coach, professional sports, contract, rights and obligations.

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 8 июля 2015 г.).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РЕБЕНКА ЖИТЬ И ВОСПИТЫВАТЬСЯ В СЕМЬЕ

© Вологодина Кристина Владимировна

преподаватель,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

vologdinakv@mail.ru

В статье рассматриваются и анализируются некоторые проблемы реализации права ребенка жить и воспитываться в семье. К цели статьи относятся анализ и нахождение путей решения рассмотренных проблем. Методом исследования является анализ и синтез. Проведенный анализ действующего законодательства и научной литературы показывает, что право родителей на воспитание детей в семье занимает одно из главенствующих мест среди остальных личных прав несовершеннолетних детей, являясь при этом их обязанностью. Автор приходит к выводу, что в действующем российском законодательстве наблюдается четкость и ясность прописанных правовых норм и механизм их реализации, но на практике возникают проблемы. Мы согласны с мнением о приоритетности семейного воспитания и личного участия родителей в воспитании детей. В качестве путей решения отмечается необходимость пропаганды укрепления института брака и семьи как одного из главных элементов института гражданского общества и общечеловеческих ценностей на разных уровнях.

Ключевые слова: дети, ребенок, семья, воспитание, жизнь, родители, личные неимущественные права, Семейный кодекс, право, законные интересы.

Несовершеннолетние и малолетние дети имеют право на воспитание и проживание в семье для разностороннего и гармоничного развития, становления как личности, формирования физических, психологических, духовно-нравственных и профессиональных качеств. Право родителей воспитывать детей в семье занимает главенствующее место среди остальных личных прав детей, являясь при этом их обязанностью.

Законные интересы и защита прав детей регулируются на законодательном уровне: Конвенцией [6], Конституцией России [7], кодексами [2, 5, 22, 28], федеральными законами [11–14] и другое.

Анализируя российское семейное законодательство, выделим п. 2 ст. 54 СК РФ и п. 1. ст. 63 СК РФ. Законодатель защищает права и интересы ребенка, предоставляя ему от рождения право жить и воспитываться в семье, право получать образование. Кроме этого, указывая на то, что именно родителям предпочтительнее заниматься воспитанием своих детей, что в их непосредственные обязанности входит развитие физически, психически здорового и гармоничного ребенка [22].

За ненадлежащее исполнение своих обязанностей родителями по воспитанию детей существует уголовная (ст. 156 УК РФ) [28] и административная (ст. 5.35 КоАП) [5] ответственность.

А. Х. Ульбашев отмечает, что «право-обязанности» родителей не носят абстрактно-рекомендательный характер. Ненадлежащее осуществление родителями «право-обязанностей» ведет к применению санкции со стороны государства, что также закреплено в ст. 69 СК РФ. В постановление пленума ВС РФ № 44 (п. 16) [17] отражено, что отсутствие заботы о здоровье, лечения, благоприятных условий развития всесторонней, гармоничной личности и обучения детей может выражаться как уклонение родителей от выполнения обязанностей по их воспитанию [27, с. 137].

Факт того, что семейное воспитание детей приоритетно, ни у кого не вызывает сомнений. Среди ученых в области семейного права эта гипотеза не только актуальна и распространена, но и научно доказана. А. М. Нечаева отмечает, что семья – это ячейка общества, среда, условия для развития всех членов семьи, а также то, что желательно не разлучать детей с их родителями [26, с. 130]. О. С. Ростова пишет о важности института семьи и об актуальности проблемы, что не каждый ребенок может воспитываться в семье [20, с. 20]. М. И. Андросова, А. В. Кугдарова также говорят о приоритетности семейного воспитания. Они считают, что в семье, как в социальном институте, граждане не только проживают вместе, но и поддерживают друг друга в разных жизненных аспектах. Семья формирует характер, основополагающие принципы личности, необходимые для самостоятельной жизни в будущем [8, с. 71].

С. К. Жилиева, Ю. С. Рудакова убеждены, что семейное воспитание способствует правильному нравственному и физическому становлению личности. Право ребенка жить и воспитываться в семье состоит из: а) жить в семье и б) воспитываться в семье. Они взаимосвязаны [4, с. 36]. Е. А. Чефранова говорит, что право ребенка на семейное воспитание – это юридическая гарантия развития его как личности, в том числе именно через общение с близкими родственниками [23, с. 169]. С. В. Доржиева полагает, что существует необходимость личного воспитания детей родителями без передачи их иным лицам или в организации [3, с. 256, с. 263–264]. Исходя из сказанного ученые А. В. Андросова, С. В. Доржиева, С. К. Жилиева, М. И. Кугдарова, А. М. Нечаева, Ю. С. Рудакова, О. С. Ростова, Е. А. Чефранова пишут о важности и приоритетности именно семейного воспитания.

Права ребенка можно разделить на личные неимущественные и имущественные. Личные неимущественные права детей являются урегулированными законодательными нормами права детей по поводу нематериальных благ [24, с. 256–257]. Право ребенка жить и воспитываться в семье относится к личным неимущественным правам. Они возникают с рождения ребенка и не имеют имущественного, материального содержания. Их перечень остается открытым. Б. М. Гонгало с соавторами в своей работе дает свое представление о личных неимущественных правах ребенка [25, с. 169].

Рассмотрим некоторые из существующих проблем. Дети – это категория граждан, напрямую зависящие от родителей во многих жизненных сферах, в частности, и при реализации прав на проживание и воспитание в семье. Эти права даны им при рождении, законодательно гарантированы

и подлежат реализации, но на практике возникают противоречия и проблемы. При этом, несмотря на неоспоримость приоритета семейного воспитания родителями своих детей, на практике возникают ситуации, когда ребенок остается без обоих родителей ввиду отказа последних от осуществления обязанности по воспитанию ребенка, предоставления ему необходимой заботы и внимания. В таких случаях государство заинтересовано в сохранении у ребенка родственных связей из-за утраты родительского попечения, преемственности именно кровных связей. Однако нередко встречаются случаи отказа близким родственникам в опеке. В частности, из-за наличия у них судимостей за преступления, которые относятся к тяжким и особо тяжким, а также к преступлениям против половой неприкосновенности.

Рассмотрим обратную ситуацию: В. И. Самсонова повторно обратилась с иском, но уже в Конституционный Суд. Ранее ей было отказано в назначении опекуном над внуками, поскольку у нее имелась погашенная судимость за преступление против жизни и здоровья по УК РСФСР РФ [29]. Согласно УК РФ, это преступление по категории относят к тяжким и особо тяжким. Если подробнее, то в 2013 г. гражданка В. И. Самсонова, у которой имелись погашенные судимости по ст. 110 и ч. 1 ст. 108 УК РСФСР, обратилась о назначении ее опекуном несовершеннолетних внуков. Дети остались без попечения родителей. Зиминским городским судом истцу было отказано с ссылкой на абз. 3 п. 1 ст. 146 СК РФ [15].

В данном случае решение судом вынесено законно, согласно п. 1 ст. 146 СК РФ, хотя с морально-нравственной позиции хотелось бы, чтобы дети оставались с родной бабушкой, но из-за наличия рецидива и тяжести преступлений в конкретном случае государство защищает интересы детей.

Встречаются случаи, когда право жить и воспитываться в семье не реализуется, несмотря на то, что родители(-ь) живы. Так, в 2021 г. (г. Москва) младенца в возрасте двух месяцев оставила мать на крыльце детского дома [9]. На практике распространены ситуации, когда родитель уклоняется от воспитания ребенка или детей из-за различных причин. Частой причиной является прекращение брака. Например, истец (отец ребенка) обратился с иском в суд к ответчику (мать ребенка, бывшая супруга) об уклонении матери от воспитания своей дочери. Суд проанализировал материалы дела и выявил, что с мая 2013 г. отец воспитывает дочь (2012 г.р.) один. Мать девочки уклонялась от выполнения обязанностей. Она не интересовалась здоровьем, жизнью, учебной работой ребенка. Материально не обеспечивала. Истец просил суд взыскать с матери алименты (1/4 части заработка) и лишить ее родительских прав. Требования судом были удовлетворены [10].

Многочисленны случаи, когда воспитанием детей занимаются не родители ребенка, а иные члены семьи (бабушка, дедушка, тетя, дядя и другие). Так, Судебной коллегией было решено удовлетворить требования о лишении отца А. родительских прав в отношении сына С. Было выявлено, что у ребенка диагностирована бронхиальная астма. Он нуждается в постоянном стационарном лечении и профилактическом уходе, а также

внимании со стороны взрослых. С 2006 г. мальчик проживал с бабушкой и бабушкой. Они непосредственно занимались его материальным содержанием, лечением и воспитанием. Мать С. умерла. Отец с ребенком не проживал, материально не помогал, в воспитании и жизни никакого участия не принимал [16].

Кроме этого, нередки ситуации уклонения родителей от своих обязанностей, связанные с отсутствием заботы и создания благоприятных условий, физического, психического и нравственного развития, обучения, подготовки к практической, плодотворной деятельности своих детей.

Так, Сосногорский городской суд рассмотрел иск коллегиального органа (сокращенно – КДН и ЗП) о лишении родительских прав матери в отношении дочери. Основанием лишения родительских прав явилось то, что девочка отставала в физическом, психическом и речевом развитии. В связи с этим она признана необучаемой. Из материалов дела судом было выявлено, что с 2004 г. ребенку была установлена инвалидность. При этом мать необходимого ухода за дочерью не осуществляла. Она не занималась всесторонним развитием и воспитанием, не следила за здоровьем, не покупала игрушки и не обучала девочку. Материально дочь не содержала. Зафиксировано, что в квартире А., где они проживали с дочерью, часто отсутствовали продукты питания. Мать девочки имела алкогольную зависимость [30].

Кроме лишения родительских прав существует и такая уголовно-правовая мера наказания, как лишение свободы. Рассмотрим один из таких случаев подробно. Приговором Свердловского районного суда г. Перми № 1-166/2018, мать Р. В. Нелюбина признана судом виновной по ст. 156 УК РФ., которая предусматривает лишение свободы. Было выявлено, что мальчик постоянно находился в плохих гигиенических условиях: она его не мыла, он постоянно был в грязной одежде, не имел собственной кровати для сна, спал на диване с матерью. Р. В. Нелюбина умышленно не кормила сына, он часто был голодный. Она не покупала ему ни одежды, ни игрушек. Мальчик отставал в психическом и речевом развитии. Мать продолжительное время находилась без работы, а денежное социальное пособие тратилось на покупку алкогольной продукции. Ребенок не получал должного медицинского наблюдения и лечения. В алкогольном опьянении женщина могла оставить сына без присмотра. Более того, она имела умысел – вовлечение сына в употребление пива, мальчик соглашался пить его. Мать проявляла крайнюю степень грубости и жестокости, испытывала неприязнь к ребенку. В связи с этим, когда мальчик плакал или капризничал, ее реакцией на это было безразличие и равнодушие. Она систематически сильно избивала сына, причиняя физическую боль и страдания. Более того, мать нанесла ребенку психическую травму [18].

По верному определению К. С. Саринной, которая пишет о том, что родитель свободен в выборе способов, методов и средств воспитания, но при этом он не в праве причинять физический и психический вред здоровью и нравственному развитию малолетнего и (или) несовершеннолетнего ребенка. Исключается грубость, жестокость, оскорбления, унижения,

пренебрежение, эксплуатационные действия по отношению к ребенку [21, с. 81; 24, с. 259–260].

В Республике Бурятия (г. Улан-Удэ) в 2018 г. мать оставила 5-х детей одних дома на неделю. Жила семья на пенсию по потере кормильца [1]. В г. Москве произошел случай оставления матерью 9-летнего ребенка одного дома в запертой квартире на 5 дней [19]. В середине мая 2024 г. в Республике Бурятия (г. Улан-Удэ) мать оставила 5-летнего сына одного дома. Впоследствии мальчик выпал с 4 этажа многоэтажного дома, открыв окно. Ребенок остался жив, попав в реанимацию в критическом состоянии, но после был переведен в отделение травматологии и ортопедии [32]. В вышеуказанных случаях, несмотря на уклонение родителя (-ей) от своих обязанностей, дети остались живы.

Нередки случаи, когда родители якобы исполняют свои обязанности, хотя на деле это халатное отношение и ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, что приводит к смерти ребенка. Так, в апреле 2024 г. в Республике Бурятия (Мухоршибирский район) от передозировки парацетамола, который давали ему родители при лечении ОРВИ, умер ребенок (2021 г.р.), у него разрушилась печень [31]. В марте 2023 г. в г. Сочи умер месячный младенец от голода, истощения, обливания водой по вине родителей, практикующих сыроедение и праноедение. Младенец потерял в весе до 1600 грамм, заболел первичной кахексией, двухсторонней бронхопневмонией, начались хрипы и судороги [33]. О. Миронову (мать) приговорили к 2 годам исправительных работ. В апреле 2024 г. М. Лютого (отец ребенка) на основании ст. 156 и ч. 4 ст. 111 УК РФ приговорили к 8 годам и штрафу 100 000 рублей.

Мы приходим к выводу о том, что, несмотря на четкость правового регулирования, при практической реализации правовых норм неизбежно возникновение проблем, то есть при анализе действующего законодательства четко прописаны правовые нормы и механизм их реализации, но на практике возникают проблемы. Мы солидарны с мнением большинства специалистов в области защиты прав и законных интересов детей о приоритетности семейного воспитания и личного участия родителя в воспитании своих детей без передачи третьим лицам и воспитательным учреждениям. В качестве путей решения некоторых проблем необходимо указать на важность наибольшей пропаганды укрепления института брака и семьи как одного из главных элементов института гражданского общества и общечеловеческих ценностей на разных уровнях (российским государством, органами исполнительной власти, специалистами и психологами и другими заинтересованными лицами).

Литература

1. В Улан-Удэ женщина оставила пятерых детей одних дома на неделю. URL: https://thewikihow.com/video_8ok18vAKAP4 (дата обращения: 14.04.2024).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // Российская газета. 1994. № 238–239.

3. Доржиева С. В. Личное воспитание ребенка родителями в свете совершенствования семейного законодательства // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 256–264.
4. Жилыева С. К. Правовая характеристика личных неимущественных прав детей и проблемы их реализации // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2018. № 3. С. 35–39.
5. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024 г.) // Российская газета. 2001. № 256.
6. Конвенция о правах ребенка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20.11.1989 г. // Ведомостях Съезда народных депутатов СССР и Верховного совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.
7. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12.12.1993 г. (с поправками от 04.03.2020 г.) // Российская газета. 1993. № 237.
8. Кугдарова А. В. Актуальные проблемы семейного воспитания // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 26. С. 71–74.
9. Мать оставила 2-месячного ребенка на крыльце детдома в Москве. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/796488-2-mesiachnogo-rebenka-podkinulina-kryltso-detdoma-v-moskve> (дата обращения: 18.05.2024).
10. Мать, уклоняющаяся от воспитания ребенка, лишена родительских прав. URL: http://kudimkarsky.perm.sudrf.ru/modules.php?name=press_der&op=1&did=992 (дата обращения: 18.05.2024).
11. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы Гарант.
12. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы Гарант.
13. Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
14. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
15. Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2014 г. № 997-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Самсоновой Валентины Ивановны на нарушение ее конституционных прав абз. 3 п. 1 ст. 146 Семейного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы Гарант.
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.06.2012 г. № 38-КГ12-1. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.
17. Постановление пленума Верховного суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении

или лишения родительских прав». Доступ из справ.-правовой системы Гарант.

18. Приговор Свердловского районного суда г. Перми № 1-166/2018 от 15.06.2018 г. по делу № 1-166/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6cdv8dX0Ag6T> (дата обращения: 18.05.2024).

19. Ребенок пять дней провел один в запертой столичной квартире. URL: https://www.m24.ru/news/proisshestiya/23112020/142498?utm_source=CoryBuf (дата обращения: 07.04.2024).

20. Ростова О. С. Семейное воспитание несовершеннолетних – приоритетное направление государственно-правовой политики Российской Федерации // Правовая информатика. 2016. № 3. С. 20–25.

21. Сарина К. С. Проблемные аспекты защиты субъективных семейных прав несовершеннолетними участниками семейных правоотношений // Sciences of Europe [Global Science Center LP (Прага)]. 2016. № 6–3(6). С. 80–82.

22. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07. 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

23. Семейное право: учебник для вузов / Е. А. Чефранова [и др.]; под редакцией Е. А. Чефрановой. Москва: Юрайт, 2023. 354 с.

24. Семейное право: учебник / Н. А. Аблятипова, Ф. М. Аминова, Г. Г. Бодурова [и др.]; под редакцией С. Н. Тагаевой. Москва: ИНФРА-М, 2021. 501 с.

25. Семейное право: учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др.; под редакцией П. В. Крашенинникова. Москва: Статут, 2019. 312 с.

26. Семейное право Российской Федерации: учебник для вузов / А. М. Нечаева. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 251 с.

27. Семейное право: учебник для вузов / А. Х. Ульбашев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 208 с.

28. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

29. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. – утратил силу.

30. Уклонение от воспитания детей – одно из оснований для лишения родительских прав. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=24913209 (дата обращения: 18.05.2024).

31. Умер 2-летний мальчик, которого родители лечили парацетамолом. URL: <https://www.parents.ru/article/umer-2-letnii-malchik-kotorogo-roditeli-lechili-paraacetamolom-pediatr-obyasnil-kak-etogo-izbezhat> (дата обращения: 17.05.2024).

32. Улан-удэнские врачи стабилизировали состояние ребенка, выпавшего из окна многоэтажки URL: <https://bgtrk.ru/news/incidents/249458> (дата обращения: 22.05.2024).

33. Учил есть прану и называл остальных «нежитью». Грудной сын блогера-сыроеда умер от истощения: врач развел руками. URL: <https://mskl.ru/text/criminal/2023/03/15/72135014> (дата обращения: 17.05.2024).

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CHILD'S RIGHT
TO LIVE AND BE BROUGHT UP IN A FAMILY

Vologdina Kristina Vladimirovna

Lecturer

Buryat State University named after Dorji Banzarova

Russian Federation, Ulan-Ude

vologdinakv@mail.ru

The article discusses and analyzes some of the problems of realizing the right of a child to live and be raised in a family. The purpose of the article is to analyze and find ways to solve the problems considered. Analysis and synthesis are considered as a research method. The analysis of the current legislation and scientific literature shows that the right of parents to raise children in the family occupies one of the dominant places among the other personal rights of minor children, while being their responsibility. The author comes to the conclusion that in the current legislation there is clarity and clarity of prescribed legal norms and the mechanism of their implementation, but in practice problems arise. We agree with the opinion on the priority of family education and personal involvement of parents in the upbringing of children. As a solution, the need to promote the strengthening of the institution of marriage and family as one of the main elements of the institution of civil society and universal values at different levels is noted.

Keywords: children, child, family, upbringing, life, parents, personal non-property rights, family code, law, legitimate interests.

УДК 347.6

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СУДАМИ СПОРОВ, ВЫТЕКАЮЩИХ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

© **Гурман Заряна Владимировна**

судья,

Железнодорожный районный суд г. Улан-Удэ

г. Улан-Удэ, ул. Ботаническая, 3Б

zaryana.gurman@bk.ru

В статье на примере конкретных ситуаций описываются проблемы и сложности, возникающие в практике суда при рассмотрении гражданских дел, вытекающих из семейных правоотношений, предлагаются способы их разрешения, содержатся рекомендации, направленные на достижение целей реальной, а не формальной защиты прав детей при рассмотрении дел подобной категории.

Ключевые слова: споры, вытекающие из семейного законодательства, защита прав детей, место жительства несовершеннолетних детей, нарушение прав детей.

Наиболее распространенными спорами, связанными с защитой прав и интересов детей и разрешаемыми судами в порядке гражданского судопроизводства, являются споры, вытекающие из семейных правоотношений (в частности, по искам о лишении или ограничении родительских прав, о взыскании алиментов, об установлении либо оспаривании отцовства, об определении места жительства детей, об установлении порядка общения с детьми).

Споры, связанные с определением места жительства детей при раздельном проживании родителей, представляют наибольшую сложность в случае, когда оба родителя являются одинаково благополучными в социальном и финансовом плане, имеют положительные личностные характеристики по месту проживания и работы, создают ребенку комфортные условия для проживания, имеются данные о наличии сильной привязанности ребенка к каждому из родителей. При этом наличие судебного спора о месте жительства ребенка связано не с ненадлежащим осуществлением одним из родителей своих родительских прав, отсутствием у него условий для комфортного проживания ребенка, а с расторжением брака, прекращением совместного проживания родителей ребенка, наличием между ними конфликтных неприязненных отношений, переездом одного из родителей в другой город, регион.

Так, в 2021 г. Железнодорожным районным судом г. Улан-Удэ было рассмотрено гражданское дело по иску Р. – отца несовершеннолетней В. к матери ребенка О. о расторжении брака, определении места жительства ребенка, встречному иску О. к Р. об определении места жительства ребенка, взыскании алиментов. При рассмотрении данного дела было установлено, что после фактического прекращения брачных отношений между О. и Р. мать ребенка О., не предупредив отца, уехала вместе с малолет-

ней дочь В. к своей матери в г. Х., где у нее имелись жилье, работа, достаточный доход, девочка была устроена в детский сад. Отец ребенка Р. продолжил проживание в г. У., где у него также имелось жилье, в котором были созданы комфортные условия для проживания дочери, место службы, высокий доход. При разрешении спора о месте жительства ребенка судом были приняты во внимание малолетний возраст, пол ребенка, естественная биологическая привязанность ребенка к матери, потребность в материнской любви и заботе, учтен принцип 6 Декларации прав ребенка, в соответствии с которым малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью, учтено наличие у матери О. жилья, места работы, стабильного заработка, суд пришел к выводу о том, что в большей степени интересам ребенка соответствует проживание с матерью, в связи с чем отказал в удовлетворении иска отца Р., удовлетворил встречный иск матери О. При этом, поскольку О. с ребенком выехала на постоянное место жительства в г. Х., в целях тщательного исследования всех обстоятельств дела, которые имели значение для правильного разрешения спора, судебное разбирательство было проведено с использованием системы видеоконференцсвязи с соответствующим судом г. Х., что позволило выслушать обе стороны спора, предоставить им возможность задать друг другу вопросы, дать пояснения, совместно исследовать доказательства, принять встречный иск. Также органом опеки и попечительства г. Х. по поручению суда было проведено обследование условий проживания ребенка в г. Х., подготовлено мотивированное заключение по существу спора, которое являлось подробным, информативным и было учтено судом при вынесении решения [1].

Не всегда обстоятельства, изложенные в иске одного из родителей об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка, находят подтверждение в процессе судебного разбирательства. Так, в 2021 г. судом было рассмотрено дело по иску отца троих несовершеннолетних детей К. к их матери Л. об определении места жительства детей. Из иска следовало, что стороны не состояли в браке, однако совместно проживали с 2012 г., имеют троих общих несовершеннолетних детей (девочек 8, 7 и 5 лет). В обоснование иска К. ссылался на то, что зимой 2021 г. Л. уехала на постоянное место жительства в г. С., оставив детей, не занимается их воспитанием и содержанием, не имеет условий для проживания детей. При этом истец настаивал на скорейшем рассмотрении дела, вынесении заочного решения (в отсутствие ответчика). Заседания по делу судом неоднократно откладывались в связи с неявкой ответчика Л., принимались все возможные меры к ее извещению о судебном разбирательстве. В итоге ответчик Л. явилась в суд, против удовлетворения иска К. категорически возражала, подала встречный иск об определении места жительства детей совместно с ней, пояснила суду, что после прекращения фактических брачных отношений с истцом она приняла решение о переезде совместно с детьми в г. С., для чего весной 2021 г., оставив детей с отцом и предупредив его о своих планах, уехала в г. С., где нашла жилье, работу, подготовила место для проживания детей и намеревалась вернуться за ними в

конце августа 2021 г., перед началом учебного года. Также Л. поясняла суду, что всегда активно занималась воспитанием и содержанием детей, организацией их досуга, совместных семейных мероприятий, девочки очень привязаны к ней, в период отсутствия она постоянно находилась с ними на связи, поясняла, что скоро придет и заберет их, передавала деньги, фрукты, в подтверждение чего представила фото и видеоархив семьи, скриншоты переписки в социальных сетях. В итоге судом было принято решение об отказе в удовлетворении иска К. и об удовлетворении встречного иска Л. об определении места жительства детей совместно с матерью [2]. Представляется, что по делам подобной категории судам следует принимать все возможные меры к извещению и обеспечению участия в судебном разбирательстве ответчиков с целью защиты как их прав, так и прав несовершеннолетних детей, в том числе путем представления объяснений, опровергающих обстоятельства, изложенные в иске, доказательств в подтверждение этих объяснений, а также предоставления возможности обращения за юридической помощью, права на подачу встречного иска, содержащего противоположные требования. При этом вынесение заочных решений по делам подобной категории представляется нежелательным, нецелесообразным, поскольку не позволяет в полной мере установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора, с учетом приоритета интересов детей.

Как правило, при разрешении споров об определении места жительства несовершеннолетних детей судом принимаются решения в пользу матери. При этом, как указывалось ранее, суд исходит из возраста, пола детей, учитывает естественную биологическую привязанность детей именно к матери, возможность разлучения ребенка с матерью только в исключительных обстоятельствах. Такие исключительные обстоятельства были установлено судом при рассмотрении в 2021 г. дела по иску отца А. к матери В. об определении места жительства несовершеннолетнего Ш., встречному иску В. к А. об определении места жительства несовершеннолетнего Ш. Так, судом было установлено, что в течение длительного времени ребенок проживал совместно с матерью, которая создавала все условия для его проживания, воспитания и развития, был привязан к ней. Однако в мае 2020 г. В. была госпитализирована с диагнозом «расстройство личности в связи с ВИЧ-инфекцией», при этом в присутствии ребенка у В. происходили нервные срывы, во время которых она вела себя неадекватно, агрессивно. Принимая решение об удовлетворении иска отца А. об определении места жительства ребенка совместно с ним, судом было учтено наличие у матери В. психического заболевания в связи с ВИЧ-инфекцией, приняты во внимание интересы ребенка, его безопасность, сохранение его жизни и здоровья. С решением суда об определении места жительства ребенка с отцом В. не согласилась, обжаловала его, и Восьмым кассационным судом общей юрисдикции данное решение было отменено с направлением дела на новое рассмотрение. При новом рассмотрении дела судом было установлено, что в 2020 г. В. была госпитализирована в городской психоневрологический диспансер с диагнозом «острое полиморфное психотическое расстройство с симптомами шизофрении,

без ассоциированного стресса», в период лечения в данном медицинском учреждении ей также была диагностирована ВИЧ-инфекция. Затем В. также находилась на лечении в областном психоневрологическом диспансере с диагнозом «расстройство личности в связи с ВИЧ-инфекцией», после чего была переведена в инфекционное отделение обычной областной больницы. Более на лечении в медицинских учреждениях психоневрологического профиля В. не находилась, на учете в психоневрологических и наркологических диспансерах не состоит. С 2020 г. В. состоит на диспансерном учете в «СПИД-Центре», получает постоянное иммуносупрессивное лечение по схеме, в настоящее время ей поставлен диагноз: ВИЧ-инфекция, фаза ремиссии. Также судом было установлено, что В. имеет в собственности жилое помещение, постоянное место работы, стабильный доход. Кроме того, судом были учтены выводы комиссионной психолого-психиатрической экспертизы о том, что В. обнаруживает признаки смешанного расстройства личности в связи с ВИЧ-инфекцией, однако в настоящее время она может осуществлять уход и содержание ребенка, не может оказать негативного влияния на психическое состояние и особенности психического и личностного развития несовершеннолетнего Ш., также в ходе судебного разбирательства эксперт Д. пояснил суду, что в настоящее время оставление ребенка с матерью В. опасности для него не представляет. По поручению суда экспертами также были исследованы психологический климат в семье несовершеннолетнего Ш., система его взаимоотношений с родителями, выяснено мнение по поводу общения, совместного проживания с каждым из родителей, в результате эксперты пришли к выводам о том, что наиболее значимым членом семьи для несовершеннолетнего Ш. является мама, отношения с которой являются позитивными, положительно эмоционально окрашенными, не являются психотравмирующими, несовершеннолетний Ш. желает проживать совместно с матерью. Поэтому при новом рассмотрении дела судом было принято иное решение – об отказе в удовлетворении иска А., об удовлетворении встречного иска В. (место жительства ребенка было определено совместно с матерью) [3]. По данному конкретному иску, который поступил в суд в сентябре 2020 г. (через непродолжительное время после выявления у В. психического расстройства), а итоговый судебный акт по данному иску был принят 10 января 2023 г., судопроизводство длилось почти два с половиной года, и обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора, существенно изменились в процессе судебного разбирательства: после выявления причин психического расстройства В. (вызванного ВИЧ-инфекцией) ей было назначено лечение, повлекшее стойкую ремиссию основного заболевания, в связи с чем психическое состояние ответчика нормализовалось, и в итоговом решении суд пришел к выводу о том, что она не представляет опасности, угрозы для жизни и здоровья ребенка. Несмотря на существенное изменение указанных обстоятельств, А. и при новом рассмотрении дела (после отмены судом кассационной инстанции первого решения) настаивал на удовлетворении своих требований об определении места жительства ребенка с ним, обжаловал принятый судебный акт об отказе в удовлетворении его иска в апелляци-

онной и кассационной инстанции (которыми решение оставлено в силе), что, по мнению автора статьи, являлось уже злоупотреблением правом, удлинило сроки разрешения спора, усугубило психотравмирующую ситуацию для несовершеннолетнего Ш., который с рождения проживал с матерью, воспитывался преимущественно ею, был вынужденно разлучен с матерью вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, желал и далее проживать с матерью. К тому же у А. имелась большая задолженность по алиментам перед В., и, по мнению автора статьи, обращение в суд с иском об определении места жительства ребенка было вызвано не столько желанием защитить интересы ребенка, сколько стремлением таким способом избежать уплаты долга, что является недопустимым, нарушает права и интересы несовершеннолетнего ребенка.

Хотелось бы привести пример ситуации, когда обращение в суд с иском о защите прав ребенка органом опеки и попечительства, на который в силу закона возложена обязанность по защите прав несовершеннолетних детей, фактически повлекло их нарушение. Так, в августе 2022 г. орган опеки и попечительства обратился в суд с иском к ответчику Л. (матери) о лишении родительских прав, к ответчику С. (отцу) об ограничении родительских прав в отношении троих несовершеннолетних детей (девочек 16, 8 и 5 лет). Основанием для лишения родительских прав матери Л. являлось совершение ею покушения на убийство младшей дочери М., возбуждение по данному факту уголовного дела по ч. 3 ст. 30 – п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В связи с выявлением данного факта в июне 2022 г. все трое детей были изъяты из семьи и помещены в ГБУСО РБ «Республиканский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних». Каких-либо оснований к ограничению родительских прав отца С. в иске органа опеки и попечительства не приводилось, доказательств ненадлежащего осуществления им прав родителя, привлечения в связи с этим к административной ответственности, злоупотребления спиртным, ведения асоциального образа жизни, наличия опасности, угрозы для детей в результате его поведения в деле не имелось. В ходе судебного разбирательства представитель органа опеки и попечительства настаивал и на удовлетворении исковых требований об ограничении родительских прав, заявленных к отцу С., мотивируя их только тем, что С. состоит в браке с Л., которой совершено покушение на убийство младшей дочери. Приговором суда от 2 февраля 2023 г. Л. была осуждена за совершение покушения на убийство младшей дочери М., ей назначено наказание в виде 9 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Поскольку рассмотрение гражданского дела о лишении, ограничении родительских прав судом было приостановлено до разрешения уголовного дела в отношении Л., приговор суда был обжалован Л., вступил в законную силу 30 марта 2023 г., судебное решение по иску органа опеки и попечительства о лишении Л., ограничении С. в родительских правах было вынесено только 24 мая 2023 г. Данным решением были удовлетворены исковые требования о лишении родительских прав матери Л. и отказано в удовлетворении требований об ограничении родительских прав отца С. При этом из имеющихся в деле доказательств следовало, что С. имеет

жилье, где созданы все условия для проживания детей, постоянное место работы, стабильный доход, не привлекался к уголовной или административной ответственности, не состоит на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, регулярно навещает детей в социально-реабилитационном центре, постоянно звонит, интересуется их жизнью и здоровьем, передает им продукты, угощение, игрушки. Таким образом, иск об ограничении родительских прав С. был подан органом опеки и попечительства в отсутствие каких-либо законных оснований и доказательств, и подача такого иска, находившегося на рассмотрении в течение длительного времени (в силу объективных причин – ожидания расследования уголовного дела, вынесения приговора и его вступления в силу) сделала невозможным передачу детей отцу. В результате несовершеннолетние дети, и так пострадавшие физически и психологически от преступного посягательства матери Л. на жизнь несовершеннолетней М., в течение почти года были изолированы от отца, места постоянного проживания, привычного окружения, что безусловно усугубило причиненную им по вине матери психологическую травму. В итоге при вынесении решения о лишении Л. родительских прав, отказе в ограничении родительских прав С. судом также было принято решение о передаче несовершеннолетних детей на воспитание отцу С. незамедлительно, в день вынесения решения [4].

Таким образом, при рассмотрении споров, вытекающих из семейных правоотношений, на практике возникают сложности, влекущие нарушение прав несовершеннолетних детей, которые связаны с подачей безосновательных исков не только гражданами (родителями детей), зачастую преследующими при обращении в суд не цели защиты их прав, а сугубо личные, в том числе материальные цели, но и органами опеки и попечительства (в случае подачи формальных, безосновательных, бездоказательных исков, обусловленных не целями защиты прав детей, а стремлением «перестраховаться», снять с себя ответственность), что, конечно же, является неприемлемым, недопустимым.

Также, как указывалось ранее, сложными в рассмотрении оказываются дела об определении места жительства детей, когда оба родителя являются успешными, социальными, обеспеченными, имеют привязанность к ребенку, желают воспитывать его. С целью правильного рассмотрения таких дел и вынесения по ним решений, действительно в первую очередь учитывающих и защищающих интересы несовершеннолетних детей, судам следует принимать меры к обеспечению реального участия в судебном разбирательстве обеих сторон (в том числе с использованием систем видеоконференцсвязи), избегать вынесения заочных решений, привлекать для проведения обследований и дачи заключений органы опеки и попечительства из других регионов (в случае выезда одного из родителей на постоянное место жительства в другой регион). По делам подобных категорий целесообразным является назначение экспертиз (в том числе психологических, педагогических) с целью выявления психологического климата в семье, взаимоотношений между членами семьи и ребенком, выяснения позиции ребенка, не достигшего десятилетнего возраста (что за-

трудняет его опрос по существу иска судом, не обладающим для этого специальными навыками), получения мотивированного заключения по существу спора. Представляется желательным реальное применение на практике медиативных, примирительных процедур, направленных на цивилизованное разрешение семейных споров, минимизацию негативных травмирующих факторов на психику ребенка.

Литература

1. Решение Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 10 июня 2021 г. по делу № 2-2039/2021 г.
2. Решение Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от решение от 13 июля 2021 г. по делу 2-2434/2021 г.
3. Решение Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 15 февраля 2022 г. 2-76/2022 г.
4. Решение Железнодорожного районного суда г. Улан-Удэ Республики Бурятия от 24 мая 2023 г. 2-12/2023 г.

PROTECTION OF THE RIGHTS AND INTERESTS OF CHILDREN IN THE RESOLUTION BY THE COURTS OF DISPUTES ARISING FROM FAMILY LEGAL RELATIONS

Gourman Zaryana Vladimirovna
Judge,
Zheleznodorozhny district court of Ulan-Ude
Ulan-Ude, Botany str., 3B
zaryana.gurman@bk.ru

Using the example of specific situations, the article describes the problems and difficulties that arise in court practice when considering civil cases arising from family relations, suggests ways to resolve them, and contains recommendations aimed at achieving the goals of real, rather than formal, protection of children's rights when considering cases of this category.

Keywords: disputes arising from family law, protection of children's rights, place of residence of minor children, violation of children's rights.

ОФСЕТНЫЙ КОНТРАКТ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВЕННО- ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

© Липатов Владислав Игоревич
аспирант,
Байкальский государственный университет
Российская Федерация, г. Иркутск
vladislav@lipatov-business.ru

В контексте современных вызовов и потребностей российской экономики в статье рассматривается офсетный контракт как форма государственно-частного партнерства. Отмечается, что в условиях нестабильной экономической обстановки частные инвесторы часто замедляют свою активность, что требует новых механизмов привлечения инвестиций, в связи с чем офсетный контракт представляет собой инструмент, способствующий увеличению частных инвестиций за счет встречных инвестиционных обязательств. В работе анализируется практика применения офсетных контрактов в России, особенности их заключения и исполнения, а также связанные с этим правовые проблемы. Особое внимание уделяется обоснованию необходимости развития единого правового регулирования офсетных контрактов на федеральном и региональном уровнях; подчеркивается значимость исследований в области офсетных контрактов для дальнейшего развития этой формы государственно-частного партнерства и повышения инвестиционной привлекательности нашей страны.

Ключевые слова: офсетный контракт, государственно-частное партнерство, формы государственно-частного партнерства, инвестиции, правовое регулирование, российская экономика.

Тема государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) остается актуальной для России в свете стремления к развитию экономики, инфраструктуры и социальной сферы. Одной из ключевых причин актуальности этой темы является необходимость привлечения инвестиций для модернизации экономики и повышения конкурентоспособности нашей страны. ГЧП предоставляет механизмы для участия частного сектора в разработке и реализации государственных проектов, что способствует привлечению дополнительных финансовых ресурсов, опыта и инноваций. Но в текущих «турбулентных» условиях экономики частные инвесторы замедляют инвестиционную активность для сохранения капитала посредством перераспределения или «заморозки» активов. Инструментом преодоления данной проблемы является обеспеченный спрос, следовательно, и выверенная рентабельность вложений [1]. Государство, в свою очередь, испытывает потребность в области импортозамещающих, системных, инновационных предприятий, способных укрепить технологический и, как следствие, государственный суверенитет. Офсетный контракт позволяет преодолеть страх инвестора, привлечь больше частных капиталовложений в экономику страны, а государству закрыть потребность в импортозамещении, создании рабочих мест и повышении инвестиционной привлекательности.

Офсетный контракт является молодой формой ГЧП в российском законодательстве. Основной смысл офсетного контракта заключается в создании инновационных, импортозамещающих предприятий посредством частного инвестора. Сегодня, когда перед Россией стоят вызовы в виде Специальной военной операции, огромного санкционного давления и гонки технологического развития, данные предприятия жизненно необходимы.

В настоящее время в РФ заключено 9 офсетных контрактов¹:

- 6 на поставку лекарств (г. Москва, Московская область, Самарская область);
- 1 на поставку медицинских изделий (г. Москва);
- 1 на поставку детского питания (г. Москва);
- 1 на поставку троллейбусов (Республика Башкортостан).

Как видно из текущего перечня, лидером по заключению контрактов является г. Москва и Московская область. Приведем несколько примеров предприятий, созданных в рамках заключения офсетного контракта. В одном из случаев поставщик обязуется создать, модернизировать, освоить на территории г. Москвы производство лекарственных (противоопухолевых) препаратов, а также осуществлять их поставку. Заказчик обеспечивает приемку и оплату товара в установленных контрактом порядке, форме и размере за счет средств бюджета г. Москвы. Сторонами выступают АО «Р-Фарм» и Департамент здравоохранения г. Москвы. Срок контракта – 10 лет, не более 2 лет – создание производства. Объем инвестиций не более 3 млрд р. Другой пример – поставщик обязуется создать, модернизировать, освоить на территории г. Москвы производство лекарственных (противовирусных и противовоспалительных) препаратов, а также осуществлять их поставку. Заказчик обеспечивает приемку и оплату товара в установленных контрактом порядке, форме и размере за счет средств бюджета г. Москвы. Сторонами выступают АО «Велфарм-М» и Департамент здравоохранения г. Москвы. Срок контракта – 7 лет, не более 2 лет – создание производства. Объем инвестиций не более 300 млн р.

Как видно из примеров, предприятия осуществляют работу по импортозамещению в сфере медицины, что непосредственным образом снижает зависимость в фармацевтических средствах России от других стран. Также объем инвестиций и срок контракта существенно ограничивают субъектный состав, который может выступать в качестве инвесторов. Инновационная сложность, значительный порог входа, с одной стороны, ведет к значительному уменьшению коммерческих интересантов, а с другой – создает предприятия, которые с большей долей вероятности не смогли бы возникнуть в отсутствие данной правовой конструкции [2].

Легального определения офсетного контракта в действующем законодательстве не приводится. Под офсетным контрактом, согласно ст. 111.4 федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», понимается специальный контракт со встречными

¹URL:<https://investmoscow.ru/mediapdf> (дата обращения: 27.04.2024).

инвестиционными обязательствами. Этим же федеральным законом устанавливаются отличительные особенности инвестиционного контракта, а именно:

- закупка товара только из средств бюджета;
- объем инвестиций в создание или модернизацию и/или освоение производства товара от 100 млн р.;
- товар российского происхождения;
- инвестор-поставщик российское юридическое лицо;
- статус единственного поставщика товара по субъекту РФ у инвестора.

Таким образом, офсетный контракт можно определить как соглашение между органом исполнительной власти и коммерческим юридическим лицом, по которому юридическое лицо обязуется произвести капиталовложения в создание или модернизацию и/или освоение производства товара, а орган исполнительной власти обязуется обеспечить статус единственного поставщика произведенного товара по государственным контрактам в течение определенного срока.

Важным аспектом проблематики офсетных контрактов является повышение эффективности государственных программ и проектов благодаря оптимизации управления и расходования ресурсов при участии частных компаний. Это позволяет сократить бюрократию, улучшить качество предоставляемых услуг и обеспечить более эффективное использование бюджетных средств. Сфера развития импортозамещения, инновационных и капиталоемких предприятий является актуальной для роста экономики России. Вовлечение частных инвесторов в эти проекты может ускорить их реализацию и повысить их качество. Такое взаимодействие построено на объективной необходимости конвергенции частных и публичных интересов для достижения значимых для общества в целом целей [3].

Вопрос конвергенции частного и публичного права достаточно изучался учеными-юристами и рассматривается ими до сих пор. Наиболее адекватно процесс взаимодействия частного и публичного права отражает категория «конвергенция», под которой понимается объективный процесс проникновения публичного права в сферы частноправового воздействия, и наоборот. То же можно сказать и о конвергенции публичных и частных интересов, когда достижение частных интересов невозможно без достижения публичных, и наоборот. Представляется, что именно это происходит при реализации офсетных контрактов.

Офсетный контракт в России связан с несколькими правовыми проблемами, которые могут затруднять его эффективное применение:

1. Недостаток прозрачности и открытости: нередко процессы, связанные с выбором партнеров, заключением соглашений, расходованием средств и управлением проектами, могут быть недостаточно прозрачными. Это может привести к коррупционным практикам и непрозрачным сделкам, ущемляющим интересы всех участников.

2. Неоднозначность законодательства: в ряде случаев правовые нормы, регулирующие офсетный контракт, неоднозначны или противоречивы, что затрудняет однозначное толкование и применение правил в кон-

кретных ситуациях. Это может привести к различным интерпретациям условий партнерских соглашений и спорам между сторонами.

3. Отсутствие единых стандартов и методологий: нередко возникают проблемы из-за отсутствия унифицированных стандартов и методологий для оценки эффективности проектов. Это затрудняет сравнение проектов, оценку их эффективности и последующее принятие обоснованных решений.

4. Сложности с исполнением соглашений: возникают случаи, когда одна из сторон не выполняет свои обязательства по соглашению или делает это не в полном объеме. Это может произойти из-за недостаточной четкости условий соглашения или невыполнения стороной своих обязательств.

5. Ограниченный доступ к участию: некоторые компании или предприниматели могут сталкиваться с ограничениями или препятствиями при участии в проектах офсетного контракта из-за барьеров в доступе или неравных условий для различных участников.

В настоящее время на уровне субъектов Российской Федерации существует два подхода к правовому регулированию заключения офсетных контрактов. Первый подход предполагает внесение изменений в действующие нормативные правовые акты о закупках; второй – принятие нового комплексного нормативного правового акта. Можно заметить, что такие комплексные нормативные правовые акты уже приняты в некоторых регионах, в частности, постановления правительства г. Москвы от 25.04.2017 г. № 217-ПП; Кабинета Министров Чувашской Республики от 30.11.2022 г. № 637; Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.06.2023 г. № 737; правительства Иркутской области от 25.07.2023 г. № 633-пп; правительства Нижегородской области от 21.07.2023 г. № 654; правительства Белгородской области от 31.10.2022 г. № 641-пп; правительства Ивановской области от 31.08.2023 г. № 405-п; Администрации Костромской области от 22.08.2022 г. № 421-а; правительства Удмуртской Республики от 26.04.2023 г. № 264; правительства Тюменской области от 08.09.2022 г. № 655-п.

Что касается регионального законодательства о государственно-частном партнерстве, то представляется совершенно недопустимой сложившаяся ситуация, когда законы субъектов РФ практически полностью повторяют федеральный закон, поскольку, согласимся, они должны учитывать при правовом регулировании тех или иных отношений именно региональные особенности [4]. В данной связи полагаем необходимым теоретическую разработку вопроса о так называемой инвестиционной привлекательности региона, так как именно от ее уровня целесообразно устанавливать возможности, предоставляемые государством частному партнеру, при реализации проектов государственно-частного партнерства.

Перечисленные моменты подчеркивают необходимость постоянного совершенствования законодательства и выработки механизмов, обеспечивающих большую прозрачность, эффективное исполнение обязательств и защиту интересов всех сторон в рамках офсетного контракта в России. Но этому должна предшествовать обстоятельная доктринальная разработка – всестороннее исследование данного вопроса, настоятельная потребность в

котором, имеющем цель систематизации имеющихся практик для выведения правового регулирования на новый уровень, на данный момент существует.

В данной связи следует заметить, что тема офсетных контрактов привлекает внимание ученых, практиков и экспертов в области экономики, права, управления и общественной политики. Однако кандидатские и докторские диссертации по теме офсетных контрактов отсутствуют [5]. Некоторые известные авторы и исследователи касаются офсетных контрактов (например, Макаревич К. А. «Финансово-правовое регулирование государственно-частного партнерства в Российской Федерации», Черномырдина Е. В. «Государственно-частное партнерство в механизме реализации функции современного государства», Никифоров С. А. «Соглашение о государственно-частном партнерстве как форма взаимодействия публичного и частного субъектов и его гражданско-правовая квалификация»), но в качестве «вторичной» относительно государственно-частного партнерства темы.

В завершение отметим, что сегодня созданы теоретические модели государственно-частного партнерства, аналитические инструменты и рекомендации для различных аспектов этой темы. Однако ряд вопросов требует в дальнейшем более детального рассмотрения, а именно: соотношение правового регулирования офсетных контрактов на федеральном и региональном уровне, модели заключения и реализации офсетных контрактов, регулирование офсетных контрактов, осложненных иностранным элементом.

Литература

1. Алексеев В. В., Дербин С. А. Государственно-частное партнерство в России: проблемы правового регулирования и методы их решения // Право и экономика. 2019. № 7(135). С. 52–59.
2. Горелов Ю. Ю. Формирование правовой базы государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Международный журнал экспериментального образования. 2020. Т. 3, № 2(14). С. 130–136.
3. Королев А. Г. Моделирование офсетных контрактов в рамках государственно-частного партнерства // Экономика и предпринимательство. 2018. № 4(92). С. 145–151.
4. Петров В. И., Смирнов Д. А. Особенности заключения и исполнения офсетных контрактов в России // Экономические науки. 2021. № 11. С. 78–86.
5. Соколова О. В. Офсетные контракты как инструмент привлечения инвестиций в российскую экономику // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2022. № 2. С. 97–105.

OFFSET CONTRACT AS A FORM OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

Lipatov Vladislav Igorevich
Graduate student,
Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation
vladislav@lipatov-business.ru

In the context of modern challenges and needs of the Russian economy, the article examines the offset contract as a form of public-private partnership. It is noted that in an unstable economic environment, private investors often slow down their activity, which requires new mechanisms for attracting investment, and therefore the offset contract is a tool that helps increase private investment through counter investment obligations. The work analyzes the practice of using offset contracts in Russia, the features of their conclusion and execution, as well as related legal problems. Particular attention is paid to substantiating the need to develop a unified legal regulation of offset contracts at the federal and regional levels; The importance of research in the field of offset contracts is emphasized for the further development of this form of public-private partnership and increasing the investment attractiveness of our country.

Keywords: offset contract, public-private partnership, forms of public-private partnership, investments, legal regulation, Russian economy.

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ

© **Сандапова Саран Самбуевна**

магистрант 1-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

sandapova75@gmail.com

© **Мурзина Елена Александровна**

кандидат юридических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

elena.murzina.57@mail.ru

Статья посвящена формам и способам защиты трудовых прав работников. Автор делит формы защиты на юрисдикционные и неюрисдикционные. В статье указывается на важность правильного выбора способа защиты, рассматриваются преимущества и недостатки различных способов, а также законодательные аспекты каждого. Автор отмечает, что относительно неосновных способов защиты трудовых прав ведется дискуссия. В качестве неосновных видов защиты трудовых прав работников выделяют медиацию как способ досудебного или альтернативного способа решения трудовых споров, а также оспаривание нормативно-правовых актов, действий и решений органов государственной или муниципальной власти в сфере трудовых отношений. Однако, по мнению автора, действующее трудовое законодательство не предусматривает определение понятий «формы защиты трудовых прав работников» и «способы защиты трудовых прав работников». В связи с этим автором предложены указанные определения.

Ключевые слова: форма защиты права, способ защиты права, трудовые отношения, защита трудовых прав работников, юрисдикционная форма защиты права, неюрисдикционная форма защиты права, самозащита, федеральный государственный контроль (надзор), профессиональный союз, судебная защита трудовых прав.

При возникновении трудовых отношений между их субъектами могут возникать различные разногласия. Игнорирование и несоблюдение работодателем интересов и прав работников, объективные факторы, такие как недостатки производства и безопасности труда, а также пробелы в законодательстве могут выступать в качестве причин возникновения трудовых споров. Сами споры должны рассматриваться как с позиции работодателя, так и с позиции работника, но приоритет в защите должен быть у работника.

Можно выделить две основные формы защиты трудовых прав работников: неюрисдикционные и юрисдикционные. Неюрисдикционные формы — самозащита и согласительные процедуры. Самозащита представляет собой самостоятельные действия работника по защите своих прав, а

согласительные процедуры являются переговорами с работодателем для урегулирования трудовых споров [3, с. 746].

Основная суть неюрисдикционных форм защиты – это защита работниками своих прав самостоятельно, без привлечения других лиц, т.е. весь процесс защиты трудовых прав происходит по усмотрению работников или работника. Данные методы отличаются своей гибкостью в принятии решений о методах защиты, а также в определенной самостоятельности при осуществлении такой защиты. Это является преимуществом и недостатком данной формы. При достаточной настойчивости работником этот способ позволяет быстрее и эффективнее решить трудовой спор, но если работодатель препятствует решению спора, то спор может затянуться или решиться не в пользу работника.

Юрисдикционная форма представляет собой деятельность государственных органов, обладающих соответствующими полномочиями. Эти органы реализуют свои властные функции в пределах установленных рамок. Кроме того, в рамках данной формы возникают взаимодействия с профсоюзами и другими трудовыми организациями, которые выполняют свои специфические задачи и оказывают помощь сотрудникам.

Юрисдикционная форма охватывает несколько способов защиты трудовых прав: административный, социально-партнерский, судебный и общественный [6, с. 1019]. Данная форма отличается взаимодействием работников с другими субъектами, у которых есть определенные полномочия по решению трудовых споров. Это также является и преимуществом, и недостатком данной формы. При недостаточной оперативности работы органов или организаций этот способ замедляет решение трудового спора, но если спор слишком сложный или работодатель препятствует решению спора, то спор может решиться в пользу работников с большей вероятностью, а также это уравнивает неравенство сторон спора.

В рамках юрисдикционной формы субъекты имеют определенные полномочия по защите трудовых прав. Различаются также компетенции органа, условия при которых можно обращаться в данный орган, а также сроки и способы обращения. Инициатива обращения и право выбора в какой орган обращаться принадлежит работнику. При обращении работника в государственный орган последний может использовать в рамках конкретного трудового спора государственное принуждение.

Административный порядок защиты трудовых прав предусматривает соблюдение определенной процедуры, характеризующейся публично-правовыми элементами при решении трудовых конфликтов. Этот порядок включает два основных варианта защиты: первый заключается в обращении к органам контроля и надзора за соблюдением трудового законодательства для рассмотрения трудового спора, а второй — в обращении к вышестоящим уполномоченным органам для разрешения конфликта.

Согласно ст. 352 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), защита трудовых прав может осуществляться посредством самозащиты работниками, защиты профессиональными союзами, судебной защиты и посредством федерального государственного контроля (надзо-

ра) за соблюдением трудового законодательства¹. Стоит отметить, что относительно наличия неосновных способов защиты трудовых прав ведется дискуссия, а основные способы обсуждаются в научной среде [5, с. 21]. В качестве неосновных способов защиты трудовых прав работников выделяют медиацию как способ досудебного или альтернативного способа решения трудовых споров, оспаривание нормативно-правовых актов, действий и решений органов государственной или муниципальной власти в сфере трудовых отношений.

Необходимо отдельно рассмотреть различные способы защиты трудовых прав работников. Самозащита работниками трудовых прав — самый специфический из основных способов защиты. Это обусловлено тем, что это наиболее активный для работника способ защиты своих прав, а также гибкий с точки зрения отстаивания метода для защиты своих прав. Рассматриваемый способ также является наименее затратным, быстрым и действенным при соблюдении установленного порядка осуществления данного способа. Хотя в законодательстве отсутствует четкое определение этого понятия, оно сформулировано в правовой доктрине. Согласно ей, работник самостоятельно предпринимает фактические действия, направленные на защиту и восстановление своих прав. Эти права закреплены законом, коллективным договором, соглашением или трудовым договором, а используемые методы не должны противоречить законодательству [1, с. 42].

Второй и наиболее популярный способ — это судебная защита трудовых прав работника, указанная в ст. 352 ТК РФ. Популярность данного метода основывается на эффективности решения трудовых споров, поскольку дело, доходящее до суда с большей вероятностью, решается, а также обе стороны заинтересованы в завершении трудового спора, более мотивированны и нацелены на конечный результат [4, с. 69].

Судебная защита осуществляется исключительно судами в установленной процессуальной форме. Это право универсально и гарантировано каждому гражданину, позволяя обращаться в суд по поводу любых действий и решений государственных органов, местного самоуправления и работодателей.

Третьим способом защиты трудовых прав работников является защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами. Данный способ возможен только в том случае, если на предприятии существует профессиональный союз, поэтому этот способ не всегда можно использовать, но таким способом можно решать как коллективные, так и индивидуальные споры. Особенностью данной формы защиты является участие профессиональных союзов в защите трудовых прав, что закреплено в трудовом законодательстве. Профессиональный союз может принимать и рассматривать обращения членов профсоюзов, заниматься профсоюзным контролем за локальными актами, договорами, соглашениями работодателя, участвовать в судебных разбирательствах. Профсоюз

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

вправе обратиться в суд с иском в защиту трудовых прав и интересов как одного работника при наличии заявления, так и в защиту своих членов по индивидуальным и коллективным трудовым спорам, так и неопределенного круга работников. Также профсоюз может организовывать и участвовать в забастовках.

Четвертый способ защиты — федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. Государственный контроль и надзор играют ключевую роль в обеспечении соблюдения трудового законодательства и предотвращении его нарушений. Данный способ защиты осуществляется уполномоченными на это органами и может происходить как при обращении работника, так и при обнаружении нарушений самими уполномоченными органами. Однако стоит отметить, что деятельность в данной сфере многогранна и состоит из приема обращений субъектов трудового права, а также в устранении или предотвращении нарушений прав и свобод данных субъектов [2, с. 64]. Органы, которые осуществляют данную защиту, — Федеральная инспекция труда, ее региональные подразделения, Прокуратура Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, но данный перечень не является окончательным.

Резюмируя, отметим, что действующее трудовое законодательство не содержит определений понятий «способы защиты трудовых прав работников» и «формы защиты трудовых прав работников». Поэтому необходимо дополнить ст. 352 ТК РФ, включив определение способов защиты трудовых прав работников как конкретных действий, направленных на защиту нарушенных субъективных трудовых прав. Кроме того, следует добавить определение формы защиты трудовых прав работников как установленной законодательством категории правореализующей деятельности, направленной на применение мер правовой защиты нарушенных или оспариваемых прав работников.

Литература

1. Золотов И. С. Правовые основы самозащиты работниками трудовых прав в российском трудовом праве // Кадровик. 2024. № 1. С. 41–48.
2. Иванов Н. В., Мамонов М. А. Деятельность Федеральной инспекции труда по защите прав работника и работодателя // Новый юридический вестник. 2023. № 3(42). С. 63–66.
3. Лушникова М. В., Лушников А. М. Очерки теории трудового права: монография. Санкт-Петербург: Юрид.центрПресс, 2006. 940 с.
4. Михайлова Е. В. Защита трудовых прав в современной России: процессуальные коллизии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 1. С. 67–71.
5. Нестерова Т. А. Защита трудовых прав в России: юридическая сущность и приоритетная роль государственных органов: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Екатеринбург, 2005. 46 с.

6. Трофимова О. Ю. Анализ форм и способов защиты трудовых прав работников, проблема их соотношения // Правовая система и вызовы современности: материалы XX Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Уфа: Изд-во Науч.-исслед. ин-та проблем правового государства, 2023. С. 1017–1020.

FORMS AND METHODS OF PROTECTING THE LABOR RIGHTS OF WORKERS

Sandapova Saran Sambuevna

1st year master student,

Buryat State University named after Dorji Banzarova

Russian Federation, Ulan-Ude

sandapova75@gmail.com

Murzina Elena Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate

Buryat State University named after Dorji Banzarova

Russian Federation, Ulan-Ude

elena.murzina.57@mail.ru

The article is devoted to the forms and methods of protecting the labor rights of workers. The author divides forms of protection into jurisdictional and non-jurisdictional. In the article, the author points out the importance of choosing the right method of protection, considers the advantages and disadvantages of various methods and notes the legislative aspects of each. The author notes that there is a debate regarding non-basic methods of protecting labor rights. As a non-main type of protection of workers' labor rights, mediation is identified as a pre-trial or alternative method of resolving labor disputes, as well as challenging regulations, actions and decisions of state or municipal authorities in the field of labor relations. However, according to the author, the current labor legislation does not provide for the definition of the concepts «forms of protecting the labor rights of workers» and «methods of protecting the labor rights of workers». In connection with this, the author formulated the following definitions.

Keywords: form of protection of rights, method of protection of rights, labor relations, protection of labor rights of workers, jurisdictional form of protection of rights, non-jurisdictional form of protection of rights, self-defense, federal state control (supervision), trade union, judicial protection of labor rights.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ПРОПАГАНДЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

© Ткачева Наталья Владимировна

судья,

Октябрьский районный суд г. Улан-Удэ

г. Улан-Удэ, ул. Геологическая, 9А

oktiabrsky.bur@sudrf.ru

Представленная тема отличается особой актуальностью, поскольку в современных условиях в России увеличивается рост преступлений, совершенных по подобию увиденного в сети «Интернет», а также из-за отсутствия понимания последствий своих действий, отсутствия понимания, что данные действия совершаются в реальности, а не в игре. Статья посвящена проблемам противодействия деструктивной пропаганде в сети Интернет, необходимо принятие дополнительных мер для контроля размещаемого контента, воздействия размещаемой в сети информации и роликов на поведение и поступки несовершеннолетних.

Ключевые слова: интернет, гаджеты, социальные сети, контент.

В настоящее время одной из особенностей межличностного общения необходимо признать общение через интернет. Сюда следует отнести не только общение непосредственно через компьютер, но и посредством различных социальных групп, созданных как по интересам, так и по территориальному признаку. Доступность такого рода общения объясняется широким использованием различного типа смартфонов, в которых установлены ссылки на различные социальные группы. В данном случае достаточно простой активации. Создание в вайбере и ватсапе дополнительных групп по интересам, закрытых для непосвященных, никакой сложности не представляет.

Интернет предлагает пользователю различные формы взаимодействия как в виде активного участия в форме блогерства, рекламы и т.д., так и в форме пассивного участия в форме потребления данной продукции либо простого наблюдения за происходящим. В связи с этим следует отметить, что интернет превратился в основной канал получения различного рода информации.

Наличие глобальной паутины в виде интернета и достаточно свободный доступ к его ресурсам дают широкие возможности для обучения, интеллектуального развития, обмена мнениями как с одним собеседником, так и в различных форумах с неограниченным числом участников. В последнее время мы наблюдаем новую форму взаимодействия между работником и его нанимателем при выполнении своих обязанностей удаленно; удаленное оказание образовательных услуг и тому подобное. Однако несмотря на то, что в ряде случаев это является вынужденной мерой, как, например, перевод школ, ССУЗов и вузов на удаленную форму обучения из-за пандемии в связи с «коронавирусом», нельзя не отметить наличие в этом случае положительного эффекта, так как учебный процесс не прерыв-

вается, а наличие определенных адаптированных под данную ситуацию программ позволяет не только подавать лекционный материал, но и проводить как устный в виде семинаров, так и письменный опрос обучаемых.

Огромное информационное пространство, ставшее доступным посредством интернета, позволяет быстро, качественно, не затрачивая много времени, получить необходимые сведения по любому вопросу. Однако наличие подобных колоссальных возможностей, к сожалению, не всегда используется во благо. Не улучшает положение и то обстоятельство, что большинство сетей принадлежит зарубежным провайдерам, транслирующим по сети информационный контент, содержащий элементы политической и иной направленности, либо склоняющий потребляющих данный информационный продукт лиц к определенным действиям, не всегда отвечающим интересам конкретного гражданина, общества либо государства. При этом своевременное удаление данной информации либо подстрекательства граждан к определенным действиям не представляется возможным ввиду содержащегося ранее указания на принадлежность сетей зарубежным поставщикам информационного ресурса.

Если люди старшего поколения, получившие своеобразную «прививку» от определенного рода воздействия путем приобретения жизненного опыта, а также вследствие того, что не все активно взаимодействуют с интернет-ресурсами из-за отсутствия нужного уровня компьютерной грамотности, а граждане среднего возраста также вследствие приобретенного опыта по взаимодействию в сетях и получившие определенное воспитание, дающее возможность критически оценивать получаемую посредством интернета информацию, могут каким-либо образом критически оценивать поступающий информационный поток, то молодые люди, чаще всего несовершеннолетние, которые в силу возрастных особенностей, а также вследствие отсутствия необходимого жизненного опыта и знаний пока не могут дать критическую оценку происходящему, зачастую воспринимают получаемую в интернете информацию как догму и руководствуются ею. Порой данной категорией граждан руководит и банальное любопытство (а что будет, если я так и сделаю), поскольку просчитать ситуацию и последствия они не могут просто в силу психологической незрелости.

В этом случае на защиту интересов наиболее незащищенной в информационном плане категории лиц должен быть использован прежде всего государственный ресурс, направленный на соответствующее воспитание, образование несовершеннолетних, а также на блокирование интернет-ресурса, понуждающего к определенному типу поведения и разжиганию различного рода агрессии, ненависти, нарушению закона, норм и правил поведения.

В связи с развитием и повсеместным распространением цифровых технологий, различных гаджетов (телефоны, планшеты, стационарные компьютеры) появилась возможность использования сети Интернет для более широкого влияния на несовершеннолетних через социальные группы и каналы, постепенного внедрения в их сознание определенного поведения. Данное влияние через указанные сети наглядно было проде-

монстрировано при осуществлении призыва к несовершеннолетним выйти на улицы в защиту г-на А. А. Навального, когда в ряде городов Российской Федерации, в том числе и в Улан-Удэ, несовершеннолетние вышли на несанкционированные митинги. При этом им было просто интересно, хотелось ощутить себя причастным к чему либо, а идеи А. А. Навального их интересовали меньше всего.

Не является ни для кого секретом то обстоятельство, что дети нового поколения уже с года-двух, не будучи обученными грамоте, спокойно ориентируются в телефоне, телевизоре, разыскивая интересные для них программы и передачи. При этом данные гаджеты им вручают собственные родители, чтобы отвлечь ребенка от тех действий, которые и должны совершаться в данном возрасте, а именно: дети должны активно двигаться, надоедать вопросами, требовать внимания взрослых и т.п. Тем самым взрослые, конечно же, желая своему чаду самого лучшего, сами вручают ему тот предмет, взаимодействие с которым может привести в будущем к определенным последствиям.

Подрастая, ребенок «подсаживается» на компьютерные игры, проводя большую часть своего досуга за этим. Играя в сетевые игры, а это, как правило, различного рода «стрелялки», ребенок привыкает к применению различного оружия, «бессмертности» его персонажа вследствие перезагрузки, что может привести к агрессивному поведению ребенка и стиранию в его сознании границ между жизнью и смертью.

Если раньше мы удивлялись информации о том, что в США либо странах Европы какой-либо школьник или студент пришел в учебное заведение с оружием и открыл стрельбу по педагогам и сверстникам, то в настоящее время подобные инциденты стали происходить и в России.

Так, в январе 2018 г. ученик 9-го класса школы № 5, беспрепятственно пройдя внутрь школы, пронес на территорию школы два самодельных зажигательных устройства типа «коктейль Молотова», топор, штык-нож, нож и емкость объемом 5 литров с бензином. Находясь в школе, взял в руку топор, при помощи источника открытого огня поджег фрагмент ткани, которым была заглушена горловина бутылки с бензином, проследовал к учебному кабинету, где проходил урок у 7 класса, целенаправленно бросил одно воспламененное самодельное зажигательное устройство типа «коктейль Молотова» в голову педагога, намереваясь таким образом причинить смерть последней, а также ученикам 7 класса, находившимся на уроке, в результате начавшегося пожара. После, убедившись, что произошло возгорание, вышел из помещения указанного класса и, находясь у входной двери в класс, стал целенаправленно наносить заранее приготовленным топором множественные удары в область расположения жизненно важных органов выбегавшим из подожженного им учебного класса малолетним учащимся. После проследовал с третьего на второй этаж школы и вошел в другой учебный кабинет, в котором находились ученики 6 класса, где целенаправленно нанес не менее одного удара топором в область жизненно важного органа — голову малолетнего ученика. В результате указанных действий были причинены повреждения различной степе-

ни тяжести педагогу и 5 малолетним ученикам указанной школы, а также причинен вред психическому здоровью 17 малолетних потерпевших.

И это не единственный пример уже даже по нашему региону. Так, Н. в результате систематических просмотров в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на ресурсе «YouTube» новостей и видеозаписей о массовом убийстве учащихся в Керченском политехническом колледже, а также о массовых расстрелах и взрывах в местах большого скопления людей из хулиганских побуждений, возникших в результате негативной оценки со стороны лиц из числа его знакомых обучающихся и педагогах Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Бурятский республиканский информационно-экономический техникум», на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, то есть открытого вызова общественному порядку, обусловленного желанием грубо нарушить общепринятые нормы морали и правила поведения и противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение, получить известность за счет совершения преступления, повлекшего наибольшее количество человеческих жертв, решил совершить убийство двух и более лиц, а именно педагогов и учащихся ГБПОУ БРИЭТ, общепрофессиональным способом.

Указанное преступление Н. спланировал провести в 2020 г. по схеме совершенного 17.10.2018 массового убийства в Керченском политехническом колледже студентом этого колледжа, информация о котором находилась в свободном доступе в сети «Интернет». Приготавливаясь к совершению данного преступления, Н. с помощью сети «Интернет» получил информацию и изучил сведения о компонентах и порядке изготовления самодельных взрывчатых веществ и взрывных устройств, после чего изготовил не менее 15 взрывных устройств при помощи подручных средств и легковоспламеняющихся жидкостей, осуществив их подрывы с целью получения для себя информации о разрушающей силе и последствиях взрыва, а также получил информацию о местах приобретения огнестрельного оружия и приискивал других соучастников преступления.

После изготовления взрывных устройств и приобретения огнестрельного оружия перед совершением преступления Н. решил незаметно пронести в учебное учреждение не менее 2 стационарных взрывных устройств, установив их в местах массового скопления учащихся и педагогов, затем произвести дистанционно поочередно их взрывы. После чего, используя фактор внезапности и панику среди указанных лиц, должен был произвести неоднократные выстрелы из принесенного им огнестрельного оружия в оставшихся в живых учащихся и педагогов, после покончить жизнь самоубийством.

В период с 20.11.2018 до 01.08.2019 Н. создал условия, необходимые для совершения массового убийства, изучил находящуюся в сети «Интернет» информацию о компонентах, необходимых для изготовления взрывчатых веществ и взрывных устройств, и порядке изготовления самодельных взрывчатых веществ и взрывных устройств, посещая веб-сайты с информацией о фирмах-производителях и лицах, осуществлявших их про-

дажу, вводя поисковые запросы на имевшемся у него компьютере. После чего 11.07.2019 в целях покупки огнестрельного оружия для совершения массового убийства учащихся и педагогов ГБПОУ БРИЭТ Назимов Д. О. приобрел в Республиканской службе по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, контролю и надзору в сфере природопользования охотничий билет единого федерального образца, который зарегистрирован в государственном охотхозяйственном реестре.

Кроме того, Д. О. Назимов в целях приискания соучастников совершения преступления предложил ранее знакомым Г. и учащимся данного учебного учреждения К. и Ш. участвовать вместе с ним в совершении массового убийства учащихся и педагогов, на что последние ответили отказом.

В период с 20.11.2018 до 01.08.2019, продолжая реализовывать умысел, направленный на приготовление к убийству множества учеников и педагогов, Н. приобрел пневматический газобаллонный многозарядный пистолет, кобуру для пистолета, куртку зеленого цвета, 2 разгрузочных жилета, 2 тактических черных пояса, 2 противогаза черного цвета, респиратор светлого цвета, 2 тряпичные маски черного цвета, 3 дистанционных пульта для использования их в качестве исполнительного механизма самодельных взрывных устройств – устройств дистанционного управления по радиоканалу (или радиоуправляемого взрывателя (воспламенителя)), очки защитные. Данные предметы Н. надевал на себя и воспроизводил действия, которые будет осуществлять при совершении убийства множества учеников и педагогов, то есть репетировал совершение массового убийства.

В целях получения беспрепятственного доступа к помещениям указанного учебного учреждения Н. решил поступить туда на обучение, в связи с чем под видом абитуриента он посещал указанное учебное учреждение в целях выяснения расположения учебных классов, т. е. предварительно исследовал место преступления и составил план его совершения. На интернет-сайте в целях совершения задуманного Н. приобрел 6 килограммов алюминия порошка серебрянки, калиевой селитры в общем количестве 16 килограммов и калия перхлората в количестве 5 килограммов. Затем Н. при помощи подручных средств и легковоспламеняющихся жидкостей, используя приобретенные им компоненты взрывчатых веществ и взрывных устройств, находящихся в свободной продаже, изготовил не менее 15 взрывных устройств, которые в целях получения для себя информации о разрушающей силе и последствиях взрыва привел в действие, осуществив их подрывы, находясь в безлюдных местах г. Улан-Удэ.

После проведения подрывов Н. были приготовлены взрывчатые вещества для изготовления не менее 2 взрывных устройств, аналогичных тем, подрыв которых был осуществлен, однако данное преступление не было доведено до конца в связи с задержанием Н. сотрудниками правоохранительных органов.

Конечно, невозможно сопротивляться прогрессу, которым, несомненно, является интернет, но ограничить нахождение несовершеннолетнего в сети, а также контроль со стороны родителей за посещением им тех или иных сайтов способны каким-то образом повлиять на ситуацию.

Конечно, мы как пользователи сталкивались с запросом для входа на тот или иной ресурс подтверждения возраста, в частности это требуется и для регистрации в социальных сетях. Однако обойти это требование очень просто, так как регистрирующийся пользователь просто сам указывает свой возраст и вместо фото размещает любой «аватар». В настоящее время проверить данное обстоятельство невозможно, но и без проверки мы знаем, что большое число несовершеннолетних зарегистрированы в соцсетях под «никами» и активно их посещают.

А такие платформы, как «Тик-Ток», именно разработаны под несовершеннолетних, а регистрация разрешена при достижении возраста 13 лет. При этом не весь контент «Тик-Тока» является безопасным для несовершеннолетних. Наряду с безобидными роликами имеет место демонстрация опасных идей, поступков, направленных на понуждение повторить то, что демонстрируется в сети (например: демонстрация роликов, в которых применяется насилие, и т. п.).

Именно это обстоятельство используется экстремистки настроенными пользователями данных сетей для различной пропагандистской работы с несовершеннолетними. Кроме того, создаются различные группы по интересам, в которые входят несовершеннолетние. Группы носят закрытый характер, несовершеннолетние «играют» в тайну и не распространяют полученную ими информацию, подчиняясь требованиям организаторов данной группы, что в недалеком прошлом привело к немотивированным самоубийствам несовершеннолетних.

И данные перечисления могут приводиться бесконечно. Но напрашивается один вопрос «Как оградить наших детей от пагубного влияния сети интернет, сохранив то положительное, что нас в нем привлекает?».

Данный вопрос не просто требует скорейшего решения, но и разрешение его позволит сохранить те социально значимые ценности, которые необходимы не только для воспитания подрастающего поколения, но и сохранения будущего нашего государства.

Не случайно, выступая на Валдайском форуме, Президент В. В. Путин обратил внимание на сохранение основных нравственных понятий, недопустимость «игр в толерантность», приводящих к их стиранию.

В своем докладе на заседании общественного совета при Роскомнадзоре 25 октября 2021 г. председатель комиссии по борьбе с деструктивно опасным контентом А. Б. Цыганов заострил внимание на ряде существенных вопросов, требующих немедленного решения. И прежде всего, как указано в докладе, требуется законодательное решение по определению самого понятия деструктивного контента. Комиссия предлагает следующую его классификацию:

- 1) контент, наносящий непосредственный вред жизни и здоровью ребенка (суицидальный контент, селфхарм, группы анорексии)

2) контент, наносящий вред психическому здоровью ребенка, провоцирующий нервные расстройства (группы и каналы, содержащие шок-контент, депрессивный контент, эзотерику, оккультизм, группы, пропагандирующие эксперименты над психикой.)

3) контент, склоняющий ребенка к преступным действиям и насилию. (крипипаста, колумбайн, сообщества маньяков и серийных убийц, АУЕ, оффники, сатанисты)

4) контент, наносящий урон морально-этическому состоянию ребенка, разрушающий семейные ценности, настраивающий ребенка против родителей (сообщества «яжемать», феминистки, чайлдфри, аморальный юмор)

5) развращающий контент, склоняющий ребенка к смене ориентации или пола, пропагандирующий иные виды извращений. (ЛГБТ, смена пола, аниме, фурри, соцсеть амино, группы гей-знакомств, чат-рулетка, фикбук, фанфики)

б) манипулятивный контент, ставящий перед собой цель — получение материальной выгоды с ребенка (ставки на спорт, букмекерские конторы, онлайн-казино, вейпы, снюсы, электронные сигареты, онлайн-игры).

Думается, что четкое определение и понимание того, что же относится к деструктивному контенту в интернете, не только позволит минимизировать влияние указанной информации на подрастающее поколение, но и установить законодательный запрет на использование данного контента с незамедлительной реакцией со стороны контролирующих структур и адекватным наказанием для виновных.

Однако прежде всего, на мой взгляд, необходимо поддержать тех лиц, которые выступают против анонимной регистрации в интернете. В этом случае возможность регистрации на «вредных» сайтах лиц, не достигших определенного возраста, станет несколько проблематичной.

Кроме того, следует повысить ответственность родителей и лиц, занимающихся воспитанием несовершеннолетних, поскольку использование данного контента наносит непоправимый психологический вред подрастающему поколению, а в целом и их безопасности как наиболее уязвимой части нашего общества. Также во главу угла в качестве приоритетной задачи следует поставить и разработку отечественного программного обеспечения как для компьютеров, так и для смартфонов, без предустановки которых данные гаджеты просто не должны реализовываться на территории Российской Федерации.

Вполне возможен выпуск детских сим. карт для смартфонов, хотя бы для детей в возрасте до 14 лет, которые могут блокировать деструктивный контент. Это становится актуальным на фоне того, что в новых выпусках «Аниме» главный герой — нетрадиционной сексуальной ориентации, такой же ориентации придерживается и Халк, а потребность подражания, пусть и мультяшным героям, у несовершеннолетних в данном возрасте высока.

Литература

1. Доклад председателя комиссии по борьбе с деструктивно опасным контентом А. Б. Цыганова на заседании общественного совета при Роскомнадзоре 25 октября 2021 г.
2. Доклад Президента Российской Федерации В. В. Путина на Валдайском форуме.
3. Приговоры Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ от 11.09.2019 г., 31.08.2020 г., 19.05.2021 г., постановление Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ о применении принудительных мер медицинского характера в связи с совершением запрещенных уголовным законом деяний от 21.01.2021 г.

PROBLEMS OF COUNTERACTION DESTRUCTIVE PROPAGANDA ON THE INTERNET

Natalia Vladimirovna Tkacheva
Judge,
Oktyabrsky district Court of Ulan-Ude
Ulan-Ude, Geologicheskaya str. 9A
oktiabrsky.bur@sudrf.ru

The presented topic is particularly relevant, since, in modern conditions in Russia, the growth of crimes committed in the likeness of what was seen on the Internet is increasing, the lack of understanding of the consequences of their actions, the lack of understanding that these actions are committed in reality, and not in a game.

The article is devoted to the problems of countering destructive propaganda on the Internet, the need to take additional measures to control the posted content, the impact of information and videos posted on the network on the behavior and actions of minors.

Keywords: Internet, gadgets, social networks, content.

ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ О ДЕТЯХ

© **Ринчино Елена Николаевна**

заместитель председателя,

Гусиноозерский городской суд Республики Бурятия

г. Гусиноозерск, микрорайон 6, 23

st_ellena@mail.ru

В статье поднимается вопрос о привлечении к участию в рассмотрении семейных споров специалистов-психологов для дачи консультации по делу в целях выяснения индивидуально-психологических особенностей сторон семейного конфликта, их ребенка, их взаимоотношений, что способствует принятию решений, наиболее соответствующих интересам ребенка, приводятся примеры судебной практики привлечения специалистов-психологов при рассмотрении дел об определении места жительства детей, лишении родительских прав, восстановлении в родительских правах. Автор приходит к выводу, что привлечение к участию в деле специалиста-психолога в семейных спорах помогает суду выявить действительные отношения сторон, выявить их отношения и намерения относительно ребенка, способствуя оптимальному учету мнения ребенка при вынесении решения.

Ключевые слова: суд, интересы ребенка, родители, конфликт, семейные споры, психолог, консультация.

Споры о детях неизменно составляют значительную долю в семейных спорах, разрешаемых в судебном порядке. Семейные отношения являются сугубо личными, их невозможно урегулировать нормативно. Все происходящее в семье тесно связано с индивидуальностью каждого человека, его характером, настроением, мировоззрением, воспитанием, иными нюансами. Соответственно, невозможно встретить ни одного похожего конфликта. А споры о детях – это неизменно конфликт между взрослыми.

При разрешении семейных конфликтов судьи во многих случаях сталкиваются с необходимостью защиты интересов детей. Право ребенка выражать свое мнение и быть заслушанным в ходе судебного разбирательства отражено в ст. 57 СК РФ, при этом «учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам». Нормы семейного законодательства содержат прямое указание на необходимость учета интересов детей при разрешении в судебном порядке возникших споров. В частности, при отсутствии соглашения о месте жительства ребенка спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом мнения детей (п. 3 ст. 65 СК РФ); при разрешении иска об устранении препятствий к общению с ребенком суд разрешает спор исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка (п.3 ст.67 СК РФ); суд вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска родителей (одного из них) о восстановлении в родительских правах, если восстановление в родительских правах противоречит интересам ребенка (п. 4 ст. 72 СК РФ) и др.

Вместе с тем сложившееся понимание категории «интересы ребенка» в правовой науке и правоприменительной практике отсутствует. Поэтому зачастую решение спора о детях представляет определенную трудность, поскольку отношение ребенка к родителям подвержено влиянию множества различных факторов (индивидуально-личностные особенности ребенка и родителей, характер отношения к ребенку в семье, стиль воспитания, факты насилия и т.п.).

В необходимых случаях в целях выявления мнения детей судом назначаются судебно-психологические экспертизы. Вместе с тем в последние годы в связи с увеличением семейно-правовых споров о воспитании детей в Гусиноозерском городском суде Республики Бурятия стала получать распространение практика привлечения специалистов-психологов в целях выявления индивидуально-психологических особенностей ребенка, особенностей и уровня его психического развития, индивидуально-психологических особенностей каждого из родителей, психологического отношения каждого из родителей к ребенку, психологического отношения ребенка к каждому из родителей и другим членам семьи.

Например, по спору Ф.В.А. к Ф.В.Б. об определении места жительства детей, определении порядка общения с детьми, встречному искомому заявлению Ф.Б.В. к Ф.В.А. об определении места жительства ребенка, определении порядка общения с детьми для дачи консультации по делу были привлечены психологи. Несмотря на то, что у сторон-бывших супругов было четверо общих детей (2011 г.р., 2014 г.р., 2017 г.р., 2017 г.р.), в ходе судебного разбирательства они договорились о месте проживания троих детей с матерью, определили порядок общения младших детей с отцом, однако не смогли договориться в определении места жительства старшего сына. Будучи допрошенным в судебном заседании, А. пояснил, что желает проживать дома, с отцом. Учитывая обстоятельства дела, привлекая к участию в деле психологов, суд указал специалистам на необходимость отразить взаимоотношения несовершеннолетнего А. с матерью и отцом, сестрой и братьями; определить наличие или отсутствие психологического влияния на ребенка со стороны (в том числе со стороны отца либо матери); привязанность несовершеннолетнего А. к матери, к отцу, сестре и братьям; выявить психологические особенности матери, отца и ребенка; определить наличие осознанной позиции у ребенка по существу спора об определении его места жительства.

Из психологического представления психолога Л. было установлено, что большую эмоциональную привязанность ребенок испытывает к отцу. При этом ребенок не воспринимает родителей как родительскую чету, неадекватности поведения не отмечается. В отношении матери слабая эмоциональная близость, низкая авторитетность родителя, ребенок не удовлетворен отношениями с матерью, ребенок отмечает отсутствие сотрудничества между собой и матерью. Отсутствие такового может быть результатом нарушенных отношений, авторитарного, безразличного или попустительского стиля воспитания. У мальчика отмечается глубокое чувство обиды на мать. При этом в отношении к отцу мальчик удовлетворен эмоциональной стороной общения с отцом. Ребенок желает прожи-

вать с отцом, так как считает, что для него сейчас это необходимо жить в привычной обстановке. Свое решение считает осознанным, со слов ребенка влияния на принятие этого решения со стороны не было. Со стороны отца выявлена удовлетворенность взаимоотношениями с ребенком, хорошая эмоциональная близость, принятие ребенка.

Психолог Г. отметила, что психологический контакт между матерью и сыном в настоящее время потерян. Привязанность не сохранена. Ф.В.А. осознает свою ответственность за происходящее, полностью и осознанно признала все свои ошибки в отношении воспитания сына. Полностью готова к восстановлению детско-родительских отношений. Психологическая связь А. между сестрой устойчивая, с младшими братьями поверхностная. Ребенок выражает желание проживать с отцом.

После заслушивания в судебном заседании консультаций специалистов стороны согласились с мнением специалистов, хотя и настаивали на вынесении судом решения, однако обжаловать его не стали. Судом с учетом всех обстоятельств дела, представленных доказательств, в том числе с учетом полученной консультации специалистов-психологов, с учетом мнения ребенка было принято решение об определении места проживания несовершеннолетнего А. с отцом Ф.В.Б.

По другому делу С. обратился с иском к Г. об определении места жительства сына, 2012 г.р., с ним, указывая, что ребенок после прекращения семейных отношений в 2022 г. проживает у него, мать создает негативный фон для проживания ребенка, не в состоянии обеспечить благоприятный морально-психологический климат в семье, она проживает с чужим мужчиной, часто отсутствует дома в вечернее время и по ночам.

Судом было установлено, что между сторонами сложились ярко выраженные конфликтные отношения, в отделе полиции по заявлениям сторон за непродолжительное время зарегистрировано 4 материала КУСП.

Опрошенный в судебном заседании несовершеннолетний пояснил, что ему в настоящее время 10 лет, он проживает с отцом, бабушкой, тетей и старшим братом. Ранее проживал вместе с мамой, братьями и сестрой. Ему нравится жить с отцом, а жить с матерью он не хочет. Отношения с папой и мамой хорошие.

В то же время из характеристики школьного педагога-психолога, данной по поручению суда, следует, что в результате беседы у несовершеннолетнего выявлен повышенный уровень тревожности, связанный с создавшейся ситуацией, боится, что определят место проживания с отцом. Ребенок категорически против разлуки с матерью и совместного проживания с отцом, эмоциональный и тактильный контакт сохранен только с матерью.

Также судом исследовано заключение МБУ ДО «Центр диагностики и консультирования» г. Улан-Удэ, из которого следовало, что каждый из родителей способен создать психологически комфортные условия для воспитания ребенка, так как обладают достаточными родительскими ресурсами. Отношение ребенка к матери эмоционально положительное. Он испытывает выраженную эмоциональную привязанность к матери, нуждается в ее внимании и заботе. Отношение к отцу диагностируется как

положительное, проявляется некоторая эмоциональная напряженность. Желание несовершеннолетнего проживать с отцом во многом обусловлено недостаточным общением с матерью и проживанием его в семье отца, а также связывается с его возрастными особенностями (младший школьный возраст, недостаточный жизненный опыт и сформированность самосознания. Фрагментарность оценки ситуации. Фиксация на эмоционально значимых аспектах), мнение о проживании с тем или иным родителем не может считаться полностью осознанным.

Разрешая спор по существу, суд определил место жительства ребенка с матерью. Имеют место случаи привлечения специалистов-психологов и при рассмотрении споров о лишении родительских прав/ восстановлении в родительских правах.

При рассмотрении иска о лишении родительских прав, независимо от позиции истца и ответчика, изучение всех обстоятельств дела будет являться гарантией вынесения правосудного решения, в результате которого не наступит необоснованное лишение родительских прав, равно как не последует оставление ребенка в семье, нахождение в которой ему ничего, кроме вреда, не принесет.

Так, при рассмотрении иска П.М.А. к П.О.Л. о лишении родительских прав в отношении двоих детей мать в числе прочих оснований ссылалась на то, что отец терроризирует старшего ребенка, постоянно оскорбляя и унижая. К судебному процессу привлекли психолога. Он в своей консультации указал, что методика анализа семейных взаимоотношений не выявила каких-либо личностных особенностей родителей, которые могли бы привести к нарушению процесса воспитания. Эмоциональной привязанности к отцу у ребенка не выявлено. Со стороны отца П.О.Л. выявлено желание потакать своим слабостям, инфантильность в поведении (детскость, незрелость или неразвитость психики), импульсивность и восприимчивость к внешним раздражителям. Агрессивности в отношении детей не выявлено, отмечена эмоциональная привязанность. Со стороны матери выявлены вербализация (публичное обвинение отца в неадекватности поведения, оскорбление его и т.п.), требование сочувствия к себе в сложившейся ситуации. Со стороны отца — инфантильность поведения (забрать у ребенка велосипед, компьютер), таким образом наказывать детей за то, что они остаются с матерью. Самоустранение в воспитательном процессе. Взаимные обвинения супругов в присутствии детей.

Суд отказал в лишении ответчика родительских прав, предупредив его о необходимости изменения отношения к воспитанию детей.

По делу о восстановлении М. в родительских правах специалист-психолог отметил, что у ребенка эмоциональной привязанности к кровной матери не отмечается, взаимоотношения с приемными родителями ее устраивают, чувствует свою причастность к этой семье. Суд учел мнение ребенка, отказывая в иске, указал о преждевременности обращения с требованиями о восстановлении в родительских правах.

Подводя итог, следует отметить, что привлечение к участию в деле специалиста-психолога в семейных спорах на практике помогает суду выявить действительные отношения сторон, в том числе как родителей ре-

бенка, выявить их отношения и намерения относительно ребенка, тем самым способствуя тому, чтобы при вынесении судом решения интерес несовершеннолетнего был оптимально учтен. О том, что данная практика действительно помогает судам наиболее оптимально учитывать интересы ребенка, косвенно свидетельствует и тот факт, что ни по одному из дел, где для дачи консультации привлекался специалист-психолог, решение суда не было обжаловано.

THE PRACTICE OF INVOLVING A SPECIALIST PSYCHOLOGIST IN RESOLVING DISPUTES ABOUT CHILDREN

Rinchino Elena Nikolaevna

Deputy Chairman

Gusinoozersk city Court of the Republic of Buryatia

Gusinoozersk, microdistrict 6, 23

st_ellena@mail.ru

The article raises the issue of attracting psychologists to participate in the consideration of family disputes to give advice on the case in order to clarify the individual psychological characteristics of the parties to the family conflict, their child, their relationship, which contributes to making decisions that are most consistent with the interests of the child, are given examples of judicial practice involving psychologists when considering cases on determining the place of residence of children, deprivation of parental rights, restoration of parental rights. The author comes to the conclusion that the involvement of a psychologist in family disputes helps the court to identify the actual relationship of the parties. Their relationship and intentions regarding the child. Contributing to the optimal consideration of the child's opinion when the court makes a decision.

Keywords: court, interests of the child, parents, conflict, family disputes, psychologist, consultation.

УДК 347.2

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЕЩНЫХ ПРАВАХ В РОССИИ

© Ханзаев Булат Баирович

студент 4-го курса,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Российская Федерация, г. Улан-Удэ

bulat2704@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы развития законодательства о вещных правах в России. Проведен анализ различных точек зрения относительно понятия и характерных черт вещного права. Автором резюмируется, что в течение длительного периода времени такой институт, как вещное право, подтвердил свою ключевую значимость в правоприменительной деятельности и потребность в законодательном закреплении его понятия и признаков.

Ключевые слова: вещное право, право собственности, генезис вещного права, проблемы вещных прав.

Россия относится к группе государств романо-германской правовой семьи. Однако отечественное законодательство, регулирующее общественные отношения по поводу вещных прав, как отмечают ученые и другие исследователи, прошло свой уникальный путь развития. Этот уникальный путь, как отмечено, отличается от формирования вещных прав в других государствах романо-германской правовой семьи. По мнению Н. А. Сушко, в отечественной доктрине гражданского права не сформировался такой глубокий и дифференцированный подход к изучению различных вещных прав, как в западных странах с долгой историей рыночных традиций [4, с. 77].

Отсутствие у российского законодательства исторически сложившейся и практически отработанной нормативной базы для реализации вещных прав представляет собой первоочередную проблему в данной области. Даже после принятия и введения в действие части первой Гражданского кодекса РФ в 1995 г. ученые-цивилисты отмечают, что существующие нормы не способны должным образом регулировать вещные права. В действительности на практике большую часть работы по выстраиванию эффективных способов реализации вещных прав выполняют судебные органы. Пленумы Верховного суда РФ в данной области зачастую играют более значимую роль, чем законодательные нормы. Это не совсем правильно, на наш взгляд, и данную проблему необходимо решить. Одним из перспективных вариантов решения видится реформирование существующих норм.

В российском гражданском праве большую роль играют нормы о праве собственности. Следует отметить, что действующее законодательство более детально регламентирует право собственности, наиболее значимый институт вещного права. Однако правовое регулирование ограниченных вещных прав, на наш взгляд, недостаточно, не соответствует требованиям

развития имущественных отношений на современном этапе. Из этого можно сделать вывод, что законодательство в основном регулирует право собственности, а другие вещные права пребывают в «непонятном» состоянии. Создание эффективной системы вещных прав, которая в полной мере учитывала бы интересы всех участников данных отношений, является не просто решением, а необходимостью.

Важность эффективного функционирования вещных прав, их стабильность и защита для развития рыночных отношений и социально-экономического благополучия в нашей стране неоспорима. Однако в российском законодательстве проблемой является отсутствие развитого механизма посессорной защиты владения. Под посессорной защитой понимается защита реального господства лица над вещью на основе его фактического отношения к предмету владения. Это не связано с владением как элементом субъективного вещного права, а скорее с фактическим господством лица над вещью, независимо от вопроса о праве на него и способах его приобретения. Это важно учитывать при разработке механизмов защиты владения.

Защита не только собственников имущества, но и других участников имущественных отношений должна обеспечиваться развитой правовой системой. Однако процесс перехода к более развитым формам сервитутов и других ограниченных вещных прав, соответствующим рыночным условиям, происходит медленно. Наметившаяся конкуренция между гражданским и земельным законодательством, по существу – между частным и публичным правом, усложняет регулирование земельных отношений, представляя собой проблему.

В данной сфере регулирование некоторых вопросов берет на себя Земельный кодекс РФ (далее — ЗК РФ, Земельный кодекс). Гражданский кодекс применяется, если иное не предусмотрено Земельным кодексом, что создает некоторого рода зависимость первого от второго [1]. В положении ст. 3 Земельного кодекса указывается, что имущественные отношения по вопросам владения, пользования и распоряжения регулируются Гражданским кодексом, опять-таки если иное не предусмотрено ЗК РФ и иными актами [2].

Подобный подход мог оправдывать себя в условиях приоритета публичной собственности на землю, однако сегодня, когда частная собственность на землю выступает как важный фактор развития рыночной экономики, он представляется не таким актуальным, как прежде. Необходимо обеспечить соответствие нормативных предписаний гражданского и земельного законодательства, который бы привел к балансу частных и публичных интересов в этой очень сложной и важной для общества и государства сфере правового регулирования. Важно отметить, что недвижимое имущество имеет прямое влияние на развитие экономики, так как связано с вещными правами. Поэтому следует гармонизировать законы, осуществляющие регулирование вещных прав и положений о недвижимом имуществе и его регистрации.

Вещное право предполагает предоставление человеку определенных гарантий, среди которых важнейшей является неприкосновенность соб-

ственности. Этот принцип содержится не только в гражданском законодательстве, но и имеет конституционное закрепление [6, с. 367]. Однако на практике ситуация с реализацией данного принципа, к сожалению, еще далека от совершенства.

Анализ нормативно-правовых актов и научных исследований позволяет прийти к выводу, что в сфере законодательного регулирования вещных прав в отечественной практике существует ряд недостатков. Эти недостатки обусловлены различными факторами, но в целом они связаны с развитием данного института конкретно в нашей отечественной практике. Как было сказано ранее, в нашей стране данный институт развивался по особому пути, и это сыграло далеко не последнюю роль.

В России существуют проблемы, связанные с законодательством о вещных правах, которые были выявлены в ходе исследования, назовем некоторые из них:

- недостаточная развитость и полнота нормативной основы регулирования вещных отношений;
- значительная роль в регулировании вещных отношений отводится судам и судебной практике, в особенности постановлениям пленумов Верховного суда РФ, что не характерно для стран с развитым правопорядком.
- отсутствие полноценной системы ограниченных вещных прав в гражданском законодательстве. Вместо этого основное внимание уделяется нормам о праве собственности, в то время как другие вещные права регламентируются минимально, что, по нашему мнению, не соответствует потребностям дальнейшего социально-экономического развития.

Важной задачей, требующей изменений, является проблема реформирования нормативного регулирования вещных прав в Гражданском кодексе РФ.

А. В. Феоктистов и Д. В. Феоктистов, доценты кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета, отмечают, что изменение структуры гражданско-правового регулирования вещных прав в законодательстве является одной из главных проблем [5, с. 150]. Это связано с тем, что в России используется пандектная система построения нормативных актов. Отсутствие общих положений о вещном праве отрицательно сказывается на регулировании данных отношений.

Л. Ю. Василевская, профессор, доктор юридических наук, в своей работе анализировала проект по изменению Гражданского кодекса РФ, касающийся формирования новой системы ограниченных вещных прав. Она справедливо отметила, что в законопроекте № 47538-6/5 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено возникновение любого ограниченного вещного права на основании заключенного договора об установлении вещного права, согласно ст. 224 п. 3 [3, с. 114]. Очень вероятно, что авторы реформы искали вдохновение в немецком опыте. Но в отличие от немецкого подхода в российском Гражданском кодексе и законопроекте, о котором говорила Василевская, отсутствует конструкция вещного

договора, что вызывает определенные вопросы. Установление ограниченного вещного права через договор, как источника возникновения обязательств, фактически противоречит идее разделения вещных и обязательственных прав.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что реформирование Гражданского кодекса в части нормативного регулирования вещного права — это необходимость, однако и в этом деле существуют определенного рода вопросы, которые нуждаются в тщательной проработке. Трудно не согласиться с позицией Феоктистовых о необходимости реформирования Гражданского кодекса РФ в части нормативного регулирования вещных прав, однако данный вопрос требует серьезного подхода и глубокого анализа, ведь Василевская правильно отметила, что договор как основание возникновения вещного права противоречит разделению вещных и обязательственных прав.

На наш взгляд, если мы действительно позиционируем себя как государство с развитым институтом вещных прав, то необходимо глубоко и всесторонне изучить данные отношения. Один из вариантов решения проблемы — анализ зарубежного законодательства и создание на его основе подходящего для реалий нашего государства собственного законодательства, которое позволит эффективно регулировать вещные правоотношения, либо анализировать уже имеющиеся в нашем законодательстве положения, выявлять его недостатки, разрешать проблемы, восполнять имеющиеся пробелы в вещном праве, дополнять недостающими элементами.

По мнению многих ученых в области юриспруденции, существует широко распространенное убеждение о необходимости реформирования гражданского законодательства в отношении регулирования вещных прав. Несмотря на то, что наша страна относится к странам с рыночной экономикой, на самом деле, по нашему мнению, существующая правовая система имеет проблемы и требует определенных изменений и реформ, как на уровне законодательного регулирования, так и в правоприменительной практике.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023). URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.05.2024).
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/?ysclid=lwhqrrufva157200800(дата обращения: 22.05.2024).
3. Василевская Л. Ю. Реформирование законодательства о вещных правах и об их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9(94). С. 110–117.
4. Сушко Н. А. Вещное право в системе современного гражданского права // Евразийский союз ученых. 2017. № 10(43). С. 76–79.

5. Феоктистов А. В., Феоктистов Д. Е. Проблемные вопросы вещного права в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1(217). С. 148–151.

6. Щенникова Л. В. Понятие вещного права в аргументации российских цивилистов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 361–372.

SOME PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF PROPERTY RIGHTS LEGISLATION IN RUSSIA

Bulat Baiyrovich Khanzaev

4th year student,

Buryat State University named after Dorji Banzarova

Russian Federation, Ulan-Ude

bulat2704@yandex.ru

The article examines the problems of the development of legislation on property rights in Russia. The analysis of various points of view regarding the concept and characteristic features of property law is carried out. The author summarizes that for a long period such an institution as property law has confirmed its key importance in law enforcement and the need for legislative consolidation of its concepts and features.

Keywords: property law, property law, the genesis of property law, problems of property rights.

УДК 347.6

К ВОПРОСУ О РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ДЕЛ О ЛИШЕНИИ, ОГРАНИЧЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

© Шангина Елизавета Сергеевна

помощник судьи,

Заиграевский районный суд Республики Бурятия

Заиграевский район, пос. Заиграево, ул. Серова, 11

lisa16121998@mail.ru

Защита прав и интересов детей сегодня остается актуальной проблемой нашего государства. В современном мире мы все чаще сталкиваемся с безответственным отношением родителей к своим детям. Когда уже все профилактические меры предприняты, остается лишь защищать права и интересы детей в судебном порядке. В данной работе рассмотрены особенности рассмотрения дел о лишении, ограничении родительских прав, проанализирована судебная практика по рассмотрению судами дел указанной категории. Предметом исследования является семейное законодательство Российской Федерации, предусматривающее гражданско-правовую ответственность за ненадлежащее исполнение родителями своих родительских обязанностей. На основании проведенной работы сделаны выводы, что рассмотрение дел указанной категории требует особого внимания и тщательного изучения.

Ключевые слова: родители, дети, лишение родительских прав, семья, ограничение родительских прав, ответственность, ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, исковое производство, семейное право, защита прав и интересов детей.

Быть родителем не так просто, как может показаться на первый взгляд. Становясь родителем, многие даже не задумываются о том, что с этой минуты появляется ответственность не только за свою жизнь, но и за жизнь маленького человека. Роль родителей в жизни ребенка трудно оценить. Ведь родители — это те люди, которые обязаны проявлять заботу о своих детях, обеспечивать их всем необходимым, воспитывать и прививать им нравственные и моральные ценности.

Согласно Основному закону нашего государства, забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей [1]. Кроме того, Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) обязывает родителей защищать права и интересы детей. Но что если защищать права и интересы детей нужно от противоправного поведения их родителей? Нередко в нашем обществе встречаются случаи ненадлежащего осуществления родителями своих родительских обязанностей. Все чаще в новостных лентах мы встречаем сведения о том, что в том или ином городе родители оставили несовершеннолетних без присмотра либо вовсе бросили умирать где-то на улице.

Назревает вопрос «Каким образом в данной ситуации защитить ребенка от безответственного поведения его родителей?». Действующим законодательством Российской Федерации за ненадлежащее исполнение роди-

тельских обязанностей предусмотрена административная, уголовная и гражданско-правовая ответственность. Остановимся более подробно на гражданско-правовой ответственности.

Родители, ненадлежаще исполняющие свои родительские обязанности, по решению суда могут быть ограничены или лишены родительских прав. В соответствии с Семейным кодексом РФ лишение родительских прав – крайняя мера ответственности за ненадлежащее исполнение родителем своих родительских обязанностей. Другими словами, лишение родительских прав возможно лишь в случае, когда проведена вся необходимая профилактическая работа, но должных результатов она не принесла. Основной целью ограничения или лишения родительских прав как меры семейно-правовой ответственности является защита прав и интересов несовершеннолетних, когда иными мерами защитить ребенка не представляется возможным. Невозможно не согласиться с мнением, что лишение родительских прав – результат лишь осознанного поведения родителя [4].

Дела об ограничении, лишении родительских прав рассматриваются в порядке искового производства в суде общей юрисдикции по месту жительства ответчика. В случае если наряду с требованием об ограничении родительских прав или лишении родительских прав заявлено требование о взыскании алиментов, то такой иск может быть подан по месту жительства истца. Особенностью рассмотрения дел указанной категории является то, что дело рассматривается с участием представителя органа опеки и попечительства, прокурора. Кроме того, обязательно учитывается мнение ребенка, если на момент рассмотрения дела ребенок достиг возраста 10 лет. Основной задачей судов при рассмотрении дел указанной категории является защита прав и интересов детей, находящихся в социально опасном положении.

Так, Заиграевским районным судом Республики Бурятия в 2022 г. рассмотрено 74 дела об ограничении, лишении родительских прав, из них удовлетворено исковых заявлений – 42, отказано в удовлетворении искового заявления – 15, удовлетворено частично – 8, прекращено 1 дело о лишении родительских прав, 3 гражданских дела переданы по подсудности, 5 исковых заявлений указанной категории оставлены без рассмотрения. За первое полугодие 2023 г. количество дел об ограничении, лишении родительских прав составило 34, из них: удовлетворено исковых заявлений – 15, отказано в удовлетворении иска – 12, 2 исковых заявления – удовлетворены частично, производство по 2 гражданским делам указанной категории прекращено, 2 гражданских дела переданы по подсудности, 1 исковое заявление оставлено без рассмотрения.

Согласно ч. 2 ст. 73 Семейного кодекса РФ ограничение родительских прав допускается, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие). Ограничение родительских прав допускается также в случаях, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одно-

го из них) родительских прав. Если родители (один из них) не изменят своего поведения, орган опеки и попечительства по истечении шести месяцев после вынесения судом решения об ограничении родительских прав обязан предъявить иск о лишении родительских прав [2].

Решением Заиграевского районного суда Республики Бурятия от 04.04.2023 г. в удовлетворении исковых требований администрации «Заиграевский район» в лице органа опеки и попечительства к К. о лишении родительских прав отказано.

В ходе рассмотрения дела судом исследован акт обследования условий жизни несовершеннолетнего, из которого следует, что КА, 2010 г.р., проживает с матерью – К. Жилищно-бытовые условия: дом деревянный в нормальном состоянии, отопление печное, вода в доме (насос). Санитарно-гигиеническое состояние жилой площади удовлетворительное, требуется уборка. Безопасность ребенка обеспечена в соответствии с возрастом. Условия, представляющие угрозу жизни или здоровью ребенка либо препятствующие его нормальному воспитанию и развитию, имеются: факт жестокого обращения со стороны сожителя матери, употребление спиртных напитков матерью совместно с сожителем, мать бездействует при жестоком обращении с ее дочерью В. Ребенок нуждается в психолого-педагогической и социальной помощи.

ДД.ММ.ГГ в адрес председателя районной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав поступило сообщение от начальника отдела опеки и попечительства, согласно которому мать КА и ее сожитель употребляют спиртные напитки. Отчим толкнул ребенка, после чего ребенок доставлен в больницу.

Кроме того, из пояснений самой несовершеннолетней, данных в ходе судебного заседания, следует, что ее родители выпивают спиртные напитки, когда пьяные, ругаются и дерутся. Мама, когда пьяная, может ударить.

Принимая во внимание, что лишение родительских прав является крайней мерой, судом не установлено достаточных оснований для лишения ответчика родительских прав.

При вынесении решения суд учел конкретные обстоятельства дела, личность ответчика, наличие опасности в оставлении ребенка с матерью, на основании чего суд посчитал целесообразным ограничить ответчика в родительских правах, что соответствует интересам ребенка.

На наш взгляд, ограничение родительских прав не всегда является эффективным способом воздействия на нерадивых родителей. Как правило, после вынесения судом решения об ограничении родительских прав истец через непродолжительное время обращается в суд с иском о лишении родительских прав, указывая, что с момента вынесения судом решения ответчик должных выводов для себя не сделал и продолжает уклоняться от исполнения своих родительских обязанностей.

27.05.2022 г. Заиграевским районным судом Республики Бурятия рассмотрено дело искового заявления Районной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации МО «Заиграевский район» к ВН, ВД о лишении родительских прав и взыскании алиментов.

Удовлетворяя заявленные требования, суд исходил из того, что ответчики не изменили своего поведения и отношения к вопросу воспитания дочери, полностью уклонились от ее воспитания. Ребенок бродяжничает, с родителями постоянно совместно не проживает, с матерью жить категорически отказывается, отец регулярно подолгу отсутствует по месту своего жительства в связи с тем, что неофициально работает в других районах республики. Надлежащего материального обеспечения родители дочери не оказывают, она предоставлена сама себе, в школе не обучается, обучением дочери родители не занимаются, заботы о здоровье дочери не проявляют, равнодушны к ее судьбе. При таких обстоятельствах существует потенциальная угроза для жизни и здоровья несовершеннолетней. Суд не усмотрел оснований к отказу в иске, посчитал целесообразным в интересах ребенка лишить ответчиков родительских прав, передать ребенка на попечение органа опеки и попечительства. Защитить права и интересы ребенка иным образом не представилось возможным.

Однако бывают и редкие случаи, когда ограничение родительских прав является неким толчком для исправления сложившейся ситуации, родители понимают, что навсегда могут потерять своих детей и это является стимулом для того, чтобы пересмотреть свою жизнь и сделать все возможное, чтобы вернуть детей обратно в семью. На основании ст. 76 Семейного кодекса РФ если основания, в силу которых родители (один из них) были ограничены в родительских правах, отпали, суд по иску родителей (одного из них) может вынести решение о возвращении ребенка родителям (одному из них) и об отмене ограничений, предусмотренных ст. 74 настоящего кодекса. Суд с учетом мнения ребенка вправе отказать в удовлетворении иска, если возвращение ребенка родителям (одному из них) противоречит его интересам [2].

Н. обратилась в Заиграевский районный суд Республики Бурятия с иском о признании недействительным решения суда об ограничении в родительских правах, о восстановлении в родительских правах, о возвращении детей МЖ, МС. Исковые требования обоснованы тем, что решением Заиграевского районного суда Республики Бурятия от 18.07.2022 г. она была ограничена в родительских правах в отношении сыновей, основанием ограничения в родительских правах явилось ненадлежащее исполнение родительских обязанностей. Истица осознала свои ошибки, изменила поведение, образ жизни и отношение к воспитанию детей, устроилась на работу. Имеет в пользовании жилое помещение, где созданы условия для жизни несовершеннолетних детей.

Опрошенный в ходе судебного заседания несовершеннолетний МЖ пояснил, что мама перестала употреблять спиртные напитки, помогает им с братом материально, покупает вещи, дает деньги. Просит суд отменить ограничение родительских прав, хочет проживать с мамой.

Проанализировав все исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства по делу, суд пришел к выводу, что заявленный иск следует удовлетворить, поскольку Н. изменила поведение, образ жизни и отношение к воспитанию детей, желает их воспитывать, дети желают жить в семье матери, согласны с восстановлением ее в родительских правах. Также

суд пришел к выводу, что восстановление Н. в родительских правах и возврат детей соответствуют интересам детей. Решением Заиграевского районного суда Республики Бурятия от 13.03.2023 г. указанное исковое заявление удовлетворено.

Семейный кодекс РФ содержит исчерпывающий перечень оснований для лишения родительских прав. Одним из оснований для решения вопроса о лишении родительских прав, предусмотренным СК РФ, является совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей. В данном случае при вынесении решения об удовлетворении искового заявления по указанному основанию суд руководствуется вступившим в законную силу судебным актом, устанавливающим виновность лица.

Так, решением Заиграевского районного суда Республики Бурятия от 19.04.2023 г. удовлетворено исковое заявление Б., П. к Б.А. о лишении родительских прав. Судом установлено, что постановлением Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 04.04.2019 г. Б.А. признан виновным в совершении запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного п. «б» ч.4 ст. 132 УК РФ в отношении своего сына — Б.Р., 2007 г.р., освобожден от уголовной ответственности за деяние, предусмотренное п. «б» ч.4 ст. 132 УК РФ, применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа.

Анализ судебной практики показал, что в большинстве случаев лица, лишенные или ограниченные в родительских правах, ведут асоциальный образ жизни, злоупотребляют спиртными напитками, не работают, имеют низкий уровень моральных ценностей. Ведя такой образ жизни, указанные лица не в полной мере осуществляют заботу о своих детях, каждый день подвергая их жизнь и здоровье опасности. Родители – это лица, которые должны защищать своих детей от любого негативного воздействия внешнего мира, однако в реальной жизни мы не раз сталкиваемся с ситуациями, когда приходится защищать детей от негативного воздействия их родителей.

Подводя итог данной работы, следует сделать вывод, что гражданские дела о лишении, ограничении родительских прав относятся к одним из самых сложных в семейном праве. Рассмотрение дел указанной категории требует особого внимания, поскольку малейшая ошибка и неправильно вынесенное решение могут полностью изменить жизни нескольких людей. Очень важно вовремя защитить ребенка.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

3. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление пленума Верховного суда РФ от 14.11.2017 г. № 44. URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 08.08.2023).

4. Саляхова Г. А. К вопросу о лишении и ограничении родительских прав // Интеллектуальный потенциал XXI в.: ступени познания. 2014. С. 154.

TO THE QUESTION OF CONSIDERATION BY THE COURTS OF CASES ON THE DEPRIVATION, LIMITATION OF PARENTAL RIGHTS

Shangina Elizaveta Sergeevna

Assistant Judge,

Zaigraevsky District Court of the Republic of Buryatia

Zaigraevsky district, Zaigraevo village, Serova str., 11

lisa16121998@mail.ru

Protection of the rights and interests of children today remains an urgent problem of our state. In the modern world, we are increasingly faced with the irresponsible attitude of parents towards their children. When all preventive measures have already been taken, it remains only to protect the rights and interests of children in court. In this paper, the features of the consideration of cases of deprivation, restriction of parental rights are considered, judicial practice is analyzed in the consideration of cases of this category by the courts. The subject of the study is the family legislation of the Russian Federation, which provides for civil liability for improper performance by parents of their parental duties. Based on the work carried out, it was concluded that the consideration of cases of this category requires special attention and careful study.

Keywords: parents, children, deprivation of parental rights, family, restriction of parental rights, responsibility, improper performance of parental duties, lawsuit proceedings, family law, protection of the rights and interests of children.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС, АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	
Алексеев Т. А., Латыпов А. А. Проблемы надзорного производства в гражданском процессе	4
Буржимский О. А., Кансыриев А. Ф. О противоречивости правового регулирования полномочий суда кассационной инстанции общей юрисдикции по гражданским делам	10
Дондупова С. А., Балдаева Р. А. Вопрос о признании права собственности на самовольную постройку, возведенную на земельном участке, находящемся на праве аренды	16
Дробышев Д. А. Искусственный интеллект в гражданском процессе: перспективы развития и проблемы правоприменения	23
Кайгородов А. В. Соотношение государственной регистрации прав и нотариального удостоверения сделок с недвижимостью в контексте защиты прав участников гражданского оборота	31
Михайлова Б. С. Некоммерческие организации как участники гражданского судопроизводства по делам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде	37
Мурзина Е. А. Особенности исполнения исполнительных документов о восстановлении на работе	42
Позняк А. В. Особенности судебного доказывания в гражданском процессе	48
Чулков И. К. Значение термина «космический объект» в космическом частном праве	54
Шананин И. А. Иностранная диплом о высшем образовании как подтверждение права представлять интересы граждан и юридических лиц в судах общей юрисдикции Российской Федерации в рамках гражданского судопроизводства	61
Широкова Д. О., Балдаева Р. А. Обязательный досудебный порядок урегулирования споров как условный вид подведомственности в гражданском судопроизводстве	68
ТРУДОВОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	
Аббасова К. А., Налетова М. М. Врачебная тайна в правоотношениях суррогатного материнства	73
Баертуева Е. А., Мурзина Е. А. Персональные данные в трудовых отношениях	80
Балдаев Д. И. О некоторых вопросах регулирования труда тренеров	86
Вологодина К. В. Проблемы реализации права ребенка жить и воспитываться в семье	89

Гурман З. В. Защита прав и интересов детей при разрешении судами споров, вытекающих из семейных правоотношений	97
Липатов В. И. Офсетный контракт как форма государственно-частного партнерства	104
Сандапова С. С., Мурзина Е. А. Формы и способы защиты трудовых прав работников	110
Ткачева Н. В. Проблемы противодействия деструктивной пропаганде в сети Интернет	115
Ринчино Е. Н. Практика привлечения специалиста-психолога при разрешении споров о детях	123
Ханзаев Б. Б. Некоторые проблемы развития законодательства о вещных правах в России	128
Шангина Е. С. К вопросу о рассмотрении судами дел о лишении, ограничении родительских прав	133

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЦИВИЛИСТИКИ**

*Материалы всероссийской
научно-практической конференции*

(Улан-Удэ, 16 мая 2024 г.)

Редактор
Ж. В. Галсанова

Компьютерная верстка
Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 05.07.24. Формат 70x108 1/16.
Усл. печ. л. 12,43. Уч.-изд. л. 8,81. Заказ 81.

Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
rio@bsu.ru